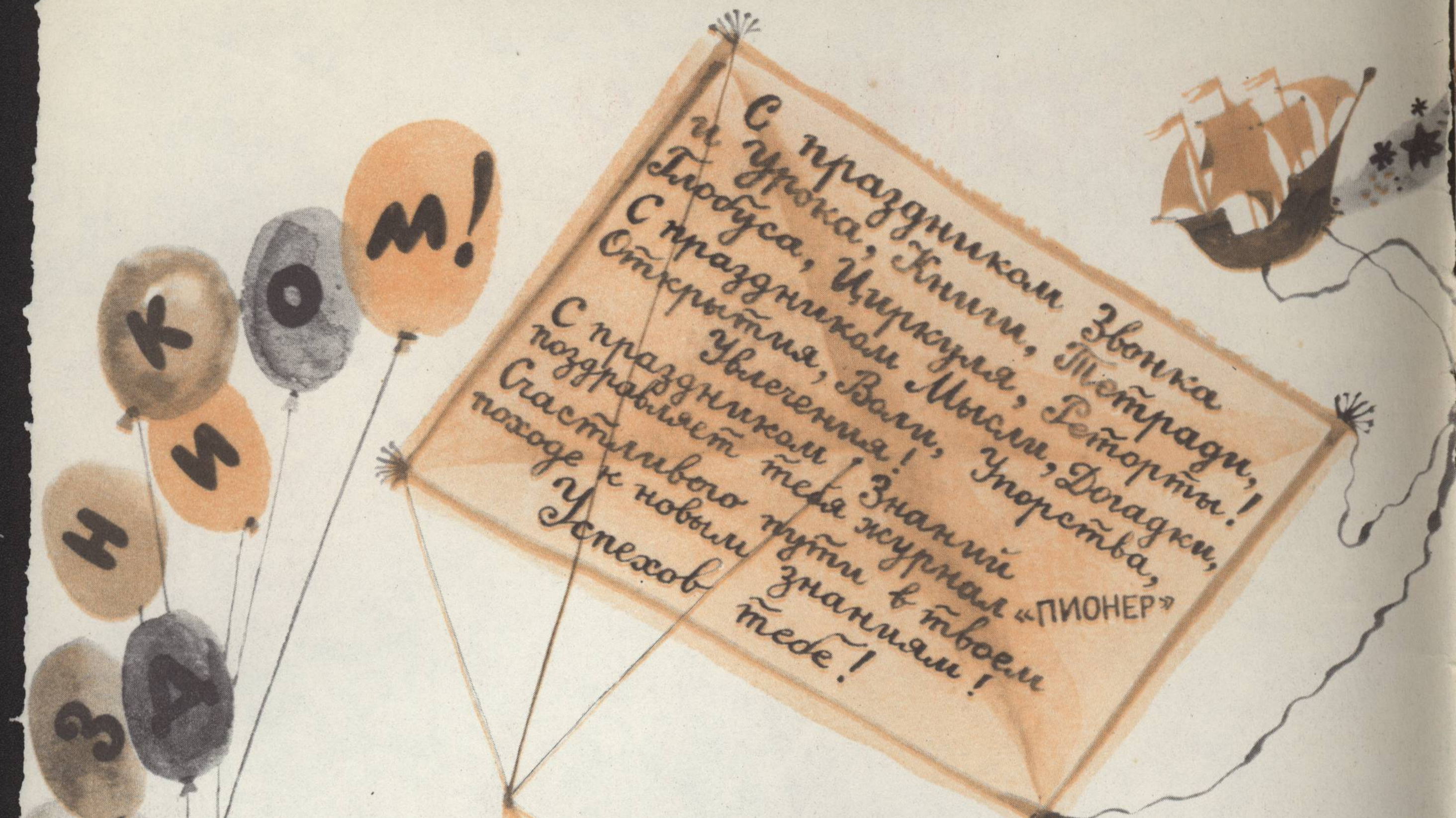
ПИОНЕР 9

СЕНТЯБРЬ • 1972 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Сентябрьский номер «Пионера» предлагает тебе:

Разговор с заместителем министра просвещения РСФСР **Любовью Кузьминичной Баля́сной**, с директором школы **Вячеславом Степановичем Смирновым** и школьником, шестиклассником **Степой Малачевским.**

Рассказы **Валентина Катаева** «Кусочек фо́сфора» и «Бутылка»;

Повесть **Александра Крестинского** «Жизнь и мечты Ивана Моторихина»;

Рассказ поэтессы **Майи Борисовой** «Душа в заветной лире»;

Стихи **Валентина Берестова** о детстве;

Продолжение повести **Зои Воскресенской** «Пароль — Надежда»;

Рассказы **Ю. Сбитнева**;

Сценарий **Людмилы Матвеевой** про киностудию «Флоричика»;

Продолжение похождений хитрого муравья Соленопсиса;

Воспоминания **Андрея Некрасова** о Борисе Степановиче Житкове;

Еще в номере — урок в Школе умелых хозяев, который ведет профессор **Александр Михайлович Бирман**;

Очередная встреча с Тремя Неизвестными;

Сообщения «Научного телеграфа»;

Бабочки на марках — начало коллекции;

Странички «Кораблика» — журнала в журнале — и еще много всего другого. Выбирай!

Рисунок А. БОРИСОВА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

СЕНТЯБРЬ 9

Издательство «Правда»

Москва 1972 г.

Каким быть

Любовь Кузьминична
БАЛЯСНАЯ,
заместитель министра
просвещения РСФСР

Пришли вы первого сентября в школу — на доске, на привычном месте, висят «Правила для учащихся». Пригляделись: новые! Что первое заметили? Что правил совсем мало и что для каждого возраста свои, друг на друга непохожие. Или, может быть, похожие?

Прочитайте их повнимательнее и увидите, что с вами говорят, как с людьми надежными, ответственными, от которых зависит завтрашний день страны. И еще вы увидите, что речь в них идет о самом важном — о честном, добросовестном отношении к труду, о сознательной дисциплине, об умении быть хозяином своей страны, надежным товарищем, культурным человеком. Только для октябрят правила еще очень простые, для пионеров — потруднее, для комсомольцев — совсем серьезные, взрослые. Вот хотя бы отношение к работе, к учению. В правилах для малышей сказано, что они обязаны прилежно учиться, внимательно слушать объяснения учителя, выполнять домашние задания. Для ребят из 4—8-х классов это

В средних — беречь не только школьное, но и народное добро. Старшеклассники должны заботиться не только о сохранении, но и умножении всего народного достояния, богатств родной природы.

Наверное, некоторые правила покажутся вам скучными, поднадоевшими. Постарайтесь отнестись к ним по-взрослому.

«Не опаздывай на занятия», «Будь точным». Вроде бы пустяк — минутное опоздание в школу, а скольких твоих товарищей выбивает оно из колеи. Ты сам пропустил начало урока, ребята отвлеклись от работы, учитель должен на ходу менять план урока, рассчитанный до мелочей, по минутам. Пустяк, а оборачивается он большими потерями. Если ты будешь помнить о смысле каждого правила, ни одно из них не покажется тебе скучным.

требование звучит уже серьезнее: «Настойчиво овладевать знаниями». А старшеклассники должны не просто справляться со школьной программой, не работать «от сих до сих», а стремиться пополнять, углублять свои знания в научном кружке, в лаборатории, на опытном участке, словом, заниматься самообразованием.

Как видите, одно и то же требование, но оно изменяется год от года, словно растет вместе с тобой, по мере того, как ты сам становишься старше и серьезнее. Смысл же его в том, чтобы человек с детства УЧИЛСЯ УЧИТЬСЯ — это умение необходимо. Без него ты не сможешь жить и работать в нашем обществе и в наше время, в пору научно-технической революции.

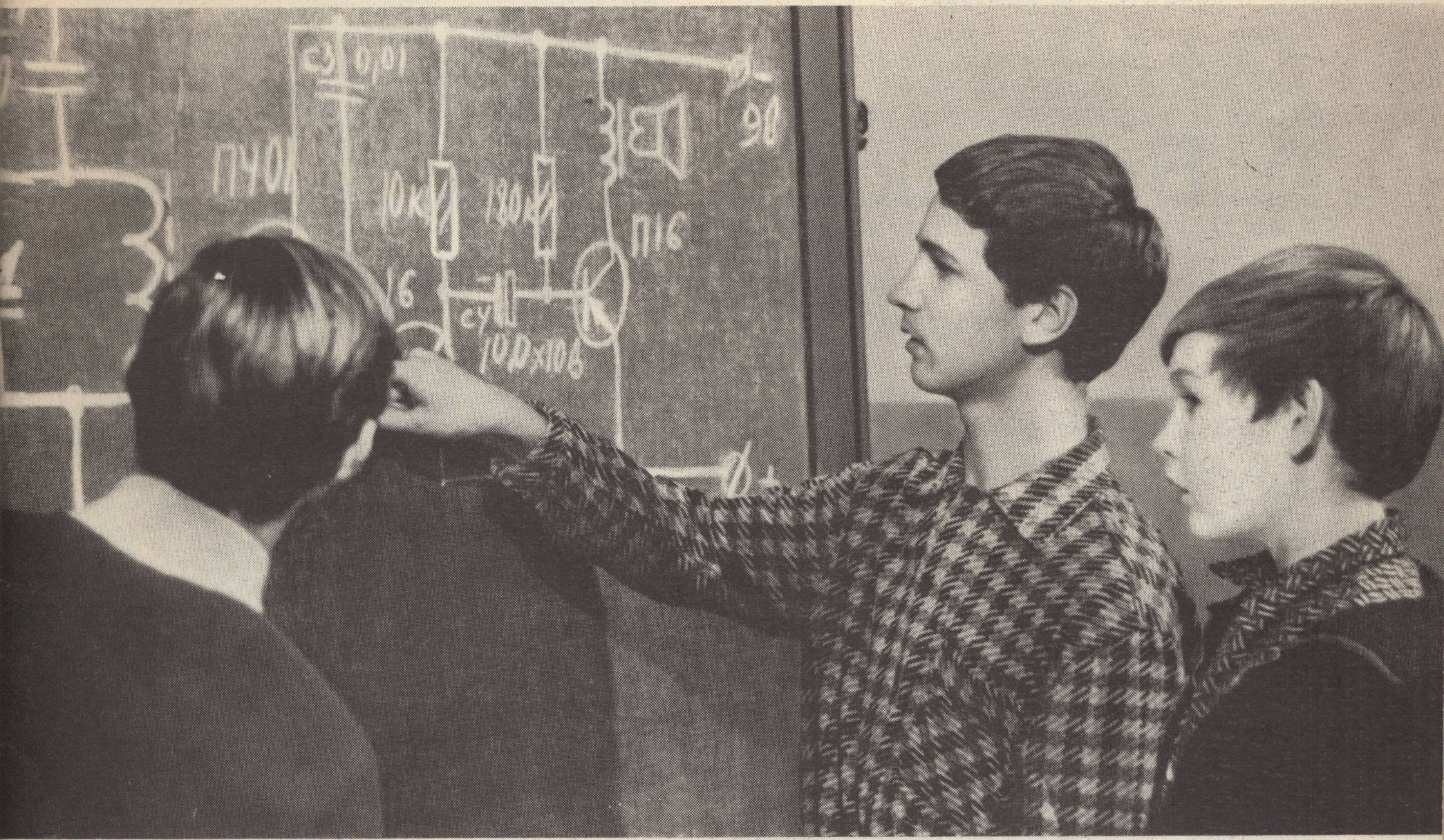
Шаг за шагом, словно по лестнице из трех ступеней, ведут эти «Правила» ребят к тому, что мы называем коммунистическим отношением к труду.

Таких «лесенок» в правилах несколько.

От малышей требуют — дружить с товарищами, от пионеров — относиться с уважением не только к товарищам, но и ко всем окружающим, брать на себя часть домашних дел, выполнять решения органов ученического самоуправления. От старших — заботиться о сплочении школьного коллектива. Эта «лесенка» ведет к коммунистическим отношениям в коллективе, учит быть хорошим товарищем, приносить людям радость, без зова помогать в беде.

Мы хотим, чтобы вы чувствовали себя хозяевами страны. Но чтобы стать хорошим хозяином, надо уже в младших классах научиться бережно относиться к школьному имуществу, оберегать растения и животных.

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

И вот еще, что хотелось мне вам сказать. Не думайте, что кто-то где-то там сидит и сочиняет правила, которым вы потом обязаны подчиняться. Нет, правила для школьников создает, диктует сама жизнь. А взрослые их только формулируют, то есть выражают в словах, в пунктах.

И если все мы будем относиться к ним с уважением, нам легче и веселее будет идти рядом. Цель-то у нас одна, и у тех, кто учится, и у тех, кто учит: чтобы наша страна была богатой, сильной, счастливой.

Вячеслав Степанович СМИРНОВ,
директор школы-интерната № 1
города Вологды

Мне новые «Правила» очень понравились. По-моему, это очень хорошие, очень серьезные правила. И вот почему.

В них прежде всего чувствуется к ребятам уважение. В них речь идет даже не о том, КАК СЕБЯ ВЕСТИ, а о том, КАКИМ БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ.

Бывает так — что греха таить! — ребята думают, что правила для детей вроде забора, который их от жизни отгораживает: этого нельзя, того не делай. На самом деле они как дорожный знак, как указатель, по какому пути шагать, чтобы найти в жизни свое место.

К тебе они обращаются не просто как к ученику, у которого настоящие дела где-то там впереди, в далеком будущем. Они с тобой говорят как с гражданином, у которого и сейчас перед своей страной есть обязанности.

О «Моральном кодексе строителей коммунизма» вы все, конечно, слышали. Новые «Правила» кажутся мне на него похожими по духу. Ничего нет удивительного! Это тоже моральный кодекс (слово «кодекс» и означает «собрание правил») строителя коммунизма, только совсем молодого строителя.

Степа МАЛАЧЕВСКИЙ,
6-й класс «Б», школа № 1, г. Канев

Я так думаю: это хорошие и нетрудные правила. Для нашего класса, например, они в самый раз.

В них обо всем сказано: что учиться надо на совесть и работать в школе, чтобы от тебя был прок, и дома помогать, и одеваться чисто...

Только, по-моему, главное, что там сказано,— ученик должен думать. Не ждать, пока тебе скажут, когда, мол, сесть, когда встать, а самому делать то, что тебе сейчас кажется нужным и правильным.

Если человек хорошо соображает, у него это получится. У наших ребят получится. Точно!

В. КАТАЕВ

Бутылка

Рисунки Н. КУЧБОРСКОЙ.

...Оказалось, что, замерзая при температуре ниже нуля и превращаясь в твердое тело, лед, вода расширяется. Я даже где-то прочел, что если герметически закупоренный сосуд, до самых краев наполненный водой, заморозить, то вода в момент своего превращения в лед разорвет сосуд, из какого бы крепкого металла он ни был сделан. То есть, собственно, разорвет сосуд уже не вода, а сделавшийся там лед. Но это не важно. Важно, что сосуд разорвет...

Так у меня родилась идея сделать стреляющую бутылку. Дело простое: берется бутылка, наливается до самых краев водой, крепко забивается хорошей пробкой, выставляется на мороз, — и через некоторое время она выстрелит пробкой, как из пистолета, а если пробка окажется слишком неподатливой, то сама бутылка со страшным грохотом разорвется, как граната. Тоже неплохо!

Я достал бутылку из-под хлебного кваса, наполнил ее до самого верха водой, заткнул пробкой и для верности еще хорошенько пристукнул пробку малахитовым пресс-папье с папиного стола.

На дворе был мороз, но еще недостаточно сильный для исполнения моего замысла. Однако я рассчитывал, что к ночи температура понизится. Закат пылал, предвещая трескучий мороз. Вечерняя вьюга намела сугроб перед флигельком, где жила старушка Языкова, внучка известного поэта, друга Пушкина.

Когда стемнело, я прокрался во двор и установил свою бутылку, как орудие, нацелив его в окошко старушки Языковой, где по ледяным узорам изнутри краснели и дробились огоньки лампадок перед домашним иконостасом. Я рассчитывал, пробка вылетит и попадет прямо в окно старушки Языковой.

Лично я ничего не имел против старушки Языковой. Я даже ее любил. Она частенько зазывала меня к себе и угощала очень вкусным вареньем. Однажды она, узнав, что я сочиняю стихи, подарила мне, как будущему поэту, на память об ее дедушке Языкове маленькую серебряную кофейную ложечку с выгравированной буквой «Я».

Главы из романа «Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона». Полностью печатается в журнале «Новый мир».

У меня родилась идея сделать стреляющую бутылку.

Но меня так увлекло желание произвести выстрел из бутылки, что я даже не подумал о том, что могу разбить старушкино окно и до смерти напугать старушку, которая так мирно и одиноко жила — во всем черном, как монашка, — среди своих гарднеровских и поповских чашек, портретов, дагерротипов, икон и лампадок.

«...Языков, кто тебе внушил твое посланье удалое? Как ты шалишь и как ты мил...»

Ночью мне снились взрывы бомб и я видел в своих сновидениях, как пробка с треском и звоном разбивает окно старушки Языковой. Среди ночи я проснулся и подошел босиком по холодному полу к окну, чтобы удостовериться, усилился ли мороз. Замерзшее окно искрилось от ярких январских звезд, и я успокоился: мороз на дворе стоял трескучий.

Утром, закутанный в желтый верблюжий башлык, который щекотал ворсом мои губы, по дороге в гимназию я с замиранием сердца подошел к сугробу с бутылкой, направленной в оконце старушки Языковой. Бутылка лежала на своем месте. Из ее горлышка высовывался ледяной стержень замерзшей воды, а пробка валялась рядом в снегу. Ни выстрела, ни взрыва, по-видимому, не произошло. Превращаясь в лед, вода просто бесшумно выдавила пробку, а сама бутылка, набитая льдом, слегка треснула по диагонали.

Вот и все...

С души у меня свалился камень, и я впервые пожалел одинокую добрую старушку, которую, в сущности, очень любил и уважал. А она, бедненькая, наверное, даже и не подозревала, какая беда готовилась ей ночью, и спокойно, грустно, одиноко пила свой утренний кофей с пенками из поповской ультрамариновой, местами золоченой чашки, расписанной яркими цветами, из которой, быть может, некогда кушал ее знаменитый дедушка.

Кусочек фосфора

Кусочек твердого красного фосфора, который подарил мне один товарищ по гимназии, имел форму и размер мандариновой дольки, и я, завернув его в бумажку, носил в кармане, с нетерпением ожидая конца уроков, с тем, чтобы как следует заняться своим подарком, исследуя его свойства в спокойной домашней обстановке.

Дома я произвел несколько несложных опытов: подставлял фосфор под кран, мочил в блюдце, мазал фосфором пальцы. Эффект получался всегда один и тот же: любой предмет, намазанный фосфором, в темноте светится. Таинственно светилась моя пятерня — все растопыренные пальцы, светилась вода в блюдечке и даже струя из-под крана в темной ванной комнате слегка светилась, омывая кусочек фосфора, который я подставлял под кран.

Я завернул фосфор в бумажку, спрятал его в карман и, посвистывая сквозь передние зубы, отправился на улицу.

Кое-кто из мальчиков уже слонялся по полянке, швыряя камешки в воробьев или играя «в шкатуля», то есть ставили ракушняковый строительный камень стоймя, сверху на него клали камень поменьше и, отойдя шагов на десять, бросали в него кусками кирпича — кто первый собьет верхний камень.

До сих пор не имею понятия, откуда произошло это странное слово «шкатуль», кто его изобрел?

Игра «в шкатуля» была самая скучная из всех наших игр, и ею занимались так себе, от нечего делать, пока на полянке не соберется «вся голота» и можно будет предпринять что-нибудь действительно интересное.

Я сразу заметил, что Надьки Заря-Заряницкой еще не было на полянке; наверное, сидела дома и учила уроки.

Необходимо объяснить, что такое полянка. У нас в «Отраде» полянками назывались еще не застроенные участки, поросшие сорными травами, кустиками одичавшей сирени или перистыми «уксусными деревцами». Каждая полянка примыкала к глухим ракушняковым стенам старых или новых домов, брандмауэров.

Тут же я и начал свою интригу против Надьки Заря-Заряницкой, с которой постоянно находился в сложных враждебно-любовных отношениях. Мы соперничали с ней решительно во всех областях нашей уличной жизни: кто быстрее бегает, кто выше прыгает, кто лучше прячется во время игры в «дыр-дыра», громче свистит сквозь передние зубы, умеет незаметней подставлять ножку, скорей всех отгадает загадку и произнесет трудную скороговорку, вроде «на траве дрова, на дворе трава» и т. д. А главное, кто кому покорится и признает над собой его власть.

Надька Заря-Заряницкая слыла царицей среди мальчишек, а другие девочки по сравнению с ней ничего не стоили.

Все признавали ее превосходство, один только я, по свойству своего характера, не желал с этим примириться, хотя она во всех отношениях превосходила меня, даже в возрасте: мы были однолетки, родились в одном месяце, но Надька родилась ровно на одиннадцать дней раньше. И тут уж ничего не поделаешь, это было непоправимо: **она была старше.** В любой миг Надька могла окинуть меня презрительным взглядом и сказать:

— Молчи! Я тебя старше!

В то время, когда нам было по одиннадцати лет, это казалось ей громадным преимуществом.

Иногда мы с ней даже дрались, потом показывали друг другу большой палец, что обозначало ссору навсегда, но потом скоро с застенчивой

улыбкой показывали друг другу через плечо согнутый мизинчик в знак мира и вечной дружбы.

Воспользовавшись отсутствием на полянке Надьки, я сделал все возможное, чтобы перетянуть на свою сторону всех ее сторонников — мальчиков и девочек. Я повел их в подвал дома Фесенко и показал им в кромешной темноте дровяных сараев свои растопыренные руки со светящимися пальцами и лицо со светящимися бровями, носом и ушами. Мальчики и девочки были так поражены этим необъяснимым явлением, что сразу же стали моими сторонниками и признали меня главным, тем более, что в ответ на все их просьбы и даже мольбы открыть секрет моего свечения я сказал, что я сделался обладателем многих тайн знаменитой Елены Блаватской, как известно, причастной к потустороннему миру призраков и духов. Я намекнул, что во сне ко мне часто является сама Елена Блаватская и что она сделала меня волшебником, в знак чего мое лицо и руки стали во тьме светиться. Я также дал понять, что те из мальчиков и девочек, которые перейдут на мою сторону, могут рассчитывать, что со временем я их всех посвящу в тайны Елены Блаватской и они тоже обретут свойство светиться в темноте и даже, может быть, сделаются волшебниками.

Я не скупился на обещания.

Они поклялись мне в верности, подняв над головой два пальца в знак присяги.

...До сих пор не могу понять, почему ни одному из них не пришла в голову простая мысль, что это вовсе не чудо, а обыкновенная химия. Знали же они, что существует на свете вещество фосфор, обладающее свойством светиться в темноте; наконец, видели же они светляков и море, фосфоресцирующее летом! И все же они поверили в волшебное свойство моего свечения и в то, что я знаю тайну Елены Блаватской!..

Их души жаждали необъяснимого...

Когда мы вылезли из темного подвала, то увидели на полянке Надьку Заря-Заряницкую, которая, прыгая на одной ноге, бросала в стенку мяч, ловко его ловила, затем несколько раз заставляла со звоном ударяться об землю, а потом опять бросала в старый ракушняковый брандмауэр, изрезанный различными надписями и рисунками.

Увидев меня, окруженного ее бывшими верноподданными, она нахмурилась, как разгневанная королева. Ее золотистые прямые брови, всегда напоминавшие мне пшеничные колосья, сердито сошлись, и, с силой ударив мяч об землю, так, что он подскочил вверх до второго этажа, она крикнула:

— Ко мне, моя верная дружина!

— Она уже не твоя, а моя, — сказал я насмешливо, — только что они в подвале Фесенко дали мне вечную клятву верности и присягнули двумя пальцами.

— Вы ему присягнули? — строго спросила Надька.

— Присягнули, — ответили ее бывшие верноподданные.

И тут же Надька узнала неприятную новость, что ко мне во сне являлась Елена Блаватская и открыла мне все свои тайны, в том числе и способность светиться в темноте.

— Он вам врет, — сказала Надька.

— А вот и не врет, потому что мы сами видели, как он светится.

Я посмотрел на Надьку с нескрываемым торжеством и, сложив руки на груди крестом, оскорбительно захохотал ей в лицо.

— Может быть, не веришь? — спросил я.

— Не верю, — ответила она, — потому что ты известный брехунишка.

— Клянусь! — гордо возразил я.

— А чем докажешь? — спросила она.

— Пойдем в подвал к Фесенкам, сама увидишь.

— Будешь светиться? — подозрительно спросила Надька.

— Буду светиться, — ответил я.

— Пойдем!

— Пойдем.

Мы спустились в подвал, пошли ощупью по темному коридору, причем для верности я хорошенько наслюнил себе пальцы, нос и уши и украдкой потер их кусочком фосфора.

Я остановился, внезапно повернулся к Надьке светящимся лицом и поднял вверх растопыренные светящиеся пальцы.

— Теперь ты убедилась? — спросил я.

Надька стояла передо мной, потеряв от изумления дар речи.

...Я слышал в темноте, как бьется ее сердце...

— Ты что, взаправду волшебник? — наконец спросила она.

— А то нет! — ответил я.

Мы выбрались из подвала наверх, и я был поражен яркостью мира, синевшего, зеленевшего, желтевшего, сверкавшего вокруг нас так сильно, что даже стало больно глазам.

Надька стояла передо мной высокая, стройная, длинноногая, с поцарапанными коленками, с прямым красивым носиком с легкой горбинкой, чуть-чуть позолоченным веснушками, с прозрачными голубыми глазами, с тугими локонами по два с каждой стороны, между которыми жарко горели удлиненные раковины ее небольших мальчишеских ушей. Вообще в ней было что-то грубо-мальчишеское и вместе с тем нежное, девичье.

...Мы стояли рядом, вечные соперники и враги, влюбленные друг в друга, и я чувствовал себя победителем...

Она смотрела на меня с суеверным ужасом, точно я впрямь был волшебником, посвященным во все тайны Елены Блаватской.

— А ты меня примешь в свою компанию? — спросила Надька робким голосом. — Я хочу, чтобы ты посвятил меня в тайны Блаватской.

Я немножко поломался, а потом сказал:

— Эти тайны я хочу открыть только тому, кто поклянется навсегда стать моим послушным рабом.

— Мне не надо всех тайн, — ответила она, глядя на меня своими чудными, удлиненными

Я посмотрел на Надьку с нескрываемым торжеством.

глазами с жесткими рыжеватыми ресницами, что делало ее чем-то неуловимым похожей на англичанку,— мне только хочется узнать, как тебе удается светиться в темноте.

— Чего захотела! Светиться в темноте — это самая главная тайна.

— Ну так открой мне эту тайну. Я тебя очень прошу,— сказала Надька голосом, полным почти женского нежного кокетства.

Я посмотрел на нее и понял: она вся с ног до головы охвачена таким страстным, непобедимым любопытством, что мне теперь ничего не стоит превратить ее в свою послушную рабу.

— Хорошо,— сказал я,— пусть будет так. Но ты должна признать себя моей рабой.

Надька немного поколебалась.

— А без этих глупостей нельзя? — спросила она.

— Нельзя! — отрезал я.

— Хорошо, — сказала она тихо. — Но если я стану твоей рабой, тогда ты мне откроешь тайну?

— Открою, — сказал я.

— Ну так считай, что с этой минуты я твоя раба. Идет?

— Э, нет, — сказал я. — Это не так-то просто. Сперва ты должна исполнить ритуал посвящения в мои рабыни: в присутствии всей голоты ты должна стать передо мной на колени, наклонить голову до земли, а я в знак своего владычества поставлю тебе на голову ногу и произнесу: «Отныне ты моя раба, а я твой господин». И тогда я открою тебе тайну свечения человека впотьмах, завещанную мне Еленой Блаватской.

— И ты даешь честное благородное слово, что тогда ты откроешь тайну свечения? — спросила Надька, дрожа от нетерпения.

Она готова была на все.

— Честное благородное слово, святой истинный крест, чтоб мне не сойти с этого места! — сказал я с некоторым завыванием.

Надя решительно тряхнула всеми своими четырьмя золотистыми английскими локонами и стала передо мной на одно колено, немного подумала и решительно стала на другое.

— Ну, ну, — сказал я, — теперь склоняйся до земли!

Надя повела плечами и с некоторым раздражением положила свою голову на сухую, рыжую землю пустыря, поросшего пасленом, на котором уже созревали мутно-черные ягоды.

Вокруг нас стояла толпа мальчиков и девочек, которые молча смотрели на унижение передо мной Надьки Заря-Заряницкой.

...Она была в матроске с синим воротником, в короткой плиссированной юбке. Приподняв голову с земли, она смотрела на меня прелестными умоляющими глазами...

— Может быть, не надо, чтобы ты ставил ногу на мою голову, я уже и так достаточно унижена, — почти жалобно промолвила она.

— Как угодно, — сурово сказал я, — но тогда ты никогда не узнаешь тайну свечения человеческого тела.

— Ну, черт с тобой, ставь ногу на голову, мне не жалко, — сказала Надька, и я увидел, как из ее глаз выползли две слезинки.

Я поставил ногу в потертом башмаке на Надькину голову и некоторое время простоял так, скрестив на груди руки.

— Теперь ты моя раба! — торжественно сказал я.

Надька встала и сбила с колен пыль.

— А теперь ты должен открыть мне тайну, — сказала она. — Открывай сейчас же.

— Пожалуйста, — с ехидной улыбкой ответил я. — Вот эта тайна.

При этом я вынул из кармана кусочек фосфора.

— Что это? — спросила Надька.

— Фосфор, — холодно ответил я.

— Так это был всего лишь фосфор! — воскликнула она, побледнев от негодования.

— А ты что думала? Может быть, ты вообразила, что это на самом деле какая-то тайна Елены Блаватской? Вот дура! И ты поверила?

Мальчики и девочки вокруг нас захохотали. Это было уже слишком.

— Жалкий врунишка, обманщик! — закричала Надька и, как кошка, бросилась на меня.

Но я успел увернуться и пустился наутек вокруг полянки, слыша за собой Надькино дыхание и топот ее длинных, голенастых ног в мальчишеских сандалиях.

Она бегала гораздо лучше меня, и я понял, что мне не удастся уйти. Тогда я решился прибегнуть к приему, который всегда в подобных случаях применял младший помощник Ник Картера японец Тен-Итси. Я должен был вдруг остановиться перед бегущей девочкой и стать на четвереньки с тем, чтобы она со всего маху налетела на меня и шлепнулась на землю.

Однако я не рассчитал расстояния между нами: я стоял, как дурак, на четвереньках, а Надька успела замедлить бег. Затем она бросилась на меня, села верхом и так отколотила своими крепкими кулаками, что у меня потекла из носу кровь и я приплелся домой весь в пыли, обливаясь слезами и юшкой, которая текла из моего носа, а следом за мной неслись торжествующие крики Надьки:

— Теперь будешь знать, как обманывать людей, брехунишка!

Я успел показать ей через плечо большой палец, она ответила тем же.

Впрочем, через два дня мы снова встретились на полянке, где вокруг кола на веревке ходила коза, и смущенно протянули друг другу согнутые мизинчики, что означало вечный мир.

А вечером я закатал рукав гимназической куртки и написал чернилами на своей руке буквы «Н. З.-З.» (Надя Заря-Заряницкая) и нарисовал сердце, пронзенное стрелой, и долго ждал, пока высохнет.

На другой день я подарил Надьке половину своего фосфора, и она, подобно мне, обрела дар светиться в темноте.

Несложная арифметика

Школа старая. Ей пятьдесят лет, и она не блестит новеньким паркетом и полированными столами. Что-то в ней есть такое особенное, что отличает ее от других школ и нравится. Что?

Опрятность. Опрятность и уют хорошо ухоженного дома.

Когда в незнакомом доме у гостя возникают вопросы, он обращается с ними к хозяину. Я ищу хозяина. Он выходит ко мне не из кабинета директора и не из учительской. Кончился урок, и выскакивают из дверей своих классов ребята. Я знакомлюсь с пятым «Б» и расспрашиваю обо всем, что меня интересует.

Раньше они совсем не думали, как и на какие деньги ремонтируют школу. Приходили в сентябре, а она как новенькая: потолки побелены, стены покрашены... Три года назад директор школы Татьяна Романовна Сергеенко попросила пионеров собраться на линейку и сказала:

— Хватит нам с завучем бегать, беспокоиться, подсчитывать... Будем беспокоиться и считать вместе.

И они стали считать...

На переменке кто-то из ребят усердно покачался на учительском стуле. И у него сломалась ножка.

Сломанный стул стоит 5 рублей.

Кто-то разрисовал парту, может быть, даже неплохими профилями соседей, сбоку выцарапал свой автограф, а крышка парты оторвалась оттого, что два друга мерились на ней силами.

Сломанная парта стоит 10 рублей.

5 = рублей

Если каждый четвертый испортит стул, то школе придется затратить на покупку новых →

× 5 рублей
220 стульев
1100 рублей

Если каждый ЧЕТВЕРТЫЙ поломает парту, (= 10 рублей) то школе придется затратить на покупку новых →

10 рублей
220 парт
2200 рублей

Если все стулья и парты целы, получится экономия. Какая?

А вот какая: в прошлом году на ремонте столов, стульев, парт ребята сэкономили →

1163 рубля!

В школе есть специальная бригада, в которой несколько учеников. Бригада входит в класс и устраивает проверку: обернуты ли учебники, не испачканы ли стены. Ребята в бригаде меняются: сегодня ты проверяешь, завтра — тебя.

Но дело не в этой бригаде, не в том, что кто-то боится проверки и от этого не качается на дверях, не стучит каблуком о стенку, выбивая ритм знакомой песенки, и стирает пыль с подоконников.

Нужно самому хотя бы один раз склеить расшатавшийся стул, помучиться, извозиться в клее, попасть молотком по пальцу, и тогда вдруг становится понятно, что раскачиваться на этом стуле было совершенно ни к чему.

В классах висят полки с книгами. И никаких формуляров. Ребята подходят, берут книги, ставят на место прочитанные. Эти книги купили на те же 1 163 рубля, которые школа могла потратить на новые парты. Потому что старые парты прекрасно сохранились. А те, что сломались, ребята починили сами.

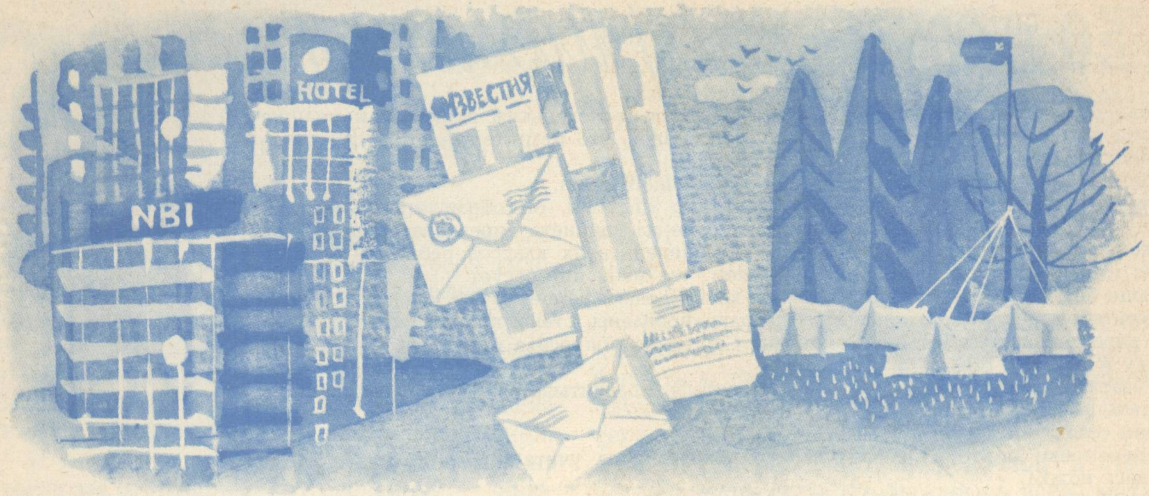
На эти деньги школа купила два киноаппарата «Летти», несколько проигрывателей и новые пластинки.

Если самим покрасить полы, побелить потолок и стены, покрепче привесить двери, можно сэкономить еще 12000. И эти 12000 они сэкономили тоже!

Вот и сентябрь, ты снова в школе. Присмотрись к ней повнимательней. Видишь, пятно на стенке, которое ты посадил в прошлом году, закрашено, в классе появились новые парты... Хорошо, если бы к маю школа осталась такой же, как сейчас, или стала еще лучше. Все это зависит от тебя, от твоего соседа по парте, от товарищей по классу. Как ты думаешь: может это у вас получиться?

Получится, посчитай в конце года, как ребята из 33-й школы Харькова, сколько денег вы для школы сэкономили. Арифметика несложная. А не получится, тоже посчитай, сколько зря денег потратили.

Конечно, у тебя непременно появятся вопросы, планы, предложения. Напиши нам и школьникам из Харькова.

Письмо в Америку

Первым статью прочитал Олег и показал Сереже. С газетой в руках прибежали они в отряд, и тут их окружили ребята. «Что случилось?»

А случилось вот что. В газете «Известия» ребята прочли небольшую заметку, которая называлась «Урок мужества». Корреспондент М. Стуруа сообщал из Нью-Йорка:

В Восточном Бронксе ученики седьмого класса 98-й школы писали сочинение «Человек, которым я восхищаюсь». Двенадцатилетняя девочка Вивиен Филдс избрала героем своего сочинения Анджелу Дэвис. С волнением и гордостью писала она о женщине, которая посвятила свою жизнь борьбе за равноправие людей независимо от цвета кожи, за свободу и счастье своего народа, восхищалась ее мужеством, радовалась освобождению Анджелы из тюремных застенков.

«Люди должны воздвигнуть монумент в честь Анджелы. Она заслужила его. Она прекрасна во всех отношениях», — так думала Вивиен Филдс. Так думали и ее одноклассники. Так думала мать Вивиен Анита Филдс. Так считали все сотрудники госпиталя, где работала Анита.

Но иной точки зрения придерживался преподаватель. Он поставил Вивиен неудовлетворительную оценку за сочинение и в ярости написал: «Мне очень жаль, что ты остановила свой выбор на столь низменной личности». Учитель считал Анджелу «недостойной фигурой для примера», называл ее «дьяволом в облике женщины».

Вивиен плакала. Но на ее защиту встали десятки родителей, дети которых учатся в 98-й школе. Они требовали, чтобы убрали учителей-расистов из школы...

Сверкало солнце. На спортивной площадке собирались волейболисты. Под грибком девочки шили костюмы, примеряли на мальчиков украинские шаровары, грузинские бешметы, литовские жилетки. Третий отряд разучивал белорусскую польку «Янку». В лагере готовились к «Костру Дружбы». Но ребята из отряда «Романтики» оставили на этот час все свои дела. Они писали письмо за океан в далекую Америку, своей сверстнице Вивиен Филдс.

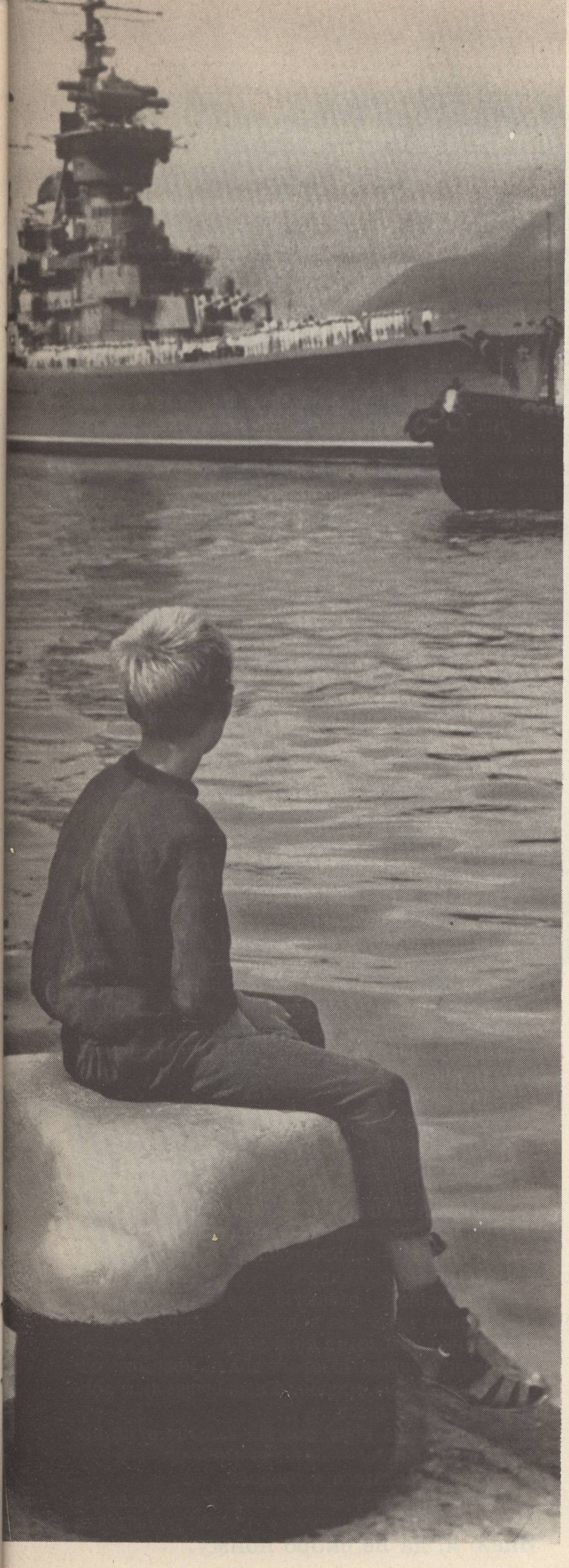
«Дорогая Вивиен! Сегодня мы прочитали о твоем сочинении в газете. Мы были очень взволнованы. Ты избрала своей героиней Анджелу Дэвис — девушку, которую в нашей стране знают и любят все. Для каждого школьника Анджела — пример мужества, силы духа, пример того, как надо любить родину и людей.

Совсем недавно, когда Анджелу Дэвис держали в тюрьме и грозили ей жестоким судом, советские ребята выражали ей свою солидарность: проводили митинги, писали протесты. Олег Парастаев — он отдыхает в нашем лагере — вместе с другими пионерами из московской школы № 279 послал письмо в Белый дом с требованием освободить Анджелу. И все мы вместе со взрослыми, учителями радовались освобождению девушки, которой может гордиться американский народ...

У нас в лагере есть девочка Люда Сергеева. Ей тоже двенадцать лет. Нынче весной она так же, как и ты, писала сочинение об Анджеле Дэвис. Учитель высоко оценил это сочинение. Он написал: «Если ты, Люда, будешь брать пример с таких людей, как Анджела, ты вырастешь хорошим человеком, борцом».

Мы разделяем, Вивиен, гнев и возмущение твоих товарищей и их родителей: учителя с расистскими взглядами не могут учить детей».

Олег ГАМАНИН,
пионерский лагерь «Дружба»,
Истринский район, д. Хмолино.

В октябре исполняется 50 лет шефства комсомола над Военно-Морским Флотом

Уходят в море корабли

Море... Оно открывает человеку дороги в дальние страны. Но море это и для недруга путь. С юга и с севера, с запада и с востока вооруженный враг может морем подойти к нашим границам, и, если нечем будет встретить непрошеного гостя, он высадит десанты, обрушит шквалы огня на наши берега...

Вот поэтому с первых дней революции наша партия не жалела сил, чтобы крепить оборону советских морских границ, чтобы строить Военно-Морской Флот.

Не много боевых судов получили мы в наследство от царской России. Тем более бережно нужно было хранить эти суда, тем более заботливо нужно было выращивать людей, которые могли бы взять в руки спицы штурвалов, встать к дальномерам и прицелам, вдохнуть жизнь в машинные сердца кораблей.

В октябре 1922 года на своем пятом съезде Ленинский комсомол решил взять шефство над Военно-Морским Флотом. Две с половиной тысячи комсомольских активистов пришли на флот, чтобы научиться сложному искусству управления боевыми судами и стать хозяевами наших морей. И комсомольцы показали, на что они способны. В первый же год службы они восстановили взорванный белогвардейцами на Черном море флагманский крейсер. Они ходили в далекие океанские походы, многие стали капитанами.

Теперь наш флот не тот, каким он был в 1922 году: новые, технически совершенные боевые корабли стерегут морские границы. Наши подводные лодки, вооруженные ракетами, могут бороздить глубины под всеми широтами и долготами. Наши береговые форты в любую минуту готовы встретить врага.

И по-прежнему — так уж повелось у нас — каждый год лучших своих сынов посылает Ленинский комсомол на флот.

Сотни военно-морских кружков созданы офицерами флота в школах и домах пионеров. Детские военно-морские флотилии каждый год поднимают вымпелы и на севере, и на Черном море, и на Дальнем Востоке. Пятнадцатилетние капитаны смело водят свои суда, решают навигационные и тактические задачи, чтобы потом, в год призыва, прийти на флот не новичками-салажатами, а закаленными в борьбе со стихией моряками.

И, как знать, может быть, и этот паренек, который сегодня только мечтает стать моряком, вырастет в прославленного боевого командира...

Н. АНДРЕЕВ

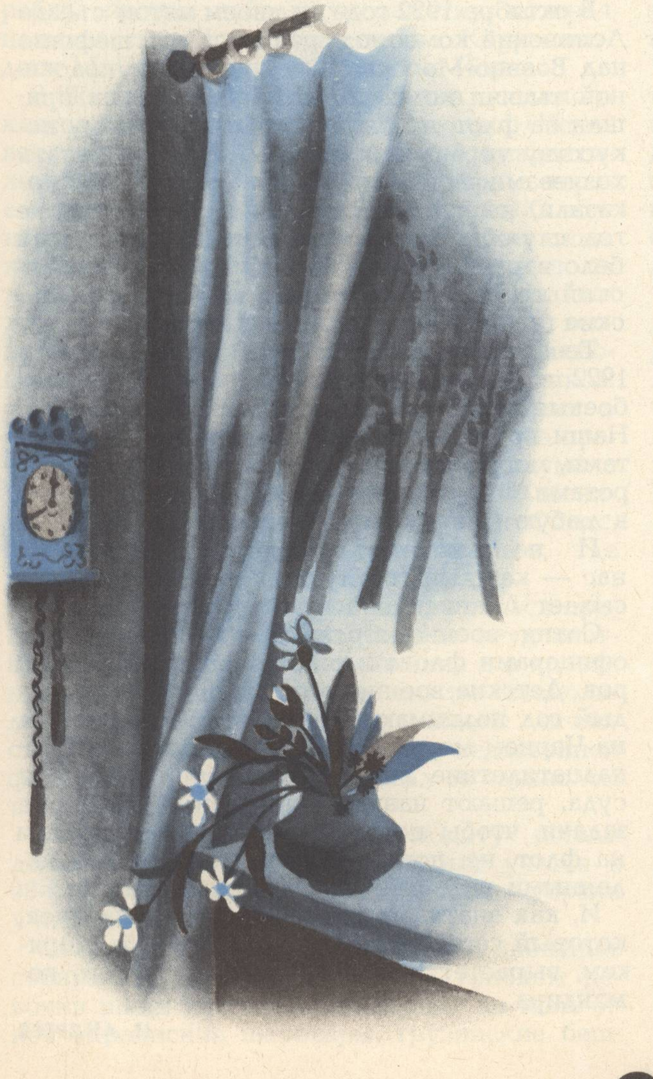
СТИХИ О МОЕМ ДЕТСТВЕ

В. БЕРЕСТОВ

Ранняя слава

— Поэт! Поэт! — кричали
вслед.
Поэту было мало лет.
Он не мечтал о славе,
Мечтал он о расправе
Со всеми, кто поэту вслед
Кричал: — Поэт! Поэт! Поэт!

Рисунок Е. ЕЛЬСКОЙ.

Грибы

Валентину Катаеву

Гриб за грибом ложился в кузовок.
Казалось, я счастливей быть не мог.
Но я еще счастливее бывал,
Когда глаза в постели закрывал
И вспыхивало сразу предо мной
Все, что скрывал от глаза мрак лесной,
Все, что я, глядя под ноги, искал.
Сон в темноте ковер волшебный ткал
Из рыжиков, из белых и маслят.
Таких ковров нигде не встретит взгляд.
Ведь их творит тайком, не напоказ
Художник, что живет в любом из нас.

На лугу

Попозже, чем скворец и грач,
За соловьями следом,
Твой разноцветный детский
мяч
Летел на встречу с летом.
С кем мячик — тот не одинок.
К тебе друзья гурьбою
Неслись, босых ребячьих ног
Не чуя под собою.
И покидали мирный луг
Заботы и печали,
А все вокруг, а все вокруг
Смеялись и кричали.
И что-то звонкое, как мяч,
Живет в тебе доселе.
И даже в пору неудач
Нет-нет блеснет веселье.

Любовь

Вечер. В мокрых цветах
подоконник.
Благодать. Чистота. Тишина.
В этот час — голова на ладонях —
Мать обычно сидит у окна.
Не откликнется, не повернется,
Не подымет с ладоней лица.
И очнется, как только дождется
За окошком улыбки отца,
И подтянет у ходиков гири,
И рванется навстречу ему.
Что такое любовь в этом мире,
Знаю я, да не скоро пойму.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Александр КРЕСТИНСКИЙ

Жизнь и мечты Ивана Моторихина

ПОВЕСТЬ

Родители у Ивана Моторихина не хуже, чем у других. Отец — тракторист, передовик, портрет его на доске висит около правления. Отец высокий, черночубый, летчицкая фуражка набекрень. Он, правда, не летчиком служил — техником, да это неважно.

Когда Иван Моторихин проходит мимо правления, а там на крыльце мужики толкутся и среди них отец, Иван отца сразу отличает. Иван в таких случаях приветствует отца поднятой рукой, а тот в ответ приветствует его.

Когда весной отец работает на ближних полях, мать нередко посылает Ивана к нему с обедом.

Иван идет обочиной шоссе, подымая с влажной земли шумные стаи скворцов. По обе стороны от него темно-бурыми волнами вздымаются холмистые поля и ровными шеренгами уходят от дороги лесополосы.

Иван узнает отцовский трактор по флажку, который сам же приладил. Но ему кажется, не будь флажка, узнал бы и по звуку.

Задрав голову, Иван следит за отцовской машиной, которая ползет вверх по холму, оставляя за собой свежий отвал земли. Смелая стайка птиц сопровождает трактор, вьется около. Посверкивают на солнце стекла кабины.

Иван снимает кепку и долго машет ею, пока отец не заметит и не загудит в ответ троекратно. Теперь Иван с нетерпением ждет, когда сверху, с холма, ринется к дороге машина с необычной для трактора озорной скоростью.

Мать Ивана Моторихина работает в столовой — на раздаче. Если мать дежурит, Иван после уроков сразу бежит в столовую. Он садится там за любимый стол, около окна, и ждет. Вот мать несет ему щи — жирные, густые! Избави бог, не подумайте, что ему какие-то особые щи — всем такие!..

Иван дует на щи, а сам вокруг глядит, на людей и подмечает разное.

Мать у него симпатичная. Белый халат ей идет. Вроде докторши в нем. Когда мать на раздаче, в клубах пара, среди больших белых кастрюль, полные руки ее так и летают — ловко, быстро ставят на прилавок тарелки.

Работа у матери не простая. Только успевай отшучиваться от мужиков. Это мать умеет. Скажет — вся столовая хохочет. Иван, конечно, вслух не смеется (шутки не его ума, взрослые) но про себя отмечает: «Наша взяла!»

*

Началась вся история с нового трактора. Прошел слух, что новый трактор прибывает. И Петр Иванович Моторихин почему-то решил, что трактор этот везут лично ему.

Самое интересное, что никто ни единым словом Петру Иванычу нового трактора не обещал. Ни на собрании, ни в официальной беседе. Это был, так сказать, плод его воображения. А разыгралось воображение у Петра Иваныча под влиянием местного радио и районной газеты, которые наперегонки его хвалили.

Хвалили Петра Иваныча, конечно, за дело, за хорошую работу. Но увлеклись. Потеряли чувство меры. Сначала газета похвалила. Потом радио. Потом опять газета. Еще раз газета.

Идет Петр Иваныч по улице, а навстречу газетой машут:

— Петро! Опять пропечатали! С тебя приходится!..

Еще были частные разговоры. Петр Иваныч — широкая натура — угощает. А угощателя хвалят, чтоб не забывал угощать. И говорят ему примерно такие слова: «Слышь, Петро, новый трактор прибывает. Не иначе, тебе дадут. Точно, тебе! Кому еще? Ты достойный, точно...»

Разве можно придавать значение таким разговорам!.. А Петр Иваныч придавал. И привыкал постепенно к мысли, что новый трактор, которого еще не было, — его трактор. И уже прикидывал, что именно со старого снять в смысле запчастей.

В один прекрасный день некто Гусь Дутый, человек неприметный, но всезнающий, верный дружок Петра Иваныча, стукнул Моторихиным в окошко: «Прибыл!»

Петр Иваныч со всех ног к гаражу. Там, на асфальтовой площадке, среди других машин, стоял новый трактор, сверкал свежей краской. На ярко-желтом его капоте красовалась широкая кумачовая лента с таким текстом: «Братьям-колхозникам — стотысячный трактор!»

— Ах ты! — вскрикнул Петр Иваныч и бросился ветошью оттирать едва заметное пятнышко.

— Чего заботливый такой? — усмехнулся механик Савичев.

— Знакомлюсь,— буркнул Петр Иваныч.

— А с хозяином знаком? — спросил Савичев.

— С хозяином?..

— Юрка Егоров.

— Егоров?!. Детсад этот!..

— Ну-ну, чего уж так,— добродушно сказал Савичев.— Парень после десятилетки. Курсы механизаторов кончил. С отличием.

Петр Иваныч круто повернулся и пошел прочь.

Войдя в дом, остановился посреди горницы, постоял угрюмо, а потом как стукнет кулаком по столу. У Ивана в тетради — он уроки делал — все буковки поскакали.

— Ты чего?!

— Ничего,— сказал отец и ушел в пятистенок.

К вечеру Иван сам узнал про новый трактор, побежал с ребятишками смотреть его и понял причину отцовской досады. Иван обиделся за отца, пожалел его. «Несправедливо,— решил,— нечестно!»

*

В один из ближайших дней — Иван с отцом были дома, а мать на работе — пришел к ним председатель Павел Терентьевич. Был он с виду человек мрачный, неразговорчивый, с тяжелым темным лицом.

Павел Терентьевич шагнул на середину комнаты, огляделся рассеянно, медленно сел на подставленный стул и сказал жестко:

— Прочитал я твое заявление, Петр Иваныч. Это заявление — результат горячки. Так вопросы не решают.

Иван сразу ушел на кухню. Однако слышал все — замер около занавески.

— Не тебе объяснять, — с раздражением продолжал Павел Терентьевич,— у нас государственная политика, а ты эту политику наруша-

В один из ближайших дней пришел к ним председатель Павел Терентьевич.

ешь...— Отец, видно, порывался чего-то возразить, потому что Павел Терентьевич сказал: — Помолчи! — выждал для солидности и дальше: — Надо школьную молодежь закрепить на селе. Егоров курсы кончил на «отлично» — ему и трактор...

— А я? Я что?! — не выдержал отец.— Я, значит, на драндулете ковыляй?..

— Пустое, Моторихин. Трактор у тебя еще хороший. Вполне.

— Хороший? Ты на нем работал? А? Работал? Что ты знаешь?!

«Это лишку...» — подумал Иван. Ему вдруг неловко стало за отца, что тот сорвался на крик.

— Не работал, а знаю,— спокойно ответил Павел Терентьевич,— главный инженер говорил.

— Вот главный пусть и работает! На моем, на хорошем! — язвительно выкрикнул Петр Иваныч.— Я колхозу все отдаю, а мне шиш!

— Ну, знаешь, Моторихин, я с мужиком пришел разговаривать, а не с дурной бабой,— сказал Павел Терентьевич.— Или зарабатываешь мало? Или в газете не про тебя печатали?..

— К черту! — закричал Петр Иваныч.— Отдавай сопляку новый трактор! Расчет беру!..

Иван медленно краснел за ситцевой занавеской. «Ну зачем так... Раскричался, как Ворониха...»

Ворониха была известная на селе скандальная баба. От ее крика соседи ставни закрывали. Иван оглянулся и тихо закрыл на кухне фортку.

— Я себе место найду! — сдавленно кричал отец.— Россия большая! Уважать будут! Культурно! — Иван увидел в щелочку, как он махнул рукой, чтобы показать, какая она большая, Россия, да так неловко махнул, что задел кружку с молоком, расплескал молоко по скатерти и выругался.

Павел Терентьевич коротко хмыкнул: «Смотри, Петр, смотри...»,— и вышел вон.

Иван стоял не двигаясь, подавленный стыдом за отца.

Отец подошел, откинул занавеску, увидел Ивана, понял, что тот был свидетелем разговора, на лице его возникла и секунду держалась гримаса неудовольствия, но он тут же упрямо скинул ее и сказал:

— А что думаешь, и уеду! Медом не намазано! Я мастер, на руках носить будут... Культурно!

«Чистый дядя Егор...» — с горечью подумал Иван.

Дядя Егор, брат отца, жил в областном городе и работал там мастером по ремонту телефонов, но, когда его спрашивали, кем он работает, почему-то отвечал неопределенно и не глядя в глаза собеседнику: «Я по связи больше...» Это загадочное «по связи...» производило впечатление. Собеседник делал понимающий вид и кивал: «По связи, говоришь... Дельно. Это дельно...»

Дядя Егор редко наезжал в деревню. Ему, как он прямо заявлял, недоставало здесь культуры. Бывал он обычно ранней осенью, когда яблоки собирали, или под зиму, когда резали борова. И долго не задерживался.

Развалившись с ногами на кушетке, не снимая с бритой головы кепи из серебристого каракуля, он лениво хвалился своим городом:

— Горячая вода — культура. Магазин без продавцов «Дружба», подходи — бери. Ванна, кафель — культура! Куда ни пойдешь, асфальт...

Мать сердилась:

— Нехристь! Шапку бы снял!

Дядя Егор поворачивал к ней влажный выпуклый глаз:

— Мне медицина предписала, а ты лаешься. Культура!..

Но кепку все-таки снимал, и Иван, как зачарованный, глазел на его голый череп, который блестел под лампочкой.

А еще дядя Егор любил, чтобы звали его Георгием.

❄

Нет, Иван не принял тогда всерьез отцовских разговоров про отъезд. Думал, слова. Однако обернулось делами.

Нрав у отца неукротимый. Заявление не взял обратно. Закусил удила, понесся.

Но мать! Вот что непонятно Ивану: почему мать не против? Почему она со спокойной душой принимает эту перемену в жизни?..

Впрочем, одно разногласие у них было: куда ехать. Отец голосовал за город, ему покою не давал пример дяди Егора: культура!..

— Ну, помаемся годик-другой, на стройку пойдем, а там квартиру дадут...

Но тут мать была непреклонна: «Не поеду в город, и все!» Она звала отца в Ступино, откуда сама была родом.

Вот где крылась причина, почему с легким сердцем готова была покинуть Фалалеево Надежда Егоровна Моторихина. Тянуло ее на родные места. Там, в пустом, одичавшем доме, одна-одинешенька, жила ее мать, бабушка Ивана, Прасковья Васильевна.

Отец погомонил, поворчал и согласился. «Ладно, — сказал, — все ближе к городу».

Это верно. От Ступина до города рукой подать.

Главное было у родителей решено. Оставались мелочи, хозяйственные заботы.

❄

Даже теперь, когда все было ясней ясного, Иван не мог до конца осознать реальность события, участвовать в котором ему предстояло. Он находился в каком-то полусне, выйти из которого боялся, потому что пробуждение грозило правдой, а правда была горькая. Все, что он слышал вокруг себя, все эти разговоры насчет отъезда, сборы, суета, казались ему шуткой, глупой и злой взрослой шуткой.

Казалось, вот-вот все кончится громким хохотом, как за столом, когда разыгрывают.

Но этот полусон был просто защитной реакцией для того, чтобы слабая сторона его души привыкла к правде, а что касается сильной стороны, та давно все понимала и кипела в бессильном гневе: как, почему он обязан уезжать из Фалалеева? Он не хочет! Не хочет! А его даже не спросили...

❄

За обедом отец сказал:

— Ты, мать, насчет дома не переживай. Договорился я с Дутым, он купит. В рассрочку. У ихнего дома нижние венцы подгнили, так он хочет из двух домов один сладить. И дело. Ему хорошо и нам не худо.

— Пустой он мужик, — сказала мать, — трещит, как горох. Не верю я ему. Пускай деньги разом представит. Тогда и ключи отдашь.

Иван смотрел то на отца, то на мать, и деловое выражение их лиц поражало его все больше. Это было так, как если бы, глядя на пожар, люди смеялись.

Отец поймал его взгляд.

— Ты чего это? — удивился. — Смотри-ка, мать... Глядит волчонком!..

Губы у Ивана дрожали, а в горле стоял ком, который не давал ему заговорить. Сейчас бы на улицу выбежать, да словно прирос к стулу — не подняться.

— Вань, ты что, заболел? — Мать подскочила к нему. — Подавился, может?.. — Она легонько хлопнула его ладонью по спине, как это принято делать, если у человека в глотке застряло...

Этот легонький шлепок внезапно освободил Ивана от какой-то тяжести, будто пробку из горла вытолкнул.

— Я... — начал он тихо, — меня... Почему меня не спросили?.. Вам что... Уехали, и ладно. А я не хочу. Не могу я ехать!..

И мать и отец смотрели на него, как на диковинку. Потом отец усмехнулся и сказал:

— А право голоса у нас, между прочим, с восемнадцати...

— Не поеду! — крикнул Иван и сам себя испугался.

Отец сдвинул брови и стал медленно, тяжело подыматься из-за стола.

Иван пулей выскочил в сени. Оттуда на улицу.

Петр Иванович Моторихин выбежал следом, увидел, что сын уже далеко и, если кричать сраму не оберешься. С досады пнул ногой кошку и ушел обратно в дом.

❄

Пробегая мимо конторы, Иван столкнулся с Павлом Терентьевичем. Тот шел с обеда.

— Куда несешься? — остановил его Павел Терентьевич и, подняв его двумя руками, отставил в сторону.

Иван не собирался говорить с председателем, стеснялся его и бежал совсем в другое место, к другому человеку, но неожиданность встречи, а главное, этот добродушный жест — взял, поднял и поставил в сторону — все изменили.

— Павел Терентьевич... — начал Иван.

— Что, Ваня?

— Я остаться хочу.

— Как? — не понял Павел Терентьевич.

— В Фалалееве остаться хочу.

— Не хочешь с родителями ехать?

— Я остаться хочу. В школе.

— Объясни, Ваня, толком. С родителями жить не хочешь?

— Я в школе остаться хочу, — угрюмо повторил Иван, чувствуя тщетность этого разговора, не находя иных, более убедительных слов и оттого все больше теряясь.

— Ну, вот, — развел руками председатель, — я тебе одно, ты мне другое...

Иван опустил голову. Председатель вздохнул и, тяжело ступая, направился в контору.

Иван через улицу прямо по грязи протопал, обходить некогда. И прямиком к дому Андрея Григорьевича.

А тот — как по заказу — идет навстречу и несет на руках грудного своего Мишку.

Иван запыхался, торопится дух перевести: «Андрей Григорьевич, я к вам!..» Андрей Григорьевич взглянул куда-то поверх Ивановой головы и — будто не слышал, что ему говорят...

— Ваня, будь друг, подержи Мишку, я до конторы добегу, а то председатель уедет... — И сунул Ивану в растопыренные руки тяжелого Мишку.

Иван первый раз держал на руках маленького, но приспособился сразу, и, как видно, Мишке на руках у него было не худо, потому что он лежал молча, зыркал на Ивана бессмысленными голубыми глазками и торопил куда-то свою соску. Временами Мишка шумно вздыхал из глубины одеяла. Тогда Иван наклонялся к нему и гукал.

Время шло. Андрей Григорьевич не появлялся.

«Не забыл бы про меня... — с тревогой подумал Иван, но тут же разумно решил: — Про Мишку, небось, не забудет...»

Иван покачивал Мишку и готовился сказать Андрею Григорьевичу про свое дело, сказать коротко, ясно, твердо. Прикидывал даже слова. «Оставьте меня в интернате, — скажет он, — пожалуйста, оставьте...»

Уверенности в благополучном исходе у Ивана не было, но, чтобы отогнать от себя худые мысли, он представил, как Андрей Григорьевич скажет ему в ответ: «Будем соображать... Непросто, но будем соображать». Так, бывало, он говорил, когда его просили о чем-нибудь трудном.

Между тем мимо шли люди, и каждый норовил Ивана зацепить. Цепляли не зло, добродушно, но Иван тоже за словом в карман не лез, знал закон: раз промолчишь — сядут и поедут...

— Люди добрые! — восклицали одни. — Моторихин в няньках ходит! Сколько платят, Ваня?

— Харчи готовые, а деньги новые, — отвечал Иван как можно веселей.

— Рановато семьей обзавелся! — говорили другие.

— Мы передовые! — замечал Иван, не забывая тихонько покачивать Мишку, которому это качанье нравилось.

— Мужик бабьим делом занялся! — гоготали третьи.

— Теперь баб нет — все женщины, — наставительно говорил Иван.

А вообще-то приятного мало стоять на виду у всей улицы с Мишкой на руках.

— Вань, чей это у тебя? Андрея Григорьевича, да? Ой, какой халесенький!.. — верещали девчонки, вытягивая шеи и норовя достать пальцем до Мишкиного носа.

— Но! — угрожающе говорил Иван и отворачивал Мишку от девчонок. — Тише галдеть-то. Человек спит.

Из-за этих девчонок он и не заметил, как к конторе подъехал «газик». Услышал только — зовут: «Ваня! Моторихин!..»

Обернулся. Андрей Григорьевич из машины машет ему рукой и кричит:

— Вань, отнеси Мишку домой! Я срочно, по делу!..

И уехал с председателем.

Ну вот, вся подготовка даром!..

Обида прощекотала по самому сердцу: всем на него наплевать. Даже Андрею Григорьевичу.

Иван отнес Мишку в дом, сдал с рук на руки, получил «спасибо» и, когда вышел за калитку, увидел мать. Она быстрыми шагами шла по улице, прямо к нему.

Иван бросился к Андрею Григорьевичу в огород, перелез через изгородь и задами побежал вдоль реки.

Бежал, куда ноги вели. А вели они в школу.

— Да что ты, Моторихин, нет никого, куда ты?!

Техничка тетя Ганя и глазом не успела моргнуть, как был он уже на втором этаже. Вбежал в свой класс, сел, тупо уставился на доску, где дежурный забыл стереть число — «пятнадцатое октября...». Так сидел, сам не зная, сколько, ни о чем не думая, иногда лишь вспыхивая: «Не поеду! Пускай тащат силком».

Сколько так просидел — полчаса, час — неизвестно. Потом услышал шаги. Понял — сюда. В класс вошел Андрей Григорьевич. За ним — мать.

— Вот ты где? Марш домой!

Андрей Григорьевич зорко глянул на Ивана, увидел, как тот набычился весь, как ухватился за край парты.

Андрей Григорьевич сказал:

— Вы, Надежда Егоровна, идите домой, а я с Ваней поговорю.

— Не поеду! — сказал Иван.

— Не слушайте его! — закричала мать. —

Ему слово не дано! Несовершенный еще! Мал выступать! Поедет куда надо! Школы везде одинаковые!..

— Идите, идите, Надежда Егоровна, — спокойно, будто ничего не случилось, повторил Андрей Григорьевич.

Как только мать вышла, Иван поднял голову:

— Не поеду!

Андрей Григорьевич не ответил, грузно сел за парту. Иван искоса, выжидающе смотрел на директора школы, видел его широкоскулое загорелое лицо, растрепанную кудрявую голову, где поблескивали седые волоски; голубые глаза, которые умели вспыхивать таким неожиданным мальчишеским блеском, когда директор хватал подвернувшийся ему мяч и посылал его в поле... Сейчас эти глаза были усталые и вроде даже не голубые...

— Послушай, Ваня, чего я тебе расскажу... Сразу после войны отец мой — ты его знаешь — фуражиром работал, вернее, конюхом у фуражира. Фуражир тот проворовался. Дошло дело до суда. Фуражир все на отца свалил. А отец неграмотный, беззлобный человек. Ему говорят: «Докажи, что не брал!» А он только на нас показывает: шесть ртов, и все голодные. Разве б мы так жили, если бы отец воровал?.. Только представь, у вора дети в тряпье ходят. Сомнительно, вор ли! А фуражир мордастый, и семья у него вся мордастая... Казалось бы, подумай так и восстанови справедливость — нет, фуражир, видно, потряс кошельком где надо... Отца осудили, отправили. Фуражира оправдали. Он, чтоб глаз не мозолить, уехал из наших краев. Остались мы без кормильца, да еще мать больная. Хуже того, Ваня: некоторые люди поверили в виновность отца и презирали нас, как детей вора. А другие, наоборот, помогали. Как умели, как могли, так и помогали.

Тяжко было, непонятно. Ночами не спал, все думал: почему такое? Письмо в газету написал, да, видно, не дошло мое письмо до города — застряло в чьих-то недобрых руках.. Ну, а дальше что, лежать и плакать? Или побираться идти?..

Я старший был, и я матери так сказал: «Не ходи ни к кому, и мы не пойдем!» Собрал братьев, сестер и речь держал: так мол и так, семья моя! Сеять будем то-то, в пастухи пойдет тот-то, за дом отвечает тот-то...

Ты вот думаешь про себя: несправедливо со мной поступают!.. А с нами справедливо было? Пойми, Ваня, каждый человек должен свое пережить, если так сложилось. И пережить с честью. Никто за тебя не переживет. Сам, только сам. Твоя семья? Значит, и беды ее твои. Надо понять, как складывается жизнь... У тебя сейчас складывается так: ехать. Думаешь, не жалко, что уезжаешь? Но у тебя так складывается — ехать. Ты несовершеннолетний. Родители палкой тебя не бьют, лишать родительских прав не за что. Понимаешь? Надо ехать. И пережить с честью. Там тебе трудно будет... Предвижу...

Иван слушал Андрея Григорьевича и машинально колол парту шилом от перочинного ножа. Андрей Григорьевич видел и — ни слова.

— Я думаю, Ваня, переживешь ты, переборешь это. И, может, вернешься сюда, — сказал Андрей Григорьевич задумчиво и вовсе не утешительно. Сказал медленно, словно прикидывая в уме все «за» и «против» этого «вернешься». И, помолчав, повторил:

— Не скоро, но вернешься.

Встал, подал Ивану руку.

Когда Иван Моторихин спускался по лестнице вслед за Андреем Григорьевичем, он отстал: якобы ботинок развязался. Спустившись, оказался один в вестибюле. Подошел к Доске почета, где висели хорошисты и отличники, и с мясом вырвал свою фотографию из шеренги хорошистов. Не глядя, сунул в карман и вышел.

❋

Эх, Фалалеевская школа, какого человека ты лишилась! Завтра проснешься, а его уже нет. Уехал!

Восемьсот четырнадцать на месте, а одного нет. И какого! Ты это почувствуешь. Не сразу, быть может, но почувствуешь.

Этот мальчик, помнишь... У него тоненькая шея и выпуклый затылок, а на шее, когда он кричит или хохочет, надувается прямая голубая жила. Он ходит с гордо откинутой головой, у него мягкие, рассыпчатые волосы, и собирать их вместе — безнадежное дело. На лице у него в любое время года полно веснушек, а иные из них сбежались вместе, в толпешку, и образовали на носу смуглое пятно. Острые скулы торчат круто, а глаза так и брызжут сметкой, радостью жизни, готовностью видеть...

Он летает по школе, как ветер, и галстук у него вечно сбивается на сторону. Он тянет руку на уроке и часто и весело, он вскакивает, а не встает, а когда начинает говорить, невольно поворачиваешь голову, столько в нем кипит жизни...

❋

На новом месте все было не так, все плохо. Даже бабушка, которая прежде всегда с радостью ждала их в гости и готовила к их приезду самую большую и жирную курицу, даже бабушка встретила их не так.

Они прошли через грязный, густо замешенный навозом двор, прохлюпали через лужу, которую обойти было невозможно, разве что перелететь; пропихнулись со своими чемоданами сквозь узкие темные сени и, наконец, очутились в горнице.

Бабушка сидела на низкой табуретке спиной к печному щиту, широко поставив ноги в стоптанных кирзовых сапогах и по-мужски опустив меж колен корявые коричневые руки. Смотрела она из-под платка неприветливо. Смуглое лицо ее на фоне белого щита казалось высеченным из красновато-серого камня.

— Ноги-то! Ноги оботрите! — сказала она первым делом.

— Что это вы, мама, так встречаете? — укоризненно спросила Иванова мать.

— А как беглецов-то встречать, баламутов?..

Иван с радостью отметил в бабушке неожиданного союзника, и самые тонкие дипломатические планы зароились в его голове. У него мелькнула надежда обратить бабушкино недовольство в свою пользу.

— Вы что, мама... — И Надежда Егоровна тихо заплакала. — Я же домой вернулась...

— А я и рада, — сказала бабушка, не вставая. — Думаешь, не рада? Одной вековать не сладко.

— Так что же вы тогда?! — сквозь слезы выкрикнула мать.

— А то, что мужик твой взбрыкнул, вот и приехали. А ну как снова взбрыкнет?.. — И бабушка повела плечом в сторону отца.

— Так, — сказал Петр Моторихин, словно припечатал: — Так. Значит, мне Прасковья Васильевна не рада. Ладно, я здесь долго не задержусь. Скоро пересадка.

У Ивана мелькнула надежда обратить бабушкино недовольство в свою пользу.

Иван взглянул на отца с удивлением: это еще что?..

Бабушка молча развела руками и медленно кивнула матери: дескать, ну, что я сказала? Видишь!..

— Не болтай пустое-то! — обернулась к мужу Надежда Егоровна. — Жить приехали!

— Ну, ну, поживем — увидим, — пробормотал отец, закуривая.

— Петр! — угрожающе сказала мать. — Ты обещал мне. Смотри! Я не потерплю!

— Дочка, дочка, не надо так, — попросила бабушка, — ты терпи. Терпи, милая.

Иван вздохнул. Бабушкин совет плохо увязывался с чувствами его. Он как раз меньше всего настроен был терпеть и с горечью подумал, что со своими религиозными пережитками бабушка вряд ли будет ему надежным сообщником...

— А Ваня-то что ж? — спросила бабушка, впервые улыбнувшись. — Нашумели у порога, напугали паренька...

— Его напугаешь, как же!.. — подал реплику отец.

— Не вру,— угрюмо сказал Иван.

Бабушка внимательно поглядела на Петра Иваныча, потом на Ивана, который, как вошел, так и с места не двинулся — стоял в тени, у притолоки. Бабушка внезапно поднялась легко и пошла навстречу внуку.

— Ну, молчун, давай поздоровкаемся!..

*

Надежда Егоровна Моторихина зря времени не теряла. Сбросив чемоданы, она помчалась в правление колхоза и буквально за полчаса оформилась в столовую — пока уборщицей, а там видно будет. В следующие полчаса она отвела Ивана в школу, и пошла-покатилась нехорошая ступинская жизнь.

Когда Иван оставался наедине с бабушкой, она поругивала отца, который с работой не спешил, знай себе приглядывался...

Все неприятности семьи Моторихиных бабушка выводила из механизмов.

— Моторихины и есть Моторихины. У вас в дому одни механизмы живут, — говорила бабушка с сарказмом и начинала перечислять с выражением глубочайшего презрения: — Приемник этот — раз, холодильник этот — два, пылесос этот, тьфу! Они хозяева, они командуют, а вы гости...

Ивану эта идея казалась не лишенной смысла, хотя он и не разделял бабушкиного отношения к вышеперечисленным полезным и интересным предметам. Правда, из чувства неосознанного семейного патриотизма, которого не смог разрушить даже переезд и вызванные им ссоры, Иван возражал:

— А у тебя вон тоже механизм... — И кивал на старинную швейную машину, которую бабушка качала, как помпу, когда шила.

— Это не механизм, — говорила бабушка убежденно, — это швейная машина.

*

Для себя, внутренне, все, что предстояло ему здесь, в Ступине, он сразу определил как ч у ж о е.

Вот сидит он в чужой школе, в чужом классе, на чужой парте, рядом с чужими ребятами, а за столом — чужая воспитательница: тихий голос, волосы седоватые на пробор, платок на острых плечиках, платьице старое, на локтях блестит... В своей бы школе увидел учительницу в таком платьице, обязательно пожалел бы. Он всегда остро жалел учителей, у которых непорядок с одежкой или бедность какая-нибудь. Его бы воля, всем учителям новую одежду купил. Но эта чужая, так хоть дыры на локтях!..

И вот начинается чужой классный час. И учительница говорит:

— Ребята, у нас новенький в классе, Ваня Моторихин. Давайте-ка сегодня послушаем, что у них интересного в Фалалеевской школе, как там пионерская работа поставлена...

— Валяй, Ваня!

Это, конечно, самый веселый человек в классе. Вон сидит у окна, красноголовый — голова круглая, как футбольный мяч. И веснушки у него красные. А уши просвечивают насквозь. Так и кажется: еще немного — вспыхнут розовым огнем!.. Этому много не надо — палец только покажи!

— Ну, Ваня, валяй!

— Федоров! Борис! Помолчи!

Вот именно, помолчи-ка, Боря, слова тебе не давали.

Чего этим, чужим, рассказывать?.. Видишь, как встрепенулись, когда Федоров голос поднял! Цирк будет!..

Вообще-то Иван говорить не хотел, стеснялся: чужие кругом, минное поле кругом, не знаешь, где взорвется, кроме разве что Федорова, тот еще слова не услыхал, а уже смехом давится...

— Рассказывай, Моторихин, не стесняйся, — говорит учительница.

— Да не знаю я, про что...

— Про что хочешь. Про свою школу.

— Ну, звезды в честь лучших отрядов зажигаются, — скучно начал Иван.

И Федоров откликнулся:

— У нас тоже!

— Фе-до-ров! — отчеканила учительница.

...Все у Ивана перед глазами сейчас — и как знамя школьное выносят, и как рапорты отдают, а знамя хлопает на ветру, и он тоже подходит рапорт сдавать: «Отряд на линейку построен! Председатель отряда Иван Моторихин!..» И свои, добрые лица смотрят на него: Тоня — вожатая, Андрей Григорьевич, Саша Кнопов — из райкома. Он фалалеевский родом, Саша Кнопов, даже сосед Ивану. А ветер такой сильный, что у всех волосы на стороны отлетели и бьются, как живые...У Тони — светлым пламенем, у Андрея Григорьевича — кудри спутались и кипят, точно смола, а у Саши райкомовского — тоненькие, белые, чуть не отрываются!..

Потом звезду зажигали... Как все это рассказать? Не расскажешь.

— Ваня, ты не молчи, рассказывай, — говорит чужая учительница.

— Давай, давай, Моторкин, а то скучно, — вторит ей Федоров.

— А мы сами зал построили, — со злостью сказал вдруг Иван. — Спортивный.

— Ай, врешь! — откликнулся Федоров.

— Не вру, — сказал Иван и тут же осекся: «Вот она, мина»...

— Ай, врешь, — повторил Федоров, и девчонка, сидевшая позади него, прыснула в кулак.

— Федоров! — укоризненно сказала учительница.

— У нас факельное шествие в День Победы, эстафета по селу бежит, — сказал Иван сердито и громко, чтобы Федоров не успел встрять, но уже знал: Федоров свое возьмет.

— Ай, врешь!..

— Не вру, — угрюмо сказал Иван и поглядел на Федорова в упор: — Чего мне врать-то?

— Ай, врешь!.. — повторил Федоров.

— Федоров, да перестань же! — взмолилась

«Драка, видно, будет»,— печально подумал Иван. Противник перешел в наступление...

учительница.— Рассказывай, Ваня, все очень интересно.

Замолчать бы Ивану и сесть, да что-то нашло на него: ступил на минное поле и — напролом! Была не была...

— А у нас бал-маскарад под Новый год, тридцать первого декабря, все костюмы шьют...

— И ты? — Это Федоров. Вроде бы даже удивленно, с завистью.

— И я,— ответил Иван.

— А какой у тебя костюм?

— У меня? Космонавта,— сказал Иван, и сердце его вздрогнуло, когда он произнес это слово. Что-то прекрасное, оранжево-белое, марлевое вспыхнуло в памяти, а над оранжевым — красное, круглое — мотоциклетный шлем, Васьки Белова шлем, отцовского ученика...

— А врешь? — Новая, удивленная интонация сбила Ивана с толку.

— Правда! Сам шил, красил сам!

— Ай, врешь!..— разочарованно. И взрыв смеха.

Так. Опять мина взорвалась. Иван огляделся. На него отовсюду смотрели глаза, полные веселого ожидания.

— Федоров! Еще одна реплика и выйдешь вон!

Ну, что ж ты, Моторихин? Совсем бдительность потерял. Кругом мины рвутся, а ты... Замолчать надо. Немедленно. И сесть.

— А у нас классного руководителя нет!.. Сами...

Тут уж все, не дожидаясь федоровского «ай, врешь», прыснули и выразительно поглядели в сторону своей учительницы: что скажет?.. Поддел новенький, здорово поддел!..

А Ивану и невдомек, что он кого-то поддел. Он правду сказал.

— Правду говорю! Валентина Сергеевна заболела, в город увезли, Андрей Григорьевич приходит и говорит: свободных учителей нет, как хотите. Сами управитесь? А я, говорит, вам помогу...

— Как ты сказал, Ваня? — переспросила учительница и сощурилась на него через очки: — Класс без воспитателя?

— А что такого? — удивился он, в свою очередь.

— Ну, знаешь... — Она с сомнением покачала головой.

— Да не верьте вы, врет он все! — крикнул Федоров.

Кругом рвались мины.

На школьном дворе Ивана окружили. Пять человек. Впереди Федоров. Улыбается. Зубы большие, красивые. Только на одном, на переднем, — выбоинка. Круглая.

— Моторкин, — начал Федоров, — ты где так врать научился? У вас, в Фалалееве, уроки вранья, да?

«Драка, видно, будет», — печально подумал Иван. Ох, не любил он этого! Но, видно, будет драка. Куда денешься!..

Промолчал, глядя в упор на федоровский с выбоинкой зуб.

— А что, Моторихин, вы, небось, и в колхозе не работаете? Тилигенты!..

— Почему не работаем? Работаем, — спокойно ответил Иван, обрадовавшись, что разговор пошел более или менее мирный.

— Ну? — удивился Федоров. — И деньги зарабатываете?

— Зарабатываем.

— А по сколько?

— А не знаю.

— Как это «не знаю»?

— Правда, не знаю. Нам на руки не дают.

— Что-о?? — Федоров поражен. И глаза круглые и рот нараспашку. — А куда ж их девают, деньги-то?

— На школьный счет, в банк, — охотно объяснил Иван. — Когда школе надо что, директор берет... Телевизор купить или путевки, например, девятому классу — по Волге...

— Ай, врешь! — Федоров весело и зло соскочил на прежнюю тропу. — Себе берет директор твой! — Мальчишки захохотали.

— Мы проверяем, — сказал Иван строго, а у самого сердце стучало торопливо: раз-два-три... раз-два-три...

— Проверяете? Кого?

— Не кого, а что! — разозлился Иван. — Расходы проверяем!

— Ай, врешь! Директор твой, небось, «Волгу» себе купил!..

Что-то глубоко толкнулось Ивану в уши, жаром залило щеки, слезы выступили на глазах. Не хотелось, так не хотелось драться...

— Каменный дом, небось, построил!..

Иван бросился на Федорова. Мальчишки отступили.

Вечером отец сказал:

— Собери-ка мне, Надежда, чемоданчик. Поеду к Егору.

— Зачем это?! — всполошилась мать.

— Зачем в гости ездят?

— Незачем ехать! — отрезала мать. — Работать надо, а не баклуши бить! Сманил, черт лысый! Меня уже спрашивают: когда твой курортник на работу выйдет?..

— Курортник! — беспечно засмеялся отец. — А ты скажи: курортник, мол, на курорт поехал, кланяться велел...

— Петр, не доводи! Уедешь, развод возьму!

— А мне и лучше, — пошутил отец. — Я себе городскую найду.

— Ах, так!..

— Так вот!..

«Эх, батя, — с горечью думает Иван, — и окурок опять в цветочный горшок затолкал... Мать тоже хороша. На принцип ставит: развод возьму!.. Пустой шум. Город, городские... Андрей Григорьевич рассказывал про городскую-то жизнь. Как учился в институте. Книги на последнее покупал...»

— Видала я этих городских! — кричит мать.

«Видала ты... Что ты видала? Андрей Григорьевич говорит: кончите школу, езжайте учиться дальше, обязательно езжайте...»

Вошла бабушка.

— Батюшки-светы, думала, пожар. А тут с жиру бесятся. Чего ты, Надежда? Ну, пускай съездит, проветрится. Брат у его там. Сальца пускай брату отвезет. Грибков. Слышь, Петя?..

— Будет сделано! — бодро ответил отец.

— Ну, мама, — сказала Надежда Егоровна, — я тебя не понимаю.

— И зря, — сухо сказала бабушка. — Человека на веревке держать негоже. Пускай едет, погуляет. А мы... — Бабушка помолчала: — Мы поживем — увидим, — повторила она слова, сказанные отцом по приезде. Посмотрела на Ивана, прищурилась. — Вот вы тут шумите, а того не видите, что кавалер у вас с подбитым глазом...

Драка с Федоровым, несмотря на полное фактическое поражение, как ни странно, пошла Ивану на пользу. Он был принят как свой своими побитый, хотя в его положении это мало что изменило: сам-то он по-прежнему не хотел быть своим. Он стал теперь сдержанным, настороженным, лишнего не болтал, а если учился не худо, так больше по инерции.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Майя БОРИСОВА

Душа в заветной лире...

Каждый раз, когда я перечитываю пушкинский «ПАМЯТНИК» (не обязательно глазами — по напечатанному, чаще про себя, но все равно, как если бы по напечатанному: строку за строкой, не пропуская ни единого слова), так вот, каждый раз мне хочется задержать, хотя бы в уме, первую строфу, первые четыре строчки. Не для себя — для Пушкина.

Потому что в этих четырех строках он по-настоящему счастлив. Вы только представьте: остановился человек, зажмурился, задумался и... в полный голос объявил: я памятник себе воздвиг. Нерукотворный! То есть не из мрамора, не из бронзы, который в общем-то всегда во власти отдельных людей: захотят — на высокий пьедестал поставят, захотят — наземь свалят, даже разбить могут... А памятник, о котором говорит Пушкин, совсем иной: он сам «вознесся главою», и никому он не покорен, ни от кого не зависим...

С чем его можно сравнить? Разве что с «Александрийским столпом»! Александрийский столп открыли за два года до написания «Памятника» и сразу же признали выдающимся творением архитектуры и самой высокой в мире триумфальной колонной.

И тем не менее Пушкин с полным правом предполагал, что его нерукотворный памятник будет еще выше! Народная тропа к нему никогда не зарастет: не забудет поэта народ, не разлюбит.

Это ли не счастье? Это ли не дерзость: объявить о нем громко, во всеуслышание?

Вот такой Пушкин в самом начале стихотворения: сильный, храбрый, счастливый. А дальше...

Ну, а что дальше? На первый взгляд кажется, что ничего тревожного не происходит. Поэт продолжает, развивает ту же мысль о своей грядущей славе, о бессмертии...

Однако в том-то и дело, что не продолжает. Если бы продолжал, то, наверное, и писал бы в прежнем духе, что-нибудь вроде: да, я не умру! Но между первым и вторым четверостишиями как будто чей-то холодный, трезвый голос прошелестел: памятник, мол, ты, может быть, себе и воздвиг... А

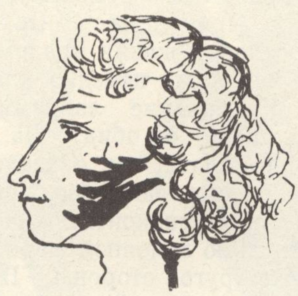

проку-то? Все люди смертны, и ты смертен, смерть же — это конец.

— Нет, — убежденно отзывается Пушкин, — «нет, весь я не умру». Душа останется жить. Душа поэта не подвластна тлению, потому что воплощена «в заветной лире», в том, что поэт написал. Пока его произведения читаются, он жив.

«Нет, весь я не умру...» У меня всегда сердце вздрагивает на этом подчеркнутом, впереди поставленном в е с ь. Именно оно, короткое, в один слог, словцо приканчивает счастливое, не отягощенное размышлениями победное состояние первых строк. И оно же кладет начало детальному исследованию (иначе и не назовешь!) тех условий, которые обеспечивают бессмертие; точнее, исследованию отношений писателя и читателя. Пушкина при этом интересует, конечно, высшая степень единения писателя и читателя, а именно — чудо писательской славы.

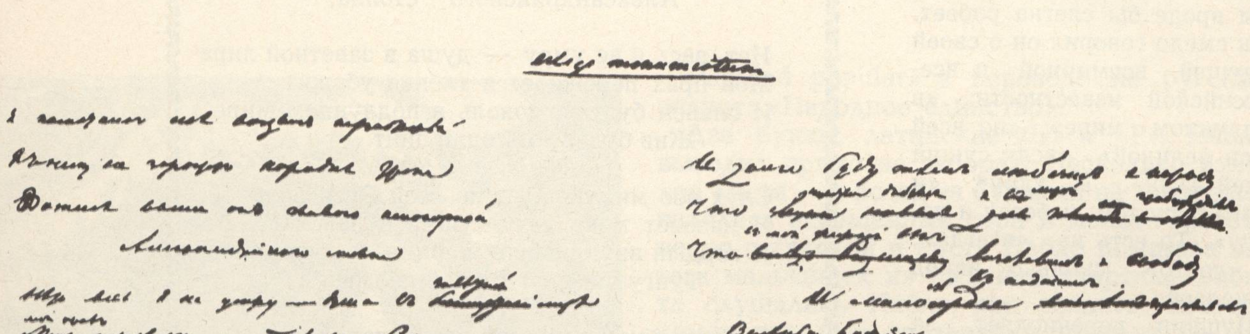
Здесь для меня лично особенно важно самое первое утверждение: «славен буду я, доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит». Это просто необходимо, наверное, каждому пишущему или тому, кто собирается писать, усвоить крепко-накрепко: хорош ты или плох, достоин известности, славы или не достоин, в первую очередь решают специалисты, мастера литературного цеха. В этом убеждении скрыто единственное противоядие от самомнения, от ложной такой гордости: «Что, мол, вы мне говорите о недостатках стихов? А вот в классе, кому я ни читал, всем понравилось. И дома тоже, мама и тетя даже плакали...» Очень приятно, когда нравится «всему классу», но если ты к своим сочинениям относишься серьезно, то прислушайся к тому, что тебе скажут люди понимающие...

А кроме того, Пушкин в двух строках выразил еще очень важную мысль: гений не может существовать сам по себе. Для того, чтобы возник большой писатель, должна существовать литература, «пииты» большие и малые. И роль их — не роль пьедестала под памятником или, там, чернозема. Нет, они все вместе — горный массив, и у каждого своя высота, и каждый ценен сам по себе, но еще они ценны все вместе, самим своим творческим существованием, потому что Эльбрусы и Джомолунгмы на равнинах в одиночку не возникают.

И когда мне уж очень становится плохо: когда новые стихи не пишутся, а старые — не нравятся, когда невольно приходит в голову, для чего же при таком раскладе живу-то я на белом свете? — вдруг, как утешение, как ободрение: а для Пушкина живу. Я — тот самый «хоть один пиит», который необходим для его вечной славы.

Очень точно определяет Пушкин и другую черту со-

1836
авг. 21.

стояния «знаменитости»: о писателе «идет слух», имя его знают и называют люди, может быть, еще и не читавшие его произведений.

А ведь верно: каждому из нас трудно даже припомнить, когда впервые мы услышали, запомнили имя Пушкина. Раньше, чем сами научились читать, — это уж точно. Когда нам читали вслух «Сказки»? Нет, наверное, еще раньше. В несознательном младенчестве, вероятно.

И этот «слух», это знание имени, взявшееся вроде бы неизвестно откуда, превращает затем все новых и новых людей в читателей, в поклонников.

Выходит, что для бессмертия Пушкина необходим каждый из нас. И, как он выражался, «внук славян», и финн, и тунгус, и калмык, и я, и ты, и твои товарищи, и твоя учительница, которая учит тебя понимать стихи... Именно на нас надеялся Пушкин, когда утверждал, что весь он не умрет.

Но мы — каждый в отдельности — еще не самые главные ценители и судьи. И товарищи-пииты — необходимы, но тоже не самые главные. Народное признание, народная любовь — вот высший момент славы, вот самый верный залог бессмертия.

Понятие «народ» так огромно, что сам Пушкин перед ним вроде бы слегка робеет. Как смело говорил он о своей будущей всемирной и всероссийской известности: «в подлунном мире», «по всей Руси великой», «всяк сущий в ней язык». И вдруг: «и долго буду тем любезен я народу». То есть не «всегда», а «долго», сколько народ пожелает.

Пушкин перечисляет, за что, по его мнению, суждена ему народная любовь... И тут мною овладевает некоторое смущение. Все хорошо, все в высшей степени благородно и даже героично: чувства добрые лирой пробуждал, в жестокий век восславил свободу, призывал милость к падшим. Но вот ведь что получается: народ будет любить писателя за поступки, которые с не меньшим успехом может совершать... и не писатель. Например, разве учитель не пробуждает чувства добрые? Политик или публицист тоже способен «восславить свободу»... «Призывать милость к падшим» — прямое дело адвоката...

Может быть, и Пушкина смутило это обстоятельство? Что-то произошло в нем такое, от чего слава, которую он себе так победно напророчил, в конце стихотворения потеряла свою привлекательность. Пришло на память, что в реальной жизни рядом с хвалой ходит нередко клевета, а увенчание лаврами не защищает от обид... Да и в самой славе, как оказалось, есть нечто, не позволяющее человеку успокоиться, насладиться ею в полной мере.

А с другой стороны, Пушкин успокоившийся, Пушкин довольный, такого и представить себе невозможно! Оттого и велик он и бессмертен, что в каждом своем произведении он живой, ищущий, сомневающийся, бесконечно требовательный к миру и самому себе. Двадцать стихотворных строк в «Памятнике», всего двадцать строчек, но какие перемены настроений, какой напряженный поиск истины!..

«И не оспоривай глупца». Точка. Конец.

Но — не правда ли? — разбег мысли так стремителен, человек, с которым вместе прошел ты по этим двадцати строкам, такой тебе родной, что иногда не удерживаешься: от постылого этого глупца, который способен оклеветать, смертельно обидеть поэта, взбегаешь глазами опять к началу стихотворения. И снова Пушкин твоей волей как бы вырывается из-под гнета сомнений и тяжких дум, и снова он — счастливый, дерзкий, гениальный, любимый — зажмурившись от яркого света той славы, которая сияет впереди, возглашает полным голосом, на века:

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.

В рядах демонстрантов шагают Пабло Корвалан и его пионеры из девятого района Сантьяго.

Их вожатый Пабло

Фотографии
А. КАРМЕНА.

«Unidad popular» в переводе на русский значит: «Народное единство».

Две буквы, латинские «U» и «P», Пабло выводил прямо на заборах. Несколько взмахов кисти — и вслед за буквами на заборе появлялись скрещенные серп и молот. Таскать ведро с краской и кисти Пабло помогала ватага мальчишек из рабочего квартала. Ребята слушались Пабло, как солдаты боевого командира. Они спозаранку убегали на митинги. Раздавали в толпе листовки, собирали подписи под воззваниями коммунистов, борцов за Народное единство. Бывало, пули свистели над головами мальчишек. В то вре-

Художественный директор бригады Рамоны Парра по кличке «Сосиска». Называть друг друга по имени в бригаде не принято. У каждого какое-нибудь смешное прозвище, на которое никто не обижается,— так повелось еще со времен подполья.

Комсомольцы Сантьяго несут плакат с надписью: «Молодежь! Преградим путь фашизму!»

Компартии Чили исполнилось пятьдесят лет. В честь юбилея собралась на митинг молодежь города Винья-дель-Мар.

мя Пабло Корвалану, вожаку одного из самых первых пионерских отрядов в Сантьяго, было всего тринадцать лет...

В 1970 году к власти в Чили пришел народ. На выборах победило правительство Народного единства во главе с президентом Сальвадором Альенде.

Два года — срок небольшой, но сколько уже радостных перемен! Отцы у многих мальчишек получили работу. На окраинах Сантьяго ...околь в фанерных лачуг вы... настоящ...ть оди... Всем ребятам каждый д... бесплатн...ют пол-литра молока, в шко... ле — гор...ет завтраки.

Уже не будут батраками дети батраков — народ отобрал у помещиков землю. Чилийские м...ные рудники — самые богатые в мире — ...била американская компания с хищным ...енем «Анаконда». Теперь рудники пере... я шахтерам.

Но в ...грессе (чилийском парламенте) засели п...ые партии, защитники местных богачей ...мериканских монополий. Еще открыто в...упают противники политики нового пр...тельства. И коммунисты Чили ведут с ри...и борьбу.

«Голосфи...тии на улицы!» — такой деви... комсомо... агитбригады, членом кот... стал Паб...рвалан. Бригада эта носит [illegible]

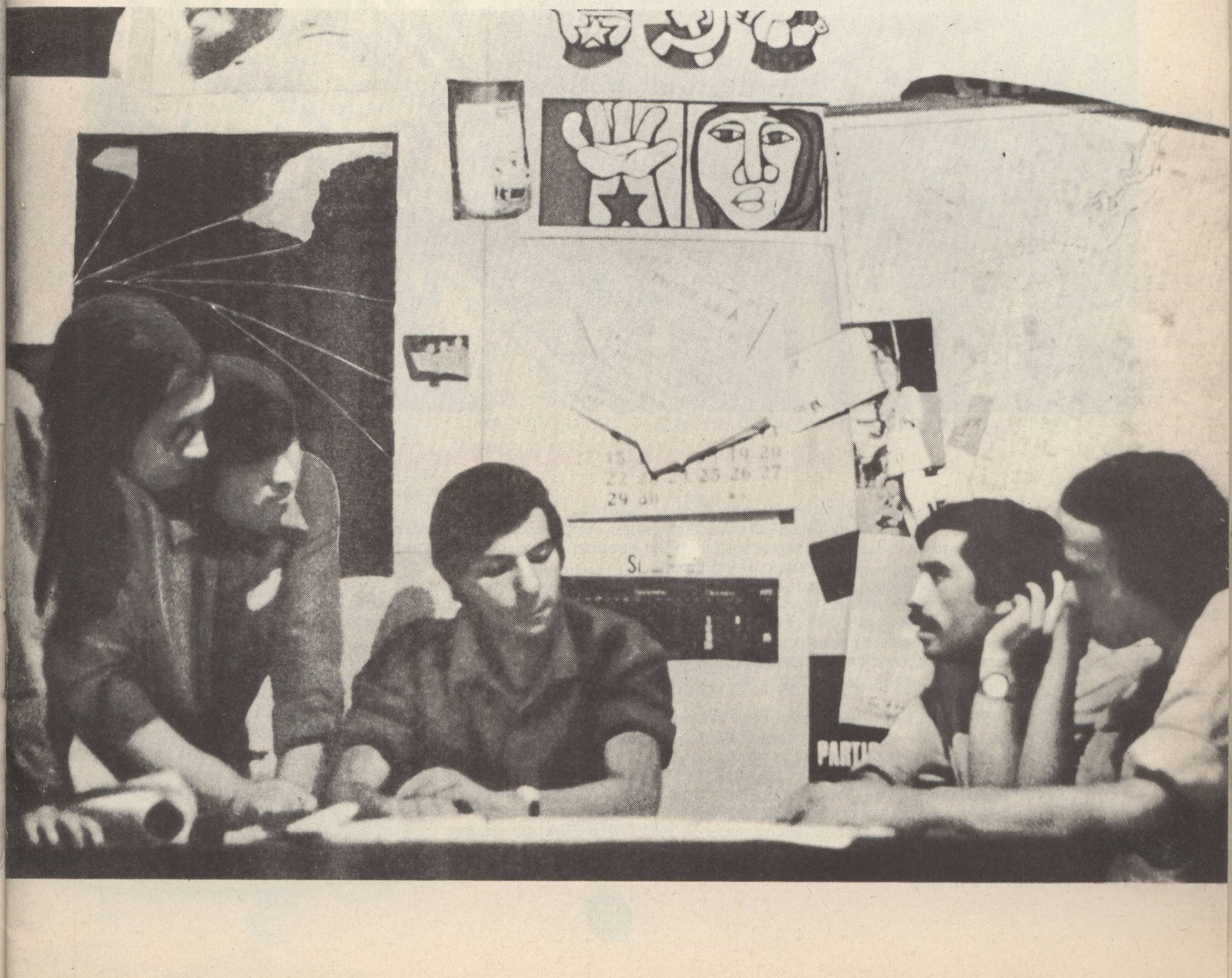
Вильда Рихас, руководитель пионерской организации Чили. Она недавно побывала в Москве и рассказала нам о Пабло Корвалане.

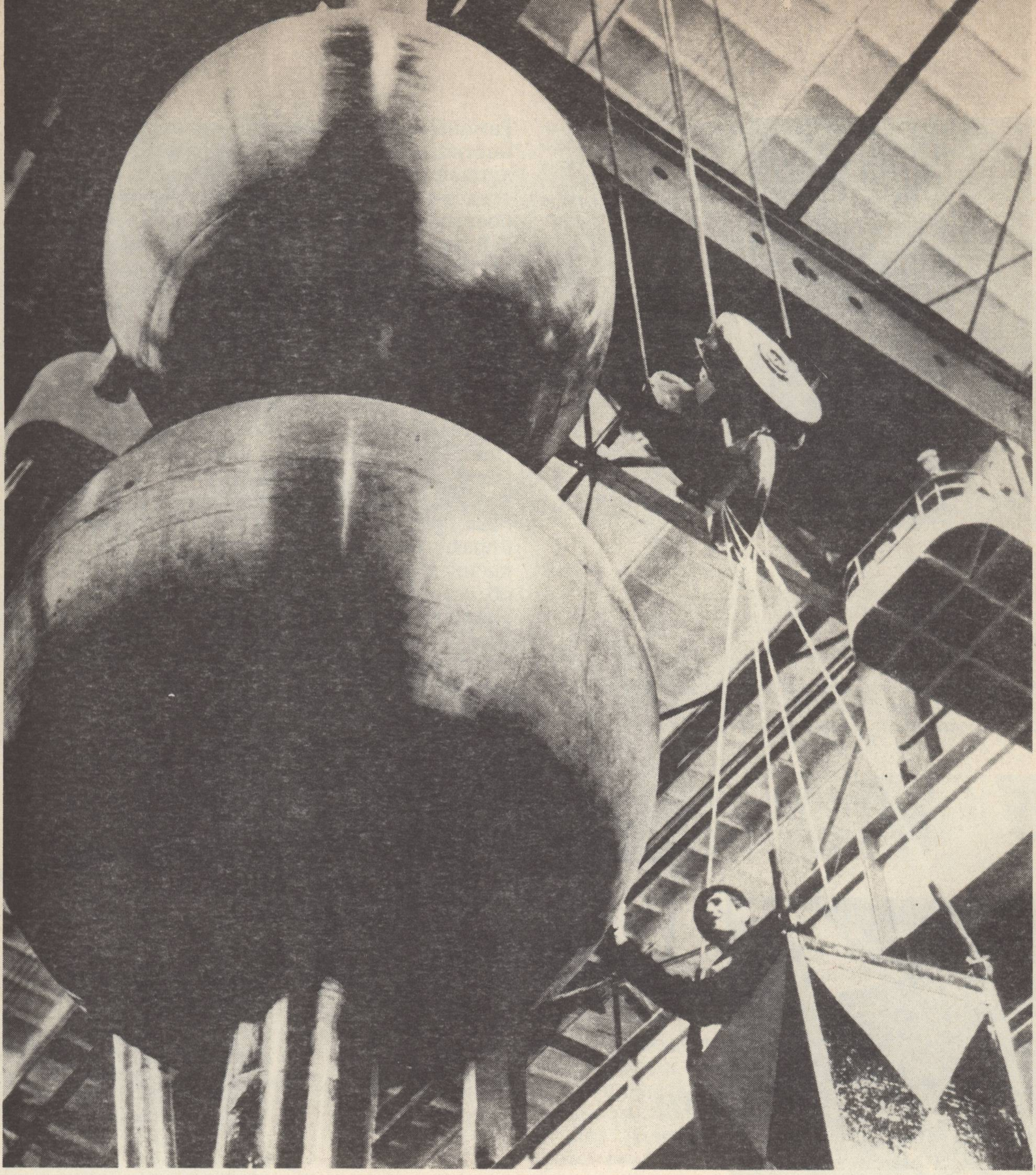
Рамоны Парра, молодой чилийской коммунистки, двадцать пять лет назад убитой полицией во время демонстрации. В стране создано сто пятьдесят бригад Рамоны Парра, боевых отрядов чилийского комсомола.

В заляпанных краской комбинезонах, с песнями разъезжают на грузовике агитаторы, разбрасывают листовки, раздают коммунистические газеты и плакаты. Набережные и каменные заборы Сантьяго комсомольцы расписывают лозунгами компартии. И Пабло вместе со всеми выводит метровые буквы «U» и «P», рисует революционные плакаты.

Агитбригаде помогают младшие друзья Пабло из его рабочего квартала. Они теперь носят красные галстуки. Пионерская организация Чили создана в декабре прошлого года. Ребята участвуют в демонстрациях, собирают средства для детей Вьетнама. Поют песни и играют в футбол, слушают беседы об искусстве, о политике правительства Народного единства, о Советском Союзе. И всегда рядом с ними (как он только все успевает!) их вожатый — комсомолец Пабло Корвалан.

В Центральном комитете комсомола Чили. Члены бригады Рамоны Парра вместе с вожаками комсомола обсуждают эскизы новых плакатов.

Испытание молнией

Полвека назад ученые и инженеры, наркомы и дипломаты ломали головы над тем, где достать трансформаторы для первенцев Ленинского плана электрификации. Трансформаторы снимали с подстанций, разрушенных гражданской войной заводов, за золото покупали в Германии и Швейцарии...

Сегодня многие страны покупают советские трансформаторы.

Мчатся по тонким проводам потоки электроэнергии, преобразованной повышающими трансформаторами до самого высокого напряжения. Не только коснуться, приблизить палец к такой линии смертельно опасно. Тонкая искорка пробьет слой воздуха и мгновенно сожжет неосторожного. Но встает на пути к рабочему месту новый понижающий трансформатор — и укрощенная энергия покорно и безопасно служит человеку.

А если поток неукрощенной энергии пробьется сквозь заслон трансформатора? Тогда он сожжет машины, убьет людей. В любых условиях безотказно должен работать трансформатор: в жару и холод, в снег и грозу. Вот потому и водой поливают, и греют, и морозят, и искусственной молнией поражают безответный прибор, прежде чем поставят его на работу. Но зато годами безотказно и надежно служат трансформаторы, созданные руками наших людей.

На снимке фотокорреспондента **В. КРУГЛИКОВА** вы видите подготовку к испытанию сверхмощного трансформатора на грузоупорность. Снимок сделан на Запорожском заводе. Трансформаторы, выпущенные им, экспортируются более чем в тридцать стран.

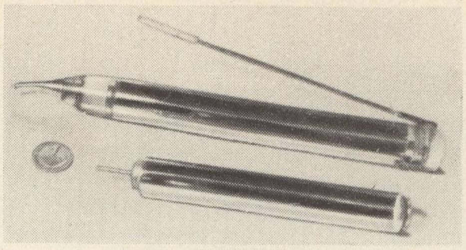
Лютый холод среди жаркого лета

Нынешним летом в одном из павильонов Выставки достижений народного хозяйства царил лютый холод. Коегде мороз достигал даже минус ста градусов.

Это работала всесоюзная выставка «Холод-72». Мороз был спрятан в приборах и установках.

Крепкий мороз (или, если выражаться точнее, низкие температуры) нужен и в технике, и в медицине, и в науке, и, конечно же, дома — что за жизнь без мороженого, без холодильника! На выставке были и маленькие автоматы, которые, если бросить в них монетку, выдадут пачку «эскимо», и макеты новых фабрик мороженого. И гигантские холодильные установки для химических заводов, и машины для замораживания непрочного грунта, чтобы на нем можно было строить тяжелые сооружения, вроде Останкинской телебашни.

Холодильников на выставке было, понятно, особенно много. Вот на снимке холодильник «Малыш», в котором можно охлаждать еду для малышей. А рядом с ним — полупроводниковый холодильник, очень нужный для исследований ученых-

биологов. В нем можно подолгу сохранять живые ткани.

Были на выставке и хирургические инструменты. На снимке — зонд для удаления гланд. Зонд заполнен жидким азотом. Азот — газ, и в жидком состоянии он находится только при очень глубоком холоде. Подносят такой ледяной наконечник — и под действием холода отдельные участки ткани отмирают. Операция проходит совершенно без боли.

Ржавчина против ржавчины

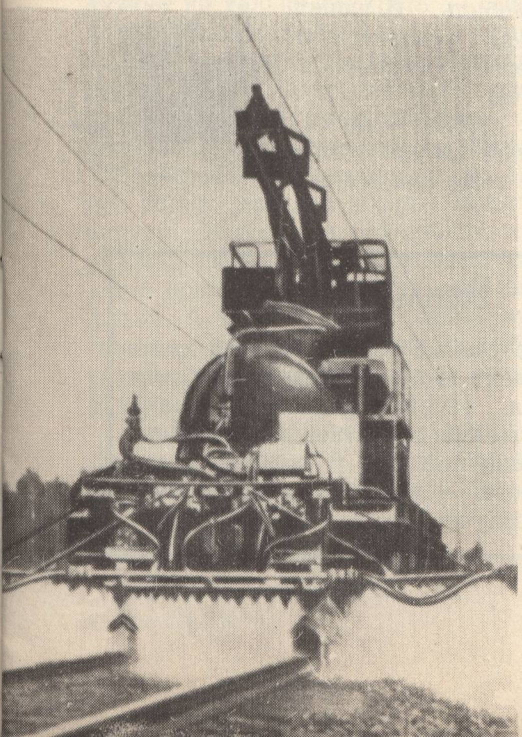
Ученые подсчитали: из десяти тонн металла одну каждый год съедает ржавчина. Только чтобы возместить эти потери, металлурги выплавляют новые миллионы тонн чугуна и стали...

Чем закрыть металл, чтобы воздух, вода, химические вещества не могли пожирать тонны металла? Во всем мире идут исследования: пробуются покрытия из стойких перед ржавчиной металлов, применяются новые лаки и краски.

Недавно советские ученые предложили простой, надежный и, главное, дешевый способ. Против ржавчины они используют саму ржавчину!

Обычно ржавеющий металл покрывается сверху рыхлым слоем окислов железа. Этот слой непрочный, сквозь него проникают вода и воздух, и металл продолжает ржаветь. Ученые нашли специальный состав, который, подобно цементу, скрепляет ржавчину, делает ее прочной, превращает из врага в защитника металла.

Путь свободен

Как ни странно, к аварии на железной дороге может привести такая, казалось бы, безобидная вещь, как трава на насыпи между шпалами. Когда песок, который там насыпан, зарастает травой, он перестает свободно пропускать воду. Корни растений скрепляют его, задерживают воду.

Долгие годы железнодорожники тяпками пропалывали пути — а ведь стальные магистрали тянутся в нашей стране на многие сотни тысяч километров!

Совсем недавно советские химики и инженеры-путейцы решили уничтожать траву на насыпи гербицидами — веществами, которые убивают сорняки на полях. На пути вышли машины-разбрызгиватели, которые ты видишь на снимке.

Путь свободен!

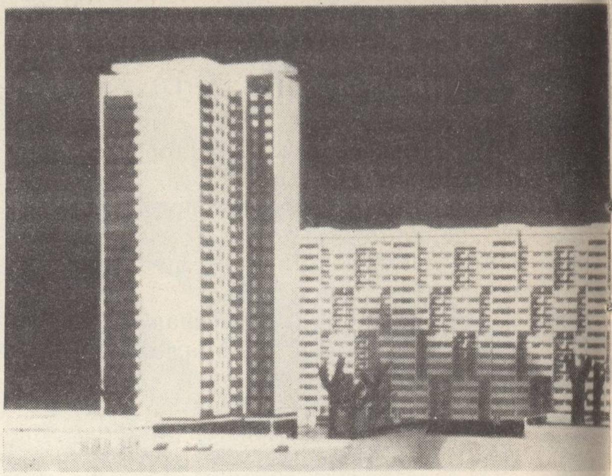
Десять лет спустя

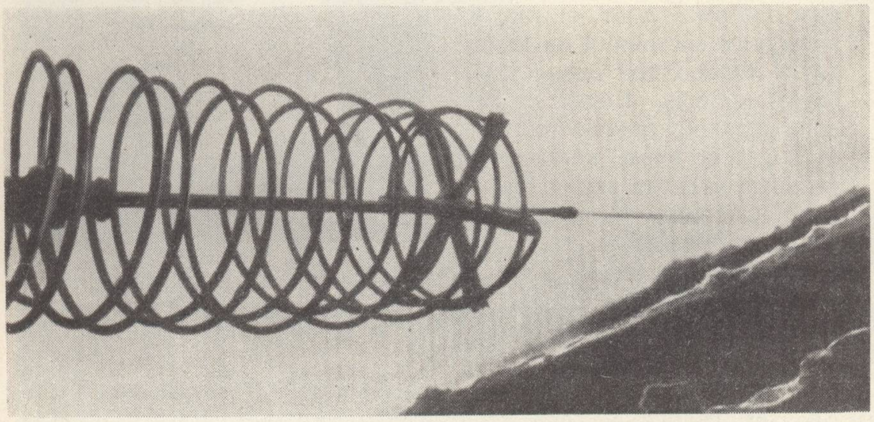
Облик каждого города, его неповторимое лицо зависят не только от спортивных сооружений, театров, школ, исторических памятников. Обычных жилых домов ведь в тысячи раз больше, чем дворцов и стадионов.

Какими же будут эти дома через десять лет?

Вот проект одного из них. Здесь светлые, просторные квартиры, быстрые лифты, теплые и непроницаемые для звуков стены.

Из домов такого типа, как из детских кубиков, можно составить самые различные, не похожие друг на друга архитектурные ансамбли. Можно строить отдельные башни, можно ставить их рядом, одна к одной, сплошной лентой или уступами. Словом, сделать так, чтобы ни один квартал в городе не был похож на другие.

Водяной нож

Струя воды режет грунт, камень и бетон! Это не фантастика, если вода вырывается из сопла под огромным давлением. На фото — установка ТВД-2000. Она создана в Институте гидродинамики Сибирского отделения Академии наук СССР. Установка помогает горнякам добывать руду и каменный уголь.

Разноцветные звери

Перед вами — норки. Их необычайно красивый и теплый мех ценится во всем мире. Вот почему маленьких зверьков разводят в специальных питомниках. В последнее время звероводы вывели новые породы норок необычных расцветок. Таких зверей, наверное, не узнали бы их лесные родственники. Родились невиданные норки в Новосибирске, в Институте цитологии и генетики.

Новый «Кировец»

Знаменитый Кировский завод в Ленинграде приступает к выпуску нового трактора — К-701. У нового «Кировца» очень мощный двигатель — триста лошадиных сил! По дороге он может ехать так же быстро, как автомобиль. И пашет «Кировец», как говорится, с ветерком: делает пятнадцать километров в час.

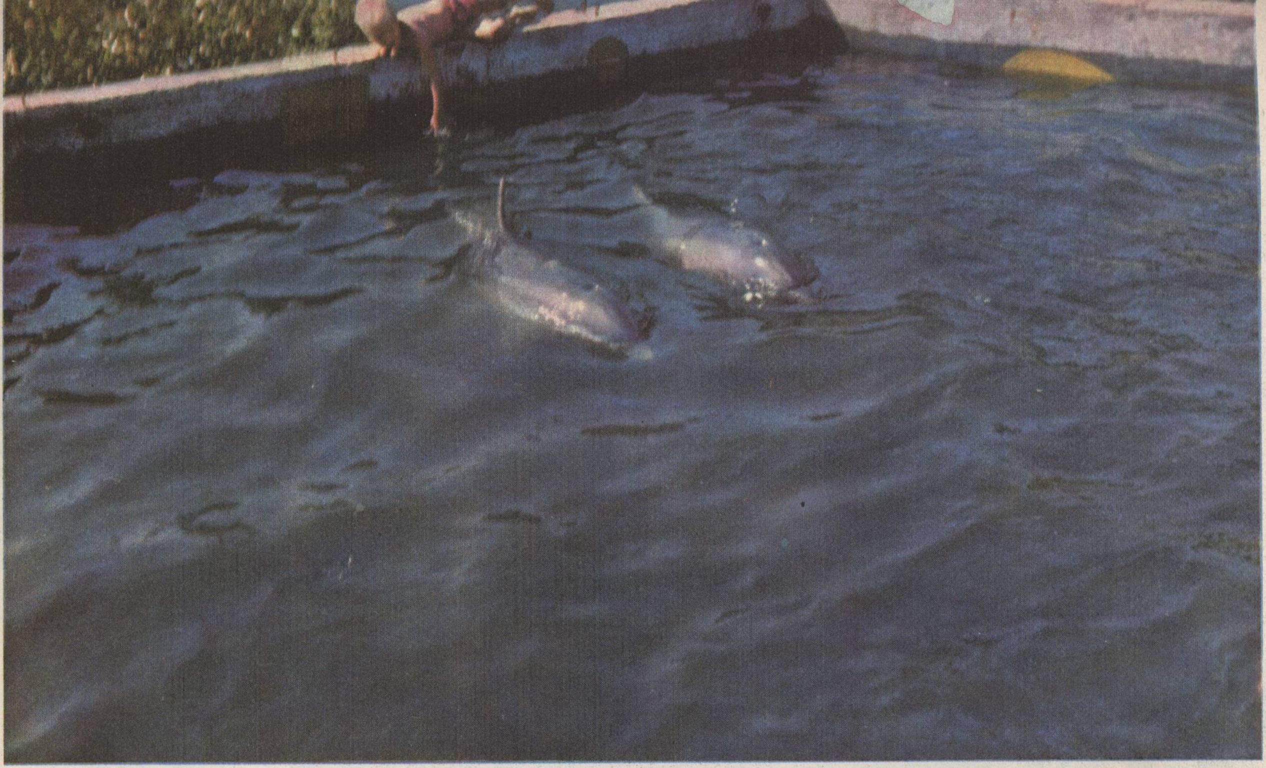

Трактористу удобно — он сидит в просторной кабине с мягким сиденьем, тоже как в автомобиле.

Внимание!

Советские ученые открыли новый химический элемент, в Менделеевской таблице он получил 105-й порядковый номер. Его свойства уже известны, а вот имени у элемента еще нет.

Подробности — в одном из ближайших выпусков «Научного телеграфа».

Наперегонки с дельфином

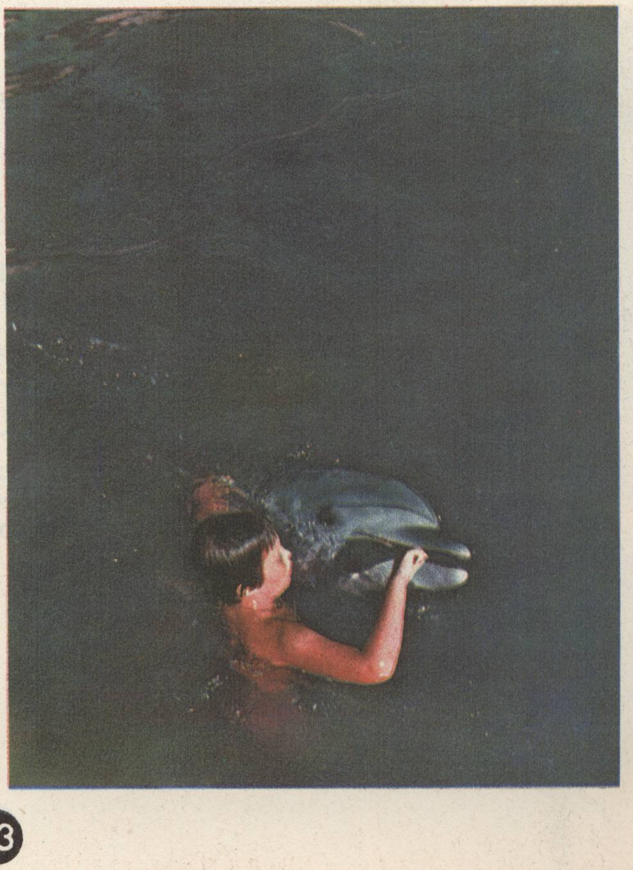

Пройдет какое-то время, и, может быть, ты пойдешь смотреть новый фильм. Он будет называться «Девочка и дельфин» или еще как-нибудь похоже. А пока до съемок дело еще не дошло, два веселых молодых дельфина, Бриз и Вега, привыкают к ребятам.

Живут ребята и дельфины в пионерском лагере в Ласпи на берегу Черного моря. Возле самой кромки волн, рядом с песчаным пляжем, высится большой морской аквариум. Около него всегда толпа ребят — всем хочется посмотреть, как плещутся и ныряют Бриз и Вега. Можно не только смотреть — дельфины охотно принимают любого в свои игры. Но это не каждому по плечу: надо чувствовать себя в воде как рыба, иначе дельфины заскучают. Вот почему особенно подружились они с Вассой, школьницей, приехавшей из Москвы.

Все трое — сверстники, и, когда они вместе, нет конца веселой возне. Многие ребята завидуют Вассе: она научилась плавать еще в детском саду. Быстро плавает, смело ныряет, легко повторяет стремительные движения дельфинов. А Бриз и Вега очень внимательны к Вассе — она часто кормит их рыбой, и не было случая, чтобы на руке у нее осталась хотя бы одна царапина.

Вот Васса забралась на спину к Веге и полетела по волнам. А рядом, фыркая и стараясь не отставать, плывет второй дельфин...

Ольга ЖУКОВА

Сушу бельё на радуге

«Добрый трамвайчик»

«И он обиделся»

Людмила **МАТВЕЕВА**

Фотографии И. БАРБЭ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

«У родного крыльца»

«Хор отличников»

«Красный командир»

«Девочка и лев»

В ЭТОЙ КОРОТКОЙ ИСТОРИИ УЧАСТВУЮТ:

ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА БАРБЭ — художественный руководитель киностудии, человек с железными нервами.
ИОСИФ ИОСИФОВИЧ БАРБЭ — технический руководитель студии, тоже человек с железными нервами.
«АИСТЯТА», «ТОПТЫЖКИ», «ЧУЧУНДРЫ» — ребята, работающие в студии. Они сами себе придумали такие имена. Все они люди с фантазией, с азартом и упорным характером. И, мне кажется, с железными нервами.

Действие происходит в городе Кишиневе, во Дворце пионеров и школьников. Пионерская студия называется «Флоричика», она-то и есть главный герой фильма. В переводе с молдавского «флорическа» — цветочек. Студия работает уже три года, и фильмов снято великое множество. Большинство фильмов хорошие и даже замечательные, так считают не только зрители, но и очень компетентные жюри на разных кинофестивалях в нашей стране и за рубежом. Но главное все-таки не в этом. А в чем?

ФИЛЬМ НАЧИНАЕТСЯ

В большой комнате с занавешенными окнами на стене висит киноэкран. Потому что это киностудия, здесь фильмы делают, здесь их и просматривают, критикуют, хвалят, разбирают по косточкам.

Длинный широкий стол, вокруг ребята. Девочка вырезает из желтой бумаги косматого льва. Девочку зовут Галя. А рядом сидит Наташа, ее подруга и соавтор, и рисует человечка в зеленом плаще и высокой остроугольной шляпе. А Вова Мороз рисует танки, потому что его фильм — про войну. И еще разные ребята сидят за этим разноцветным столом, их много. Некоторые не уместились за столом и ушли работать на пол. Они расстелили большие листы и ползают по ним, что-то приклеивают.

Крупным планом: ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА и БОРЯ

ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА. Боря, дорогой, я тебя умоляю. Ты сделал прекрасные фоны к своему фильму. Нежные, прозрачные, даже, если хочешь, элегантные. Но героев тогда надо делать в какой-то другой манере. А иначе заяц теряется среди холмов и цветов. Ну, посмотри сам. *(Прикладывает вырезанного из картона зайца к холму, поросшему развеселыми цветами, похожими на бабочек и на облака. Заяц действительно теряется.)* Ну, Боря, видишь?

БОРЯ *(кивает. Он вполне согласен. Задумывается. Все смотрят на Борю, оторвавшись от своих рисунков. Боря вздыхает, потом говорит тихо и твердо).* Пусть так останется.

А что делать, если Боря успел уже полюбить именно этого зайца с тонкими ногами и немного мышиной мордочкой? Боре не хочется другого.

ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА *(крупным планом. В глазах полное уважение к Боре).* Понимаешь, ты автор. Все это ты сам придумал и можешь решать своих персонажей, как хочешь. Но нельзя же снять фильм, если не видно, где герой и что он делает. Понимаешь, Боря?

БОРЯ *(кивает. Вздыхает. Молчит. Потом говорит тихо, но твердо).* Пусть такой останется.

Хорошо, что в студии «Флоричика» работают люди с железными нервами.

Затемнение.

Та же комната. Ребят нет, поздний вечер. Полумрак. Вдоль стен сидят куклы, скачут всадники, улыбается жираф. Под экраном два бурых медведя, один поменьше, другой побольше.
Два плюшевых медведя крупным планом. Глаза у них маленькие и расположены близко к носам, от этого выражение лиц немного свирепое.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. Я самый главный из нас, потому что я большой. Ты не самый главный из нас, потому что ты маленький.

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. Ничего подобного. Я тоже самый главный, потому что я маленький. У нас во «Флоричике» нет такого закона, маленьких отталкивать. А ты просто медведь.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. Обзываться некрасиво. Медведь, медведь, а ты тогда кто?

МАЛЕНЬКИЙ. Я — маленький, я не знаю. И вообще, мы же с тобой понарошку разговариваем, мы же игрушечные. Просто раз никого нет, можно и нам немного поговорить. А теперь все, я спать буду. *(Ложится на раскрытый блокнот. Но сразу опять садится.)* Кто-то ходит за дверью, я первый услышал.

Открывается дверь, заглядывает мальчик. Медведи замирают. Мальчик ВЛАДКА повертел головой и спросил в темную пустоту:

ВЛАДКА. Виктории Ивановны нет? Иосифа Иосифовича нет? *(Тишина в комнате. Вдруг Маленький медведь не выдержал и громко ответил.)*

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. Нет! Все давно ушли.

ВЛАДКА *(нисколько не удивился. Он в студии с пяти лет и давно привык ко всяким чудесам).* А если я немного порисую? У меня

«Красный командир на горячем коне, красный командир на гражданской войне»... Любимая песня студийцев стала фильмом. А фильм получил золотую медаль на международном кинофестивале в Москве и в Праге.

новые краски, вот какая красивая коробка. Зажгу свет и нарисую всего чуть-чуть, что днем не успел. Знаете, медведи, я сегодня ходил в лес и слышал, как лопаются почки. Я раньше никогда не слышал, как они хлопают. Но для этого пришлось уйти с урока молдавского. Что теперь будет? *(Раскладывает на столе альбом, начинает рисовать.)*

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. Маленьким надо спать.

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. Рисуй, Владка, не слушай его. Он понарошке разговаривает. Когда фильм про нас снимали, мы и то не говорили ни слова, фильм так и был немой. А теперь нам захотелось поговорить.

ВЛАДКА *(рисует, слегка высунув язык)*. Знаете, я вот что думаю. Фильм будет называться «Влюбленные троллейбусы». Это ведь не просто так троллейбусы, не те, которые только ездят, людей возят, за провода держатся. А какие же они должны быть? Я не знаю пока. Вижу, кажется, но про себя. А как нарисовать? Как показать, чтобы всем стало понятно?

Некоторое время ВЛАДКА сидит молча, задумчиво смотрит в пространство. Медведи сочувственно вздыхают.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. Нам легко, наш фильм отснят.

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. А я все жду, вдруг нас для другого фильма пригласят? Я все время надеюсь, надеюсь. Мне очень понравилось сниматься для кино.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. Еще бы! Сниматься всем хочется. Любую девчонку спроси, все хотят в артистки. Только наши девочки, из студии, мечтают стать не артистками, а художниками-мультипликаторами. Ох, слово какое трудное.

ВЛАДКА кладет голову на руки, засыпает.

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. Давай не шуметь. Слышишь, кто-то идет по коридору?

Отворяется дверь. Входит ИОСИФ ИОСИФОВИЧ. Он высокий и серьезный. Только если внимательно присмотреться, видно, что он умеет верить в сказки.

ИОСИФ ИОСИФОВИЧ. Вот он, Владка. А его мама ищет.

На полу работать куда удобнее. Особенно если фильм получается хорошим: в нем будет волшебный город, синий ветер, славные люди. А нужны для этого лист бумаги, ножницы, краски и фантазия.

ИОСИФ ИОСИФОВИЧ подходит к столу, берет ВЛАДКУ за руку. ВЛАДКА медленно просыпается, улыбается. ИОСИФ ИОСИФОВИЧ ведет его к двери.

ИОСИФ ИОСИФОВИЧ. Пора спать. И мальчикам и медведям.

Затемнение.

Полная студия ребят. На столах свечи. Разной формы, красные, золотистые, синие, черные. И подсвечники необыкновенные, фантастически красивые, непонятно, из чего

сделанные. А на полу сегодня не рисунки, а желтые листья, как толстый шуршащий ковер. И воздушные шарики летают по всей комнате.

НОНА *(выглядывает за дверь).* Тихо! Приготовились! Идет!

ГАЛЯ. Идет! Тихо!

«АИСТЯТА», «ТОПТЫЖКИ» и «ЧУЧУНДРЫ» кричат громкими голосами: «Тихо!» В студии поднимается страшный шум.

ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА *(входит, останавливается на пороге).* Невероятно. Тише, пожалуйста. Тихо!

ВСЕ *(еще гораздо громче).* А мы вас поздравляем! С днем рождения! Сейчас будет кофе и концерт. Мы все жутко талантливые и скромные! И прекрасные дети!

ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА. *(Растроганно, но строго: недаром она человек с железными нервами.)* А может быть, нам все-таки поработать?

Старшие — «АИСТЯТА», средние — «ТОПТЫЖКИ», а больше всех, конечно, самые младшие — «ЧУЧУНДРЫ» громко и твердо: «Нет! Сегодня праздник!» Общий план — общий большой пир. Кто-то показывает фокусы. Чья-то рука на полную мощность включает проигрыватель, звучит песня о красном командире, любимая песня студии.

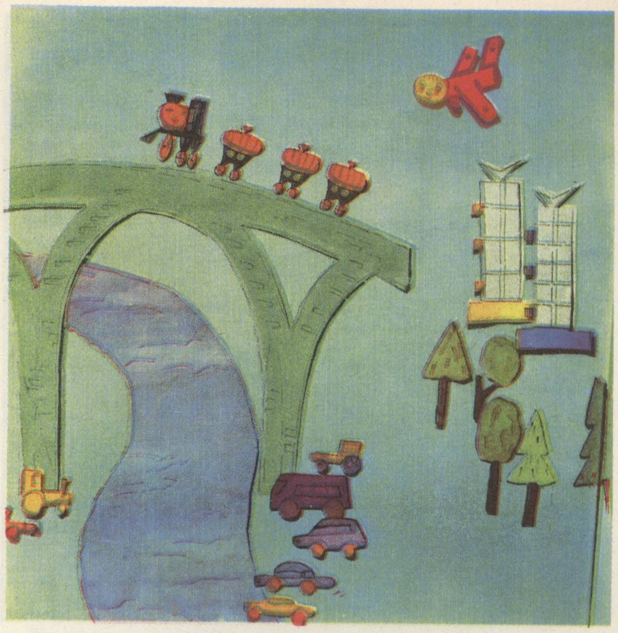
Затемнение.

Девочка сидит спиной к камере, мы не видим, кто это. Нам это и неважно. Девочка рассказывает кому-то, кого не видно. Может быть, нам.

ДЕВОЧКА. У меня некрасивый нос. Со всяким может случиться. Ничего особенного. Но это легко сказать, а я ужасно переживала: как же так, у всех носы, как носы, а мне приходится мириться с таким вот носом. И дома меня, кажется, жалели. Отвернусь, а потом посмотрю на бабушку, она вроде вздыхает: такая славная девочка, вежливая, воспитанная, а нос... Мне даже по утрам просыпаться не хотелось: как увижу зеркало, так на полдня настроение испорчено.

А потом я записалась в студию «Флоричика». И стала делать фильм. Он сначала не получался. И я, конечно, огорчалась. А потом он стал получаться потихоньку. И я была так рада! Все мои новые друзья в студии радовались вместе со мной. И я поняла одно очень важное для себя. Сделать хорошо — это от меня зависит. Сделать неудачно — тоже от меня зависит. И тогда от фильма может получиться радость или огорчение. От меня зависит, понимаете? А огорчаться из-за носа — глупо же в самом деле, это от меня не зависит.

Появляется ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА, ребята, ИОСИФ ИОСИФОВИЧ. И начинается работа. Кто-то раскладывает на полу листы. Кто-то берет ножницы и садится вырезать зверей и людей.

Этот паровозик позавидовал самолету: ему тоже хочется летать...

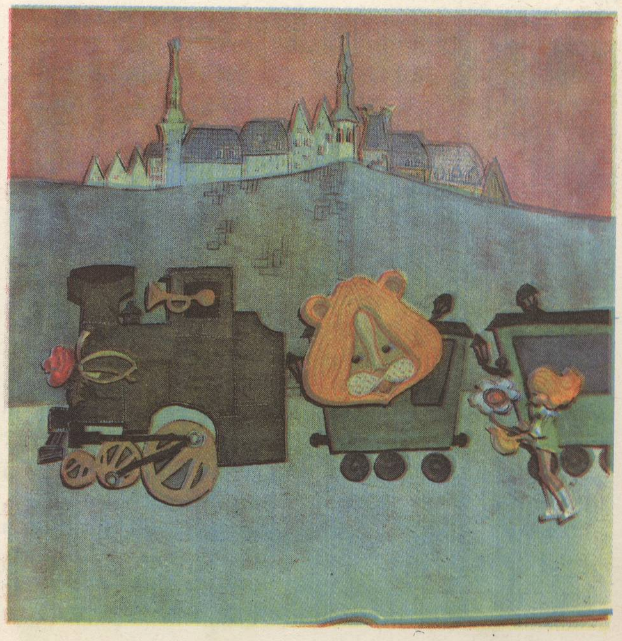
Затемнение.

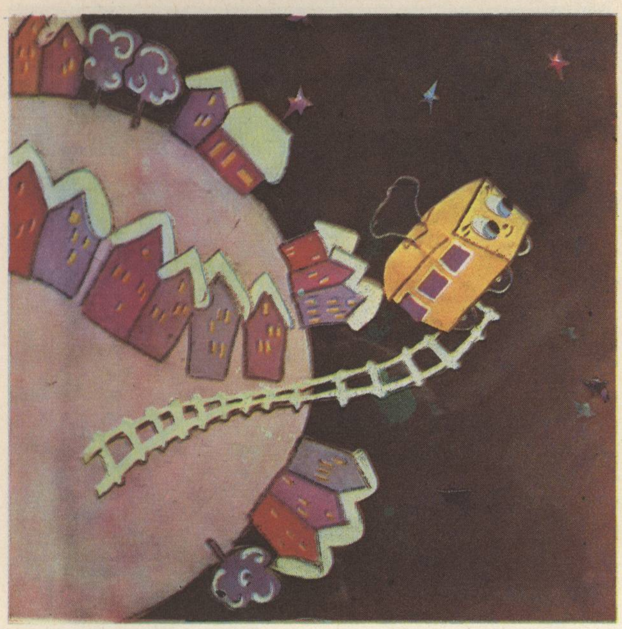
Ребята работают. В соседней комнате, в аппаратной, тихонько жужжит техника, щелкают кинокамеры. На экране за минуту проскакивает тысяча четыреста кадров. А снимать надо каждый отдельно. Очень медленная и трудная это работа. Надо иметь железные нервы. И надо уметь рисовать. И сочинять сценарии. Потому что прежде всего надо написать подробно, кадрик за кадриком, весь будущий фильм.

На ГЕНУ нашло вдохновение прямо в студии, он придумал сказку про летающего человечка.

ГЕНА. А потом он полетел высоко над крышей, а в руках мокрое белье...

Добрый лев уезжает из города, потому что циркачи не живут долго на одном месте.

Трамвайчик сошел с земного шара. Ну, и что особенного: в мультфильмах и не такое случается. Зато фильм «Добрый трамвайчик» побывал в Вене и получил там золотую медаль.

ГАЛЯ. Откуда взялось белье?

ГЕНА. Я разве не сказал? Веревка на пути попалась, во дворе. Там сушилось белье. И вот он, летающий человек, летит и вцепился в веревку. Летать-то хочется, но и страшно. И он ухватился, но веревка оторвалась, и вместе с ним полетело белье. Разные рубашки, простыни, полотенца разноцветные. И вот он летит, летит, а потом взял и повесил белье на радугу, пусть сохнет. Сам летит дальше. Тут ворона. Это что? Человек. Почему летает? Милицию позову, потому что не по правилам. Он скорее от этой вороны. А там труба. Тогда он раз — и спрятался... Дальше пока не сочиняется.

ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА. Мне кажется, интересно. Особенно белье сушить на радуге. И зрительно занятно и поэтично. Только ты, Гена, записывай, ты же все можешь забыть, растерять.

ГЕНА. Не, Виктория Ивановна, я не забуду. Я все в голове запасаю.

ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА. Ну, запасай, запасай.

ВОВА МОРОЗ *(склонившись над столом, рисует танки)*. Виктория Ивановна, я не знаю, как у танка откидывается люк.

ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА. А ты спроси у Иосифа Иосифовича. У человека было четыре года фронта. Видел он и танки. А может быть, не надо люк так уж натурально делать? Может быть, поусловнее? Подумай, Вова. Но знать, как это выглядит, надо. Здесь ты прав. Пойди и спроси, Иосиф Иосифович у себя в аппаратной.

ГАЛЯ РОБУ. Виктория Ивановна, посмотрите, как мы с Наташей сделали очередь. Все смешные, разноцветные. Потому что это очередь за билетами в цирк.

На экране несколько кадров из нового фильма Гали Робу и Наташи Плоткан. На арену маленького круглого цирка выходит человек в черном фраке и говорит громко: «Представление отменяется. Лев заболел». Никто не мог помочь льву. Белые машины с красными крестами летели со всех сторон к цирку. Самые знаменитые доктора сидели в этих машинах и держали наготове свои шприцы, горчичники и самые сильные, самые горькие лекарства. Но ведь заболел-то не кто-нибудь, а лев! К такому больному непросто попасть на прием. Лев никого не подпускал к своей клетке. Ему было совершенно все равно, что доктора бородаты и знамениты. Но тут... тоненькая рыжая девочка осторожно подошла к клетке больного льва. Девочка открыла дверцу и маленькими пальцами прижала к горячему лбу льва медный пятак. Улыбнулась и сказала: «Так всегда делает моя мама...»

А утром цветные вагончики увозили цирк в другой город. Цирки всегда уезжают. И когда паровоз прогудел прощально, маленькая рыжая девочка заплакала. Мы всегда привязываемся к тем, кому помогли. Девочка на перроне заплакала. И тогда большой сильный лев, теперь уже выздоровевший, протянул из окна вагона огромную лапу, приложил круглый медный пятак ко лбу девочки и подумал: «Так всегда делает ее мама. И все, и все...»

Затемнение.

Голоса ребят перебивают друг друга. Расшумелись «АИСТЯТА», «ТОПТЫЖКИ», «ЧУЧУНДРЫ».

ГОЛОСА. Виктория Ивановна! Я хочу снимать про хор отличников! Хор отличников!

Виктория Ивановна! А когда мы опять поедем в Таллин? Меня мама отпускает! Мама отпускает!

Виктория Ивановна! А из чего делать глаза тракторишке? Глаза тракторишке?

ГОЛОС ДЕВОЧКИ. Как делается мультфильм? Самый трудный вопрос. Если ответить на него коротко, тогда надо сказать: он делается всегда. Да, всегда, все время. И когда сидишь, ни о чем не думая, на берегу озера. И когда читаешь веселую книжку. И когда мы всей студией покупаем в кондитерской на главной улице много разных конфет. Конфеты потом съедаются. А из серебряной фольги делаются прекрасные глаза для трамвайчика. Того самого заблудившегося трамвайчика, о котором давно уже снят фильм, а мы его помним и любим по-прежнему. Находки приходят сами, но для того, чтобы они приходили к тебе, надо жить особенно.

Экран светлеет. Где-то за стеной гремят барабаны, учатся барабанщики Дворца пионеров. Наверху играет рояль. Там занимается балетная студия. А в комнате «Флоричики» никого нет. Раннее утро.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. Теперь «Флоричике» присвоили звание народной студии. Это, знаешь, какое большое звание? Наши все рады.

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. Значит, мы с тобой теперь народные артисты?

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ *(задумывается)*. Я, наверное, да. А ты, наверное, нет. Ты же еще маленький.

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. Выдумываешь. Ты тоже нет. А ребята скоро придут?

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. Теперь уже скоро. Придут, нашумят, что-нибудь сочинят, поспорят, посмеются. А потом получится фильм. И все обрадуются.

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. А потом, может быть, этот фильм отвезут в Москву, как в тот раз. Или в Париж, как в другой раз. Или в Прагу, или в Берлин, как в те разы.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. И тогда наш фильм получит медаль или диплом, как в те разы. Вон у нас уже сколько медалей! Попробуй сосчитай!

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. Только Иосиф Иосифович говорит, что дело не в этом. И Виктория Ивановна говорит, что дело не в этом. И даже самые маленькие «Чучундры» считают, что дело не в этом.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. А в чем же? Ну, скажи, в чем?

МАЛЕНЬКИЙ МЕДВЕДЬ. Я не знаю, я маленький.

БОЛЬШОЙ МЕДВЕДЬ. А читатели «Пионера», наверное, знают. Они-то, небось, не маленькие.

КОНЕЦ ФИЛЬМА.

М. ПЛЯЦКОВСКИЙ

Сколько счастья у людей?

— Сколько ягоды в лесу?
— Всю домой не унесу!
Мне и вам достанется —
И еще останется!

— Сколько песен в мире есть?
— Всех, пожалуй, и не счесть!
Мне и вам достанется —
И еще останется!

— Сколько в поле васильков?
— Сколько звезд и облаков?
Мне и вам достанется —
И еще останется!

— Сколько снега и дождей?
— Сколько счастья у людей?
Мне и вам достанется —
И еще останется!

Когда-нибудь...

Я знаю, это будет, случится наяву:
На белом пароходе я в море поплыву.

На белом пароходе, по голубым волнам
Отправлюсь в гости к чайкам,
дельфинам и китам.

На капитанский мостик я выйду
поутру,
Со стеклышек бинокля пылинки
все сотру.

Потом направо гляну, налево
посмотрю,
Потом достану трубку,
от солнца прикурю.

Потом вернусь я в рубку,
к штурвалу своему,
На снежную Чукотку привычно
курс возьму...

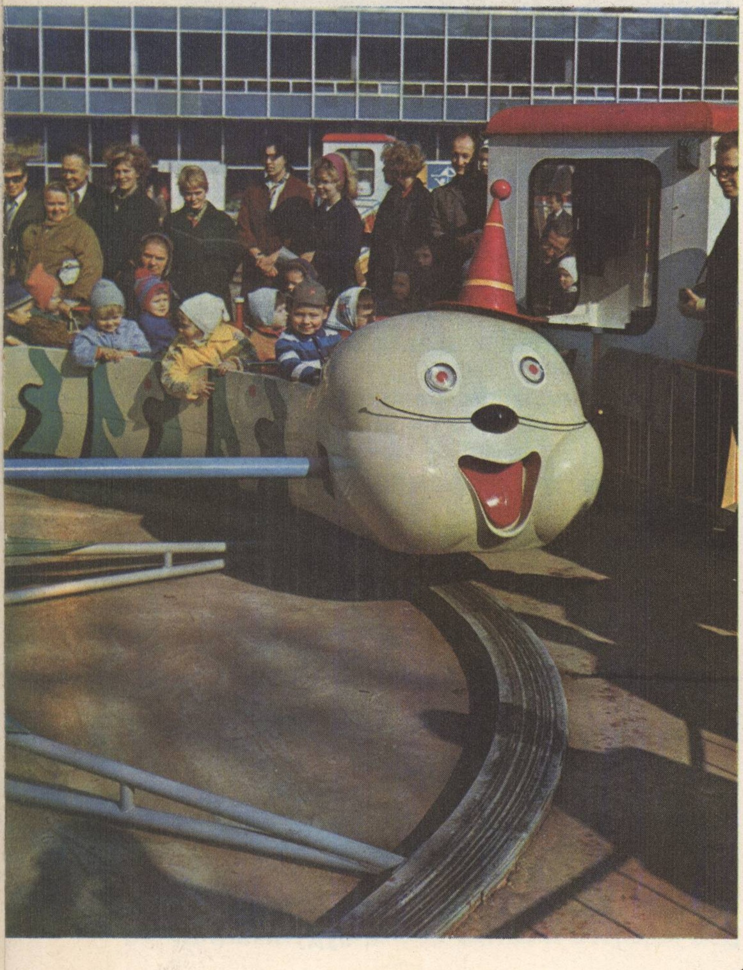
Когда-нибудь все это случится наяву:
На белом пароходе я в море поплыву.

На свете повидаю сто тысяч
разных стран,
И буду не мальчишка,
а буду капитан!

В. ЛАРИН

МОЙ ПРАВДИВЫЙ РАССКАЗ

Горе мне с этой сестренкой! Как спать укладывать, так и начинается: расскажи да расскажи сказку. Пристанет хуже банного листа. Ну вот и начинаешь, вот и начинаешь разводить турусы на мотоциклетных колесах...

Но однажды я пошел на хитрость.

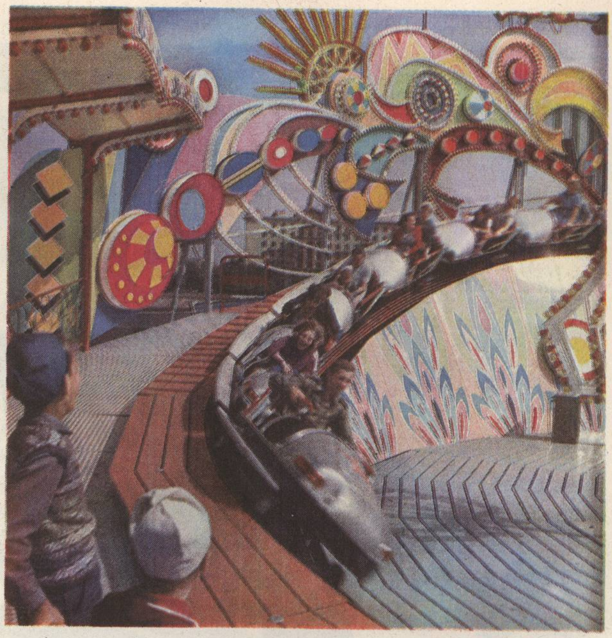
— В некотором, — говорю, — царстве, в некотором государстве есть волшебный парк.

— А какой он, волшебный? — спрашивает сестренка.

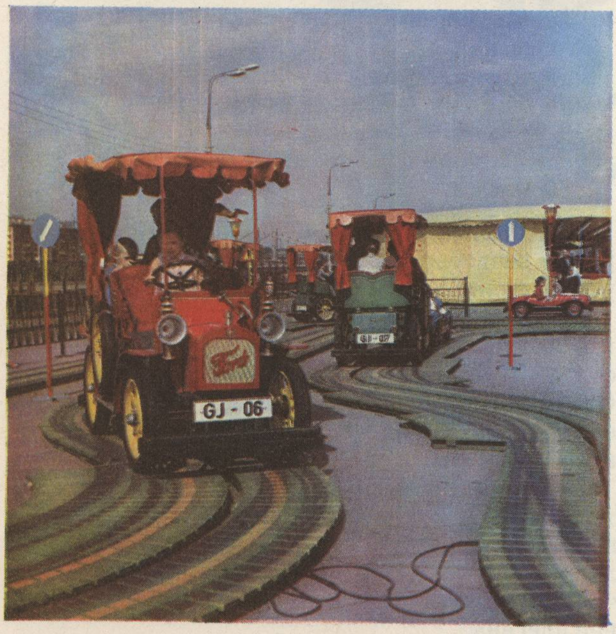
— А такой, — говорю я, — волшебный, что у самого входа людей поджидает драконище. Голова величиною со стол, хвост такой длинный, что начинается утром, а кончается только после обеда. И дракон этот по рельсам ползает. Люди к нему на спину садятся и едут...

— Куда ж они на драконе ехать могут? — спрашивает сестренка.

— А едут, — говорю, — к чайному столу величиною с баскетбольную площадку. Там и чашки не простые — ростом с наши человеческие бочонки. Влезешь в нее, а она как помчится, как закружится, только держись!..

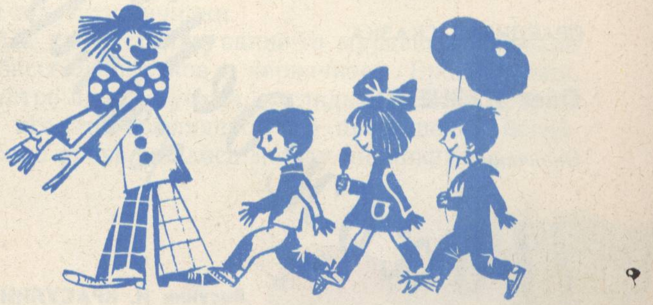
Еще в том парке есть трек для автогонок. Но участвовать в соревнованиях могут не только автогонщики, а все, кто хочет. Потому что машины ученые. Они сами носятся по крутым виражам одна за другой. Ветер свистит, цветные огни летят навстречу, как пули... После этих автогонок тебе уж кажется все нипочем, и ты пересаживаешься на другую машину, которая, будто горный козел, бегает по стальным холмам. То вверх летишь, то в пропасть, то вверх, то в пропасть. А сердце у тебя в это время то где-то около уха подпрыгивает, то в пятки убежит!..

Встанешь ты после этих машин на твердую землю. Ну и дела! Где бы такое, думаешь, отдохнуть. Может, вот под этими разноцветными зонтиками?.. Только сядешь — и вдруг кругом все как помчится, как закружится, полетит! И ты еле жив от смеха и от страха, то за облака руками хватаешься, то ниже травы пролетаешь...

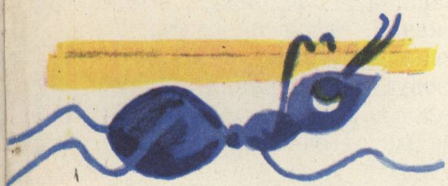
— Да ну тебя, Вовка, — вдруг говорит моя сестренка. — Напридумывал уж, так напридумывал. Не сказка, а сплошное вранье!

И заснула. А я, конечно, ее разубеждать не стал. Пусть спит. Но вам могу сказать: это все правда! Парк тот зовут Сокольники. Он в Москве. И чудес там еще в десять раз больше. Называются они «веселые аттракционы».

Фотографии Г. ДМИТРИЕВА и В. ПОСТНИКОВА.

Похождения хитрого Соленопсиса

ПРАВДИВАЯ СКАЗКА

Олег КУЗНЕЦОВ

Окончание

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

7

Помните, пронырливый Соленопсис вознамерился раздобыть новое яйцо вместо того, которое выманил любезный Атемелес?..

Доковылял наш герой до главного проспекта, где давеча чуть было не стал жертвой бравого солдата, и в нерешительности остановился. Очень уж часто сновали здесь деловитые хозяева города! Соленопсис помешкал, потоптался да и повернул назад, в темень боковых кварталов.

После краткого, но ужасно головоломного путешествия по кривым улицам и переулкам он неожиданно очутился под самой крышей купола. Крыша вся так и шевелилась! Тысячи рабочих перетряхивали хвою, чтобы не завелась в ней плесень.

Каждый нырял в глубину хвойного слоя, хватал там отсыревшую иголку, выныривал с ней на поверхность и аккуратно укладывал для просушки.

Побоялся Соленопсис сунуться в эту толкучку и юркнул в распахнутый люк, который оказался началом уютной улочки, вымощенной обычной муравьиной брусчаткой — комочками земли, замешенными на слюне и высушенными. Но тут на его пути толклись двое землекопов.

Как часто превозносят лихость муравьев-разведчиков, боевой дух охотников, трогательную верность нянек, геркулесовую силу грузчиков! И как редко услышишь хоть одно слово похвалы в адрес скромного землекопа! А на кого, скажите, ложится вся тяжесть земляных работ, когда по весне муравейный город сплюснут от тяжести сугробов?! На землекопов! Это они расширяют площади, прокладывают улицы и переулки. И орудий-то у них всего-навсего пара жвал да лапы, а иной раз прокапывают подземный ход через всю поляну!

Землекопы, повстречавшиеся нашему герою, затеяли, видимо, соорудить тоннель, соединить две улицы. Они спорили: один доказывал — рыть надо тут; другой упрямился — не тут, а вон там! Соленопсис воспользовался спором и прошмыгнул мимо.

Но пробежал он немного. За поворотом опять задержка: двое муравьев увлеченно любезничают. Один стоит неподвижно, а другой лапками чистит ему голову, грудь и брюшко. Почистил лапками, стал язычком вылизывать — чтоб до полного блеска! Соленопсис снова потащился в обход.

И еще раз ему пришлось задержаться: на перекрестке, где сходилось не меньше тридцати улиц, грузчики возились со щепкой. Видимо, притащили для ремонта. Да вот беда: великовата. От самого входа волокли — и ничего, а тут зацепилась! Дергали ее, дергали, а потом разозлились, назад потащили и бросили — не нужна такая!

Вскоре Соленопсис оказался в той части города, где жили строители, и сразу бросился шарить по закоулкам: не завалилось ли чего съедобного? Он так увлекся, что ничего не замечал вокруг. Только когда выплыла на него тяжкая струя смрадного запаха, он застыл на месте.

В соседнем переулке виднелась зловещая компания жуков, разодетых в черно-красные траурные мантии.

Жуткие существа! Официально они были могильщиками, но с этим занятием, нужным для города, совмещали тайную преступную деятельность: крали, разбойничали, норовили «хоронить» живых — только попадись!

К счастью, шайка двинулась в противоположную сторону и стала не спеша удаляться. Соленопсис облегченно пошевелился.

Но тут, откуда ни возьмись, на пути бандитов появился большеголовый пожилой муравей.

Боже, что за вид был у него! Без усов, левый глаз выбит; не хватает целых двух ног; панцирь поцарапан и весь во вмятинах! Кто он? Конечно же, в прошлом солдат. Потом грузчик на самых тяжелых работах... А теперь горемыка, заблудился в собственном муравейнике!

Каждое утро поднимается он вместе со всеми, идет в общем потоке на работу, но скоро отстает... Проклятые ноги! Потом долго ищет выход к свету. Да разве найдешь его без усов? И кружит и кружит в бесконечных лабиринтах под куполом...

Старик тащился прямо на могильщиков. Те сгрудились — видно, решили нападать! Он тоже принял боевую позу: передние ноги пригнул, жвалы раскрыл...

Плотным строем двинулись бандиты, да только все они оказались трусами! В последний момент свернули в сторону.

Старик заковылял своей дорогой и через несколько шагов наткнулся на Соленопсиса. Сослепу он принял его за своего и нагнулся, чтобы принять угощение.

Но напрасно он ждал, Соленопсис и сам был голоден.

И тогда инвалид отступил на полшага, напыжился, извлек из своего пустого брюшка капельку пищи и отдал ее кому?! Воришке!

Получив угощение, Соленопсис пустился бежать. А добрый-то калека надеялся, что муравьишка выведет его из захолустья! Он заковылял вслед за Соленопсисом, да только где ему поспеть!

8

Воришка был все-таки наказан за свою черствость. Дорога под ним вдруг оборвалась, и он полетел вниз. С трудом поднявшись, огляделся. Он был у крылатых.

Большущий зал с низким потолком... Посредине, плотно прижавшись друг к другу, сидят крылатые. Вокруг суетятся няньки.

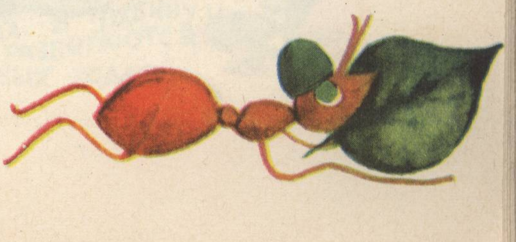
За Соленопсисом тотчас же устроили погоню — няньки совершенно не выносят посторонних.

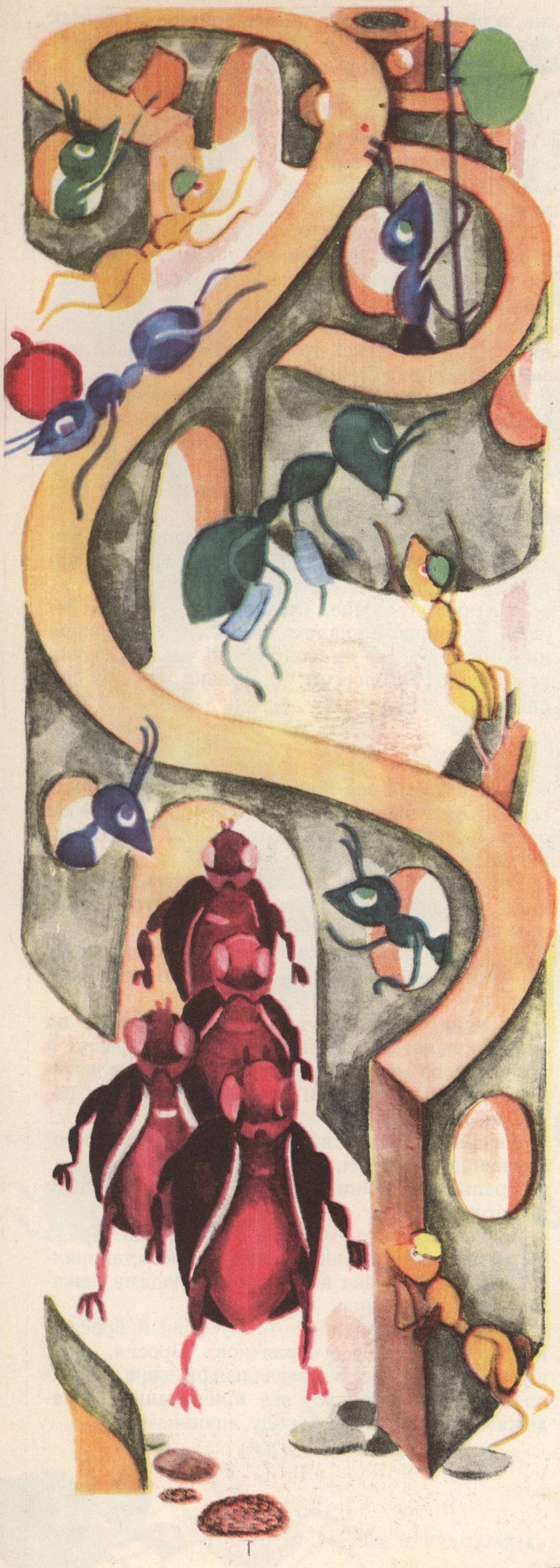
Но наш ловкач и тут выпутался: вскочил на спины крылатых, сомкнутые крыло к крылу, и помчался по ним, как по крыше. Няньки потеряли его из виду, и он скользнул в первое попавшееся отверстие.

Теперь он был в каком-то замысловатом сооружении. Камеры, ниши, транспортные магистрали, постройки разные — чего тут только не нагородили!

Возле большого бассейна с крепкими, вроде бы цементными стенками наш герой остановился. На дне бассейна аккуратными рядами лежали толстухи личинки.

На краю стояли какие-то муравьи и бросали в бассейн жучков и червячков. Бросив, они, шустро шевеля усами, заглядывали вниз. Странно все это выглядело: все приношения безнадежно проваливались между личинками.

Но, оказывается, толстухи все-таки умудрялись съедать свой паек. Они выделяли особый сок, растворявший угощение, а потом, когда он загустеет, снова выпивали его.

Соленопсис ни о чем об этом, конечно, не имел никакого представления и со свойственным ему легкомыслием сунулся в бассейн. Мгновенно он оказался по колено в едкой влаге! Забился, забарахтался и... стал растворяться.

Счастье, что там было мелко, и, главное, кто-то из нянек заметил, что ближняя к Соленопсису личинка лежит неудобно. Решила перевернуть ее. Наш герой успел налепиться на круглый толстухин бок и был поднят на спасительную высоту.

Другой бы на месте Соленопсиса одумался, взялся за дело — ведь на каждом шагу напасти! Соленопсис же снова припустился в дорогу. Он чуял, что близка его цель — жилье Великой матери города.

9

Наконец-то удача сопутствовала Соленопсису! Никогда еще грозные охранники не подпускали его так близко. Пожалуй, он мог бы подойти и ближе, но чтобы не рисковать, поспешил углубиться в землю. Копать пришлось недолго: минута, и он пробил головой последний слой почвы.

Вначале он увидел Великую мать города. Величественная, в блистающих одеждах, она спокойно смотрела на Соленопсиса, но в ее взгляде не было внимания к нему. Да и что он мог представлять для нее, матери миллионов?!

Воришка проворно огляделся, выискивая кладку яиц... Но что это?!

Будь Соленопсис почувствительней, он бы схватился за голову от того, что происходило в самом сердце муравейного города. Там было как после землетрясения! Все переломано, перебито, свалено в кучу. Комья грязи, ветки, хвоя, какие-то семена и повсюду — яйца, яйца, как множество футбольных мячей. И среди этого разгрома бессмысленно мотались приближенные Великой матери города и солдаты охраны.

Среди них с деловитым видом бегал взад-вперед — кто бы вы думали? Атемелес!

За ним никто не гонялся, он бегал просто так, для удовольствия. По временам подхватывал с пола яйцо, прокусывал и тотчас бросал. Он был сыт-пересыт!

То и дело кто-нибудь из муравьев заступал ему дорогу. Но в какой позе?! В умоляющей! Они умоляли Атемелеса принять хоть капельку отрыжечки!

Другие муравьи бросались вдруг к Атемелесову брюшку, жадно искали там духовитой жидкости.

Итак, все объяснилось. Здесь пировали!

Все замысловатые подкопы Соленопсиса — просто забава младенца в сравнении с тем сокрушительным злом, которое способен сеять Атемелес. Да что Соленопсис! Маленькие жучки-атемелесы, если их разведется много, могут

ПОД КУПОЛОМ МУРАВЕЙНИКА В ГЛУБИНУ И В ШИРИНУ РАЗБЕГАЮТСЯ КИЛОМЕТРЫ ПОДЗЕМНЫХ ХОДОВ

ПО РОВНОМУ, ТОЧНО ЛИНЕЙКОЙ ПРОЧЕРЧЕННОМУ МАРШРУТУ, ДВИГАЛАСЬ КОЛОННА ОТЧАЯННОГОЛОВЫХ

принести столько же вреда, сколько негодяй, разоривший муравейник палкой!

А Великая мать города, казалось, равнодушно смотрела на творившееся вокруг безобразие...

Осмелев, Соленопсис юркнул в самую гущу пирующих и вскоре нашел целое яйцо.

Вдруг на развеселое празднество повеяло тревогой. Раздался грохот, и со всех сторон в святилище ворвались свирепые нападающие!

Это была отчаянноголовая солдатня того самого муравейника, чей разведчик когда-то спас первых детей Великой матери города.

Вот уже два года соседи держались так, будто они считают себя вправе взыскивать за те жалкие глотки пищи... живыми муравьями! Подумать только! У них, видите ли, почему-то рождались теперь преимущественно солдаты, и каждый из них становился разведчиком. И хоть поступали бы они по-хорошему, по-мирному! Так нет, эти отчаянные головы предпочитали нападать. Придут, обязательно устроят драку, схватят работящую няньку с яйцом в жвалах и утащат в свой муравейник. А пленница и на новом месте продолжает трудиться, как будто ничего не случилось: ухаживает за молодью своих похитителей и из принесенного яйца выведет для них работника.

На этот раз отчаянноголовые организовали большую военную экспедицию. В куче сцепившихся муравьев оказался и наш Соленопсис!

В первую минуту ничего нельзя было разобрать. Кто-то на кого-то навалился, и на него тотчас наваливалось двадцать других, кто-то кого-то куда-то тащил, а ему тащить не давали; потом оказывалось вдруг, что тащить надо другого, а этого надо бросить...

Но уже на второй минуте выяснилось, что отчаянноголовые стремятся выхватить из свалки и унести нянек; солдаты охраны стараются этого не допустить; няньки же, похоже, сопротивляются только для вида.

В этой суматохе только одна Великая мать города оставалась спокойной.

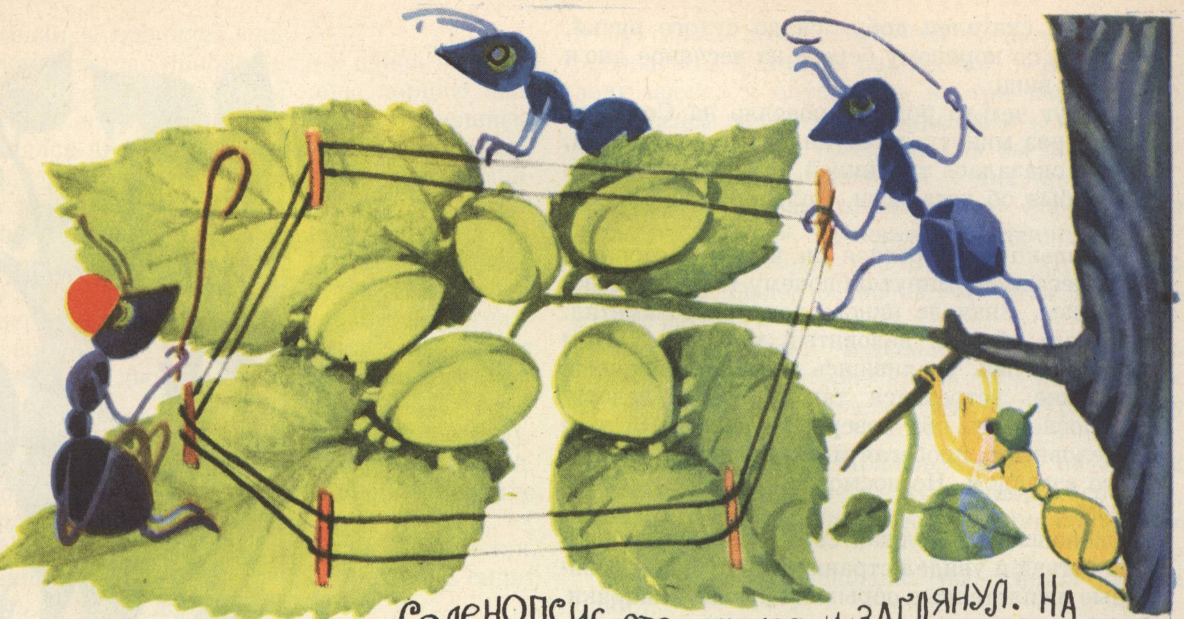
Битва кончилась так же внезапно, как и началась. Похоже, нападающим кто-то подал сигнал, и мгновенно пришельцы бросились к выходам, унося захваченное.

Это походило на торопливое отступление, и защитники не казались смущенными. А что?! Жертв среди них не было, поле боя — за ними... Победители!

Еще несколько секунд, и возле Великой матери остались только солдаты, поредевшая толпа придворных и Соленопсис, потерявший яйцо и теперь растерянно рыскавший в поисках нового. Весь-то он тут, наш Соленопсис! Да другой бы на его месте...

Между тем один из отчаянноголовых, когда раздался сигнал отбоя, никого не успел захватить с собой и только наверху, пристраиваясь в колонну, заметил свою оплошность. Был он здоровяк; такому без ноши возвращаться стыдно.

И он снова ринулся вниз. Запыхавшись, влетел в святилище и сразу же наткнулся на Со-

Соленопсис отважился и заглянул. На ветвях и листьях сидели тли.

ленопсиса. Секунды не потратил на раздумья — схватил воришку поперек туловища и, довольный, помчался назад.

Соленопсис, чувствуя боками острые лезвия жвал, оцепенел. Единственно правильное поведение! Осмелься он как-нибудь побеспокоить своего похитителя, и тот мог сжать жвалы. А это конец: разрезанные пополам муравьи не срастаются.

Пока они мчались бесчисленными ходами, улицами, тоннелями, солдаты несколько раз пробовали отбить Соленопсиса, но отчаянноголовый был быстр и неутомим. Вылетел на свет и пристроился замыкающим к колонне грабителей. Соленопсис в жвалах солдата сиял, словно кусочек солнца.

10

Колонна отчаянноголовых миновала поляну муравейного города и углубилась в лес. Могучие деревья встали на пути. На деревьях сидели тетерева и чистили перья.

Это все еще была страна, подвластная городу Великой матери: и травы, и стволы деревьев, и даже ветви, на которых сидели тетерева. Встречались муравьи из ограбленного муравейника: разведчики, переносчики грузов, охотники. Возмущенные, они приостанавливались, но напасть на грабителей не решались: слишком внушительная колонна!

И вот граница. Сухое русло ручья рассекало лес. Перешли его, а дальше страна отчаянноголовых. Ах, как они заторопились, учуяв родной муравейник! Один из носильщиков на радостях уронил добытую с таким трудом няньку, и та мгновенно скрылась под листом. Соленопсиса, к сожалению, не уронили...

Его отчаянноголовый властелин остановился протереть глаза, когда авангард колонны наткнулся на светляка, мертво лежавшего на дороге.

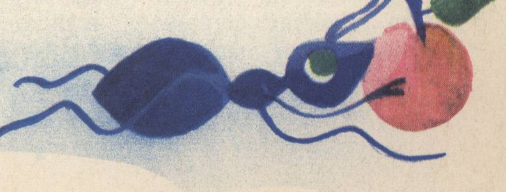
Светляк этот был чрезвычайный бестия. Он приспособился ночевать в муравейниках. Чтобы попасть туда, хитрил: ложился где-нибудь на торной муравьиной дороге и притворялся мертвым. Муравьи на него натыкались, и чтобы зря не пропадал, сами относили к себе. В тепле и под надежной защитой от дождя и града светляк сразу оживал и преспокойно заваливался спать.

Вот лежит себе светляк, скорбно лапки на брюшке сложил, а муравьи тычутся в него, спорят: брать или не брать? Светляк вроде бы хороший... Владелец Соленопсиса не стал сомневаться. Он бросил воришку на землю, схватил за ногу мнимого мертвеца и, отчаянно напрягаясь, поволок его к видневшемуся впереди муравейнику.

Соленопсис, получив свободу, забился в какую-то дырку, затаился, и колонна прошуршала мимо!

Переждав немного, он отправился в обратную сторону и вскоре ощутил, что пешеход из него никудышный. Комья земли были для него неприступными скалами: в моховых островках величиною с ладонь он блуждал, как в джунглях; сухая шишка на пути казалась ему противотанковым ежом. Горе слабому, горе одинокому!

Встречные насекомые удивлялись: откуда такой взялся? И хорошо еще, что никто не нападал. В мире животных не принято нападать на незнакомых: а вдруг ядовитый!

Кое-как скиталец добрался до сухого ручья, спустился по корявому берегу на песчаное дно и поплелся вниз...

И вдруг чем-то родным повеяло на Соленопсиса. Через минуту он ступил на полосу песка, которая оказалась тропинкой, проложенной своими. Забыв об усталости, Соленопсис помчался по ней.

Да только припустился он не в ту сторону! Через несколько минут он почему-то лез по стволу березы. Вначале никого вокруг не заметил. Потом его обогнал деловитый муравей. Потом этот деловитый, удалившись уже на порядочное расстояние, встретился там с другим деловитым, после чего оба повернули назад. На этот раз деловитый, пробегая мимо воришки, удостоил его взглядом. Но посмотрел на него с подозрением...

Соленопсис продолжал свой путь. Он добрался до ветвей и увидел странное сооружение. Связанные и сплетенные обрывки паутины, палочки, щепочки, комочки земли, аккуратно перевязанные нитями... Все это напоминало шатер или маскировочную сеть, скрывающую боевые орудия от противника.

Кого же тут укрывали? Соленопсис отважился и заглянул.

На ветвях и листьях сидели тли. Этих муравьиных коров он встречал и раньше: каждую осень их притаскивали в город и устраивали зимовать в теплых, спокойных местах. Наш воришка полагал, что горожане чудачествуют, ну, а теперь ему стало ясно. Тли старательно высасывали хоботками питательную влагу из листьев; рядом прохаживался хозяин-надсмотрщик. Все понятно: молочная ферма!

Хозяин подобрался к одной из тлей, пощекотал ей брюшко, и она с готовностью выдавила прямо ему в рот струйку влаги.

Скотовод подоил еще одну тлю и как бы прислушался к самому себе... Ну да, в нем было полно молока! Пора было уже переправлять провиант в муравейный город...

И хозяин заторопился вниз.

Воришка тотчас приблизился к одной из тлей, пощекотал ее и получил хорошую порцию влаги (которая его чуть с ног не сбила). Напившись, он принялся чиститься. Он делал это не спеша, полагая, что муравей-надсмотрщик ушел надолго. Но тот не оставлял скотинку без присмотра, не бегал каждый раз к муравейнику, а здесь же поблизости, иногда прямо на березе, передавал продукт подоспевшему носильщику.

Он вернулся очень быстро и сразу же погнался за воришкой. Но его отвлекли: на ферму вторглись еще двое посторонних — по виду отчаянноголовые.

Богатое тлями дерево принадлежало двум муравейникам и было разделено на две части. Близкое соседство владельцев порой приводило к конфликтам.

На этот раз двое соседей заявились просто так, на всякий случай. Решили проверить: не сидит ли здесь их самая дойная тля?

Хозяин, забыв про Соленопсиса, вернулся на ферму. Возмущенный недоверием, он сразу полез в драку. Соседи вызвали подкрепление. Поднялась суета.

И вдруг какой-то увесистый предмет, неизвестно откуда взявшийся, шлепнулся посреди сборища, трепыхнулся и замер, как мертво торчащий сук.

Забыв о ссоре, муравьи двинулись вперед, охватывая сучок в кольцо. Даже Соленопсис слегка приблизился, хотя и не собирался впутываться.

Однако гусеница — а всем уже было ясно, что это была она! — продолжала торчать, не проявляя признаков жизни. Муравьи засомневались: а может, и впрямь сучок? Никому не хотелось тратить муравьиную кислоту на обыкновенную деревяшку.

Между тем враг был опаснее, чем представлялось на первый взгляд. Угроза нависла над лесом: с начала весны его населяли полчища пядениц.

11

Муравьи пока ни о чем не подозревали: пяденицы сначала делали свое черное дело втихомолку.

Но как раз к вечеру того дня, когда Соленопсис был извлечен из родного города, гусеницы показали себя: вдруг поредели кроны деревьев. Изуродованные острыми челюстями зеленых тварей листья и ветви опутались серебристой паутиной. Деревья цепенели, словно безжалостно связанные пленники.

Разжиревшие гусеницы не в силах были удерживаться на деревьях и гулко шлепались вниз на землю. Иные спешили зарыться в хвою, чтобы окуклиться там и к осени превратиться в бабочек, а самые ненасытные пытались вновь карабкаться на кустарники и деревья.

Гусеница на тлиной ферме, по-видимому, только что сорвалась с соседней сосны. Она сначала крепилась, но наконец не выдержала и пустилась в бегство! Она согнулась дугой, оперлась на три пары задних ног, перенесла голову вперед и опустилась на три пары передних. Затем подтянула задние ноги к передним. Так передвигаясь, гусеницы как бы пядями мерят путь. Оттого и название у них такое.

Муравьи не замедлили в нее вцепиться и держали крепко! Извиваясь, пяденица бросилась в одну сторону; потом — в другую. Но уже видно было: ослабела. И тогда ее спихнули с ветки.

Посовещавшись, муравьи тоже ринулись вниз и через некоторое время уже волокли почти безжизненное зеленое тело к муравейнику отчаянноголовых.

Хозяин фермы старался вовсю, не бросал ноши почти до самого муравейника соседей, хотя, разумеется, тянул ее в противоположную сторону.

И остался Соленопсис на тлиной ферме один...

12

Когда отчаянноголовые втаскивали побежденного врага на купол своего города, другие муравьи тоже тащили гусениц к своим муравейникам. Отовсюду спешили разведчики с наиважнейшим сообщением: пяденицы!

Забеспокоились жители муравейных городов, заволновались и снарядили сильные отряды охотников.

В этот день многие бросили свои привычные занятия. Не вернулись на богатую тлями березу отчаянноголовые, не вернулся и хозяин фермы; многие солдаты охраны уходили в лес; грузчики бросали свои щепочки и разные прутики и переключались на переноску гусениц: и даже видели, говорят, няньку, которая, оставив свою нежную профессию, носилась с воинственным видом в поисках гусениц.

Наступила ночь. Муравьи неохотно попрятались, но едва встрепенулись дневные птицы, отряды уже рыскали в окрестностях своих городов. Повсюду они натыкались на распростертых, вялых от ночной прохлады и росяной сырости вредительниц.

Однако часам, наверное, к одиннадцати враги вдруг исчезли! Охотников охватила растерянность. Ни одной пяденицы не могли найти распаленные боевым пылом отряды, сколько ни обшаривали полянки, бугорки, ямины. Не верили муравьи, что пяденицы все кончились!

Тайны тут никакой не было. Просто была первая большая победа: подобраны все свалившиеся с ветвей гусеницы!

Но еще миллионы безжалостных челюстей вгрызались в зелень деревьев. И тогда живые цепочки пустились вверх по одеждам стволов: по золотистым у сосен, по бархатно-черным у лип, по белым у берез. Достигнув кроны, они находили того, кого искали. Гусениц, пытавшихся продолжать зловещую трапезу, срывали с пригретых мест. Тяжелые тела вредительниц падали сквозь кроны.

Оказавшись на земле, пяденица поспешно мерила своим гибким телом расстояние до ближайшего убежища, но скрыться ей не удавалось. Появлялся дежуривший поблизости муравей и начинал мельтешить вокруг. Он будто танцевал. Хотя, конечно, до танцев ли тут было — он звал подмогу, в одиночку с пяденицей не справишься. Прибегали товарищи, смертного врага леса дружными усилиями переправляли в муравейник.

Охотники-верхолазы заглядывали и на березу, где застрял Соленопсис. Они не нашли на ней пядениц (эти твари не рискуют вредить деревьям, где расположены постоянные муравьиные хозяйства), но зато вволю потешились над маленьким, сердитым Соленопсисом.

Эти неразумные, почувствовав слабость нового надсмотрщика, словно сговорившись, все делали вопреки его желаниям. Он, скажем, хочет, чтобы тля сидела неподвижно, а она вразвалочку бредет куда-то; другую он, наоборот, гонит, заставляет двигаться, а она присосалась к листу и ни с места.

Но главное — Соленопсис все время жил впроголодь! Он пытался было подоить тлей, но они лягались, как бешеные кони, изворачивались, ускользали.

...День проходил за днем, и деревья зеленели, облегченно расправляя плечи.

На тлиную ферму возвратился законный хозяин. Для начала он, вместо того чтобы поблагодарить своего добровольного заместителя, погнался за Соленопсисом!

Но тут приключения нашего героя совершенно неожиданно — но зато счастливо! — закончились!

Мимо березы шли четверо ребят. Один из них, паренек в белой панамке, возьми да и ударь рукой по ветке, на которой изнывал Соленопсис. Ветка закачалась, муравей не удержался и свалился на шляпу.

— Кажется, где-то. здесь, — сказал старший, и они повернули в сторону города Великой матери.

Вскоре стало ясно, что они собирались построить вокруг муравейника защитную ограду. В лесу появились кабаны, и ребята опасались, как бы эти в общем хорошие звери не наделали вреда, не разрыли муравейник.

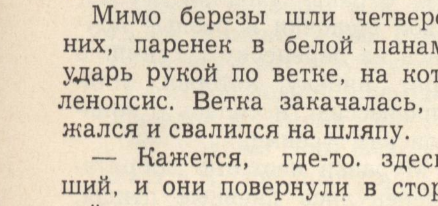
Тот мальчишка, который принес на своей голове Соленопсиса, снял панаму:

— Смотрите! Какой муравьишечка! — И дал Соленопсису щелчка.

А тому только этого и надо было! Он шлепнулся в муравейник и, даже не подождав, пока ребята построят загородку, нырнул вглубь.

Через минуту он уже бежал знакомым переулком и, кажется, клялся, что он больше никогда, никогда, никогда...

Но разве можно верить Соленопсису?!

Мирослав ВАЛЕК

Эхо

Там, где тает снег весной,
Где, серебряный от звона,
Прыгает ручей
Со склона
И поет скворец лесной,
Вы представьте
(Вот потеха!),
Прячется тихонько
Эхо
И рыдает потому,
Что никто
Не видел эха,
Никогда не видел эха,
Не показывалось эхо
В этом мире
Никому.
Эху кажется,
Что эхо
Вызывает много смеха,
Что смеются стар и млад,
Что мальчишка-безобразник
Громким криком
Эхо дразнит,
Что хохочет водопад.
Эхо,
Мы тебя не видим,
Но поверь нам —
Не обидим,
Покажись на белый свет!
Эхо, выгляни нечайно!
Но далеко и печально
Раздается:
— Нет...
— Нет...
— Нет...

Перевел со словацкого
Роман СЕФ.

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Сказание о рубле и копейке

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Урок ведет
доктор экономических наук,
профессор
Александр Михайлович БИРМАН

Вы вышли из дома и забыли взять деньги. Хотя каждая минута вам дорога, вы не можете сесть в трамвай или автобус: отсутствие медяшек определенной формы и размера закрыло для вас их двери. И приобрести вы ничего не можете: окружающий мир вещей вам недоступен. Он вновь станет своим, как только вы вернетесь домой и возьмете кошелек с деньгами.

Другой пример. Где-то далеко в горах добыли руду. Из нее выплавили чугун, сварили сталь. Из стали сделали коньки.

За тысячи километров от металлургического завода пастухи пасли скот. Осенью колхозники отправили в город мясо и шкуры. Из шкур выделали кожу, из нее сшили ботинки. Кто-то приклепал коньки к ботинкам и отправил их в магазин. Все эти люди ничего не знают о вас, как и вы о них. Но вы приходите в магазин, сдаете в кассу один или несколько бумажных и металлических знаков определенной формы, размера, цвета — и ботинки с коньками ваши. Вы пользуетесь трудом многих людей, вам неизвестных, ничем вам не обязанных. Что дало вам право на продукт их труда? Деньги.

Возможно, вы уже знаете, как появились деньги. Племена обменивались тем, что они создавали своим трудом. Соизмеряя и сопоставляя тысячи и тысячи раз свои трудовые действия и их результаты, племя решало, что ему выгодно, а что нет. Если для того, чтобы вырастить вола, мне нужно три года, а в обмен я получу зерно, которого хватит лишь на шесть месяцев, то ясно: я потерял при обмене. Повторяя подобную операцию многократно, племена в конце концов, сами того не сознавая, стихийно дошли до понятия выгоды, равноценности обмена. И тогда появилась мера (эталон) — деньги.

У одних народов ими стали меха, у других — скот, у третьих — рис. В конце концов в силу многих причин деньгами стали драгоценные металлы — серебро и золото. Они не ржавеют, не теряют своей ценности, если их разбить на маленькие кусочки или сплавить воедино.

Позже вместо золота и серебра стали пользоваться бумажными денежными знаками. И вот что удивительно: тетрадь стоит две копейки. Но если на этой же бумаге напечатать ассигнации, то она превратится

в десятки, сотни и даже тысячи рублей. И разве не удивительно, что бумажные знаки почти одинакового размера и формы могут выражать собой и пять рублей, и двадцать пять, и сто?

Зачем деньги сегодня? Фабрики, заводы, земли — все принадлежит народу, обществу. Все наши дела, труд нашего народа заранее, на пять лет вперед, предусмотрены в плане. Еще нет завода, который будет делать телевизоры данной марки, а мы уже знаем, где и когда он вступит в строй, сколько и каких он произведет телевизоров, по какой цене и в каком районе страны они будут проданы. Мы знаем, сколько и где в 1975 году построят школ и больниц, магазинов и театров, совхозов и автомобильных заводов. Какую же роль играют деньги в нашей жизни?

Наше общество еще не в состоянии пока распределять все жизненные блага по потребностям. Их просто не хватает. Допустим, чтобы все приобрели обувь, которая им нужна, мы должны производить миллиард пар обуви в год, а наша промышленность может пока выдать лишь семьсот миллионов пар. Очевидно, самое справедливое распределение — по труду. В зависимости от того, сколько трудился человек, насколько сложно его дело и важны результаты, столько он и получает от общества необходимых ему материальных благ. Тогда, может быть, и распределять товары в натуре: выдавать в обмен за труд хлеб, мясо, мыло, ботинки, тетради?..

Нет, такая форма распределения невозможна. Общество еще не научилось с абсолютной точностью планировать, где, в каких районах страны, какие товары нужнее, а на какие вовсе нет спроса. Нет-нет, и возникает в одном месте недостаток, а в другом избыток тех или иных товаров: швейных машин, мясорубок, лезвий для бритья, авторучек. Приходится пользоваться деньгами. Предприятие оплачивает труд рабочего и служащего определенной суммой денег, выдает ему заработную плату. На полученные деньги человек покупает что хочет, где ему удобно, в любое время. Если товары не куплены, если они лежат на полках магазинов, магазины не станут больше заказывать их фабрикам и заводам, и предприятия должны будут перестроить производство так, как это нужно покупателю.

В нашей промышленности около четырехсот отраслей и подотраслей, во всей нашей стране работает около двух миллионов различных предприятий и хозяйственных организаций, трудятся у нас больше ста пятнадцати миллионов человек. Соизмерить труд всех этих людей, правильно сопоставить то, что они дали обществу и получили от него за свой труд, — задача очень сложная. Решать ее помогают деньги.

Люди работают не в одиночку. Они трудятся коллективами, и коллективы эти называются фабриками, заводами, стройками, шахтами совхозами, депо, магазинами. Значит, соизмерять приходится не только труд каждого отдельного человека с трудом других людей, но и труд разных коллективов.

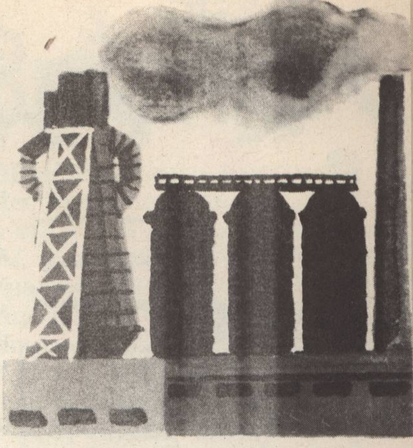

Допустим, машиностроительный завод изготовил за год и передал обществу три тысячи станков. Станки — продукт труда работников этого завода. Кроме того, в них вложили свой труд металлурги, изготовившие прокат, из которого создавались станки; энергетики, снабжающие машиностроительный завод электроэнергией; транспортники, которые доставили заводу материалы и увезли готовую продукцию.

Разные фабрики и заводы пользуются множеством различных материалов, многими тысячами видов машин, приборов, механизмов и инструментов. Один завод умеет экономить рабочее время, бережно обращается с материалами, хорошо использует станки, а другой завод этого не умеет. Как привести все виды затрат к общему знаменателю? Какие единицы измерения и выражения могут быть использованы, чтобы сложить вместе киловатт-часы, тонны и кубометры, человеко-дни, километры расстояний? Есть только одна мера — деньги.

Труд каждого человека, который он вложил в производство станков, выразится заработной платой. Допустим, рабочим и служащим вы-

платят два миллиона. А, скажем, семьсот тысяч рублей образуют прибыль предприятия, то есть продукт труда, который работники предприятия отдали в пользу общества. Эти семьсот тысяч рублей прибыли вместе с прибылью других предприятий государство соберет и на эти деньги будет строить новые предприятия, содержать школы, больницы, театры, клубы, стадионы. Часть этих денег пойдет на содержание вооруженных сил, обеспечивающих независимость нашей Родины и мир во всем мире. Какая-то часть денег будет лежать в резерве государства — на всякий неожиданный случай. Деньги помогают определить, какое предприятие работало лучше, дало больше прибыли.

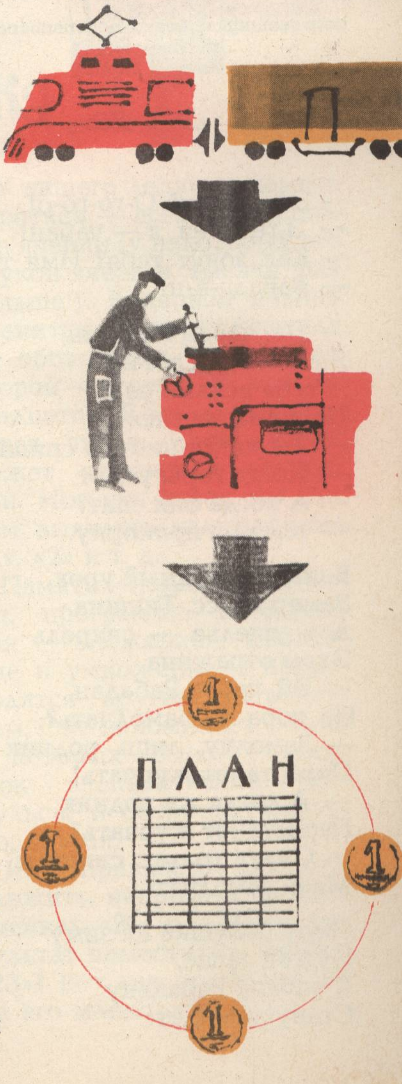

Еще один пример. Задумали построить новый автомобильный завод. Предлагают варианты проектов. Каждый из вариантов имеет достоинства (иначе бы его не предлагали) и некоторые недостатки. На каком остановиться? Десятки, сотни таких задач приходится решать ежедневно: бурное строительство ведется по всей стране. Выбирают тот вариант, который принесет бóльшую пользу, или, как говорят экономисты, эффективность. И эту пользу (эффективность) мы опять-таки можем выразить только в рублях: иначе как нам сопоставить достоинство одного варианта — близость строительной площадки к железной дороге — с достоинствами другого варианта — в районе стройки есть квалифицированные кадры?

Распределять деньги в народном хозяйстве — значит управлять экономикой. В. И. Ленин писал, что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не добьемся успеха в финансовой политике. Основной финансовый план называется бюджетом.

Самый маленький бюджет — бюджет отдельного человека: его доходы, его расходы. Заработок, скажем, сто тридцать рублей в месяц. Столько-то на квартиру, столько-то на проезд, столько-то на питание, столько-то на одежду и обувь. На некоторые дорогие покупки деньги приходится откладывать, понемногу копить.

Второй бюджет покрупнее, бюджет семьи. Он складывается из доходов и расходов всех членов семьи. Деньги тратят не только те, кто зарабатывает, но и вы, школьники. И не только на мороженое и билеты в кино, но и на тетради, учебники, материалы для всяких поделок. Составить бюджет семьи, особенно придерживаться его — нелегкое искусство. Разумно тратить деньги, пожалуй, куда труднее, чем их зарабатывать.

Еще более сложен бюджет села, поселка, города, области, республики. Его составляют доходы и расходы предприятий, учреждений, школ и всех организаций на территории данного сельского Совета, города или республики. Всего бюджетов в нашей стране ни много ни мало пятьдесят тысяч, и все они сводятся в единый Государственный бюджет СССР, который ежегодно в качестве Закона утверждает сессия Верховного Совета. Государственный бюджет нашей страны можно сравнить с галактикой, складывающейся из многих отдельных планетарных систем, и самая маленькая планета в системе — бюджет каждого человека.

Что может сделать каждый из нас для того, чтобы помочь государству побольше накопить денег и лучше использовать их?

На предприятиях рабочие и служащие могут завести **личный счет экономии**. Туда записывать, сколько произвел деталей или изделий, сколько по плану, по норме должен был на них затратить своего и машинного времени, материалов, электроэнергии и сколько затратил в действительности. В конце месяца выяснится экономия, а в отдельных случаях, может быть, и перерасход. Из личной экономии каждого трудящегося человека складываются тысячи и сотни тысяч рублей

прибыли предприятий, а из них сотни миллиардов рублей доходов нашего государства. Чтобы осуществить грандиозную программу, намеченную планом девятой пятилетки, надо затратить 1 500 000 000 000 рублей! В каждом из этих рублей девяносто две копейки — прибыль предприятия. И каждая копейка в этой прибыли, каждый рубль складываются из той экономии, которую приносит рабочий, инженер, техник, служащий своим повседневным трудом.

Бережно обращаясь со школьным имуществом, собирая металлолом, макулатуру и другое ценное сырье, школьники могут сберечь народному хозяйству или вновь включить в хозяйственный оборот огромные материальные ценности. Пусть вас не смущает, что каждый школьник и каждый класс сделают, может быть, немногое: и огромный океан в конце концов состоит из отдельных капель.

Для того и открыли мы ШКОЛУ УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ, чтобы научиться хозяйствовать разумно и бережливо. Тогда вы сможете помочь своему государству и сейчас и когда станете взрослыми.

●

Теперь задание для вас. Попробуйте рассчитать, сколько нужно денег, чтобы всем классом поехать в каникулы в Ленинград, Киев, Ташкент, Баку или любой другой город, влекущий вас к себе. Подсчитайте тщательно все статьи расходов и подумайте, как может накопить ваш класс необходимые ему деньги. Сколько для этого нужно поработать, как выкроить время не в ущерб занятиям? Вот такой план, такой бюджет и будет вашим первым финансовым документом. Такие документы так же важны и необходимы, как чертежи инженерам, рентгеновские снимки врачам или фотографии звездного неба астрономам и космонавтам.

Нуратдин ЮСУПОВ

Чабан Рабадан

— Эй, чабан! О-го-го-о!
— Э-ге-ге-ей, я — чабан!
— Как зовут тебя? Имя твое?
— Рабада-а-н!

— Эй, чабан Рабадан,
Я до солнца встаю,
А тебя всякий раз
На ногах застаю.
— Ты когда-нибудь спишь?
— Когда горы уснут.
— А когда они спят?
— Когда я прикорну.

В школе трудный урок,
Замер класс. Тишина.
А в ущелье — свирель
Эхом отражена.
— Эй, чабан Рабадан,
Не пора ль замолчать?
— Замолчу, лишь родник
Перестанет журчать!
— А когда же родник
Перестанет журчать?
— Стоит только свирели
Моей замолчать!

Сыру бабушке на́ зиму
Нужен запас,
К чабану Рабадану
Старушка идет:
— Эй, чабан,
Ты еще не уходишь
От нас?
Не проспать бы,
Когда перегонишь ты скот!
— Вот когда на лугах
Пересохнет трава
И придется искать
Для отары еду.
— А когда
Пересохнет она?
— Да тогда,
Когда вместе с отарой
Отсюда уйду!

Рабадана
Колхозный спросил
Счетовод:
— Эй, чабан Рабадан,
Овцам знаешь ты счет?
На отару не глядя,
Ответил чабан.
— Знаю точно,—
Ответил чабан Рабадан,—
Коз, овец и барашков
В отаре моей
Ровно столько голов,
Сколько прожил я дней.
— Ну, а сколько,
скажи тогда,
Прожил ты дней?
— Столько,
Сколько голов
В отаре моей!

Хочешь знать,
Где кочует
Чабан Рабадан?
Хочешь видеть его?
Приезжай в Дагестан!
Чабана Рабадана
Нетрудно найти,
Ты у горца любого
Спроси по пути:
— Где сейчас проживает
Чабан Рабадан?
— Где трава попышнее
ищите,
Он там.
— Где ж трава попышнее?
— Иди по следам,
Там пышнее трава,
Где чабан Рабадан!

— Эй, чабан, о-го-го-о!
— Э-ге-ге-ей, я — чабан!
— Как зовут тебя? Имя твое?
— Рабада-а-н!

Перевел с лакского
Я. АКИМ.

ЭВМ и неизвестные

ЗЕТ. Кто не знает сегодня, что такое ЭВМ? Это самые быстрые и самые умные машины! Они складывают, вычитают, делят, умножают, возводят в степень не в сто, не в тысячу, а в миллион раз быстрее человека. ЭВМ нужны и ученым, и рабочим, и инженерам — без них уже нельзя представить нашей жизни.

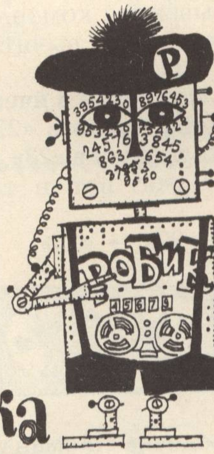
А задумывался ли ты, что ЭВМ — это еще и твоя будущая работа? Не кому-нибудь, а тебе, нынешнему школьнику, предстоит работать на этих машинах, составлять для них умные программы.

Сегодня мы с тобой попробуем сделать это вместе — **составим твою первую программу для ЭВМ.** Совсем простую, конечно, но и над ней придется потрудиться. Математики говорят: составить хорошую программу (а это часто значит — короткую) — большое искусство.

ИКС. А всем ли ребятам это нужно? Не каждый ведь станет математиком или инженером...

ЗЕТ. Представьте себе, дорогой Икс, что через десять — двадцать лет каждый грамотный человек будет так же легко обращаться с ЭВМ, как сегодня с телефоном-автоматом. Но это, конечно, будет еще не скоро, а сегодня мы сделаем самые первые шаги в программировании.

Слово нашему юному другу Робику. Он сам из семейства ЭВМ, приходится им каким-то дальним родственником и все-все про них знает...

Тринадцатилетний дедушка

Робик. Лучше всего знакомство начинать с моего дедушки. Его зовут БЭМЦ-1. Мы все его очень уважаем—ему тринадцать лет, он у нас старенький. Для своего возраста дедушка неплохо складывает, вычитает, умножает: тысячу операций в секунду!

Характер у него, правда, нелегкий. Малейшая ошибка в программе — и он обижается, прекращает работу и ни за что не начнет снова, пока все сто раз не проверят. Человеческого языка дедушка — в отличие от нас, его внуков,— не понимает. Все, что хотели ему объяснить, переводили на особый машинный язык и потом вручали ему задание. Через несколько секунд у дедушки был готов ответ.

Разговариваем с дедушкой БЭМЦ-1

Сейчас я попробую научить вас разговаривать с уважаемым дедушкой на его машинном языке. Это значит составить для него программу. Она состоит из отдельных приказаний, или команд, которые машина выполняет по порядку, одну за другой.

Но сначала немножко о том, какая у дедушки память. Как и у всех ЭВМ, это устройство, состоящее из ячеек. В машинной памяти БЭМЦ-1 будет храниться наша программа и результаты его вычислений. В каждой ячейке — одна команда или одно число.

У нашего дедушки память короткая — всего тридцать две ячейки (у некоторых его внуков ячеек в тысячи раз больше!). В первой ячейке хранится первая команда (ее обозначают так: 1)), во второй — вторая и так до двадцатой. В остальных хранятся числа. Часть ячеек может оставаться свободной. Номера ячеек мы будем выделять кавычками— «1», «2» и т. д.

Память «помнит» команды, программу, а действия — сложение, вычитание и умножение — производятся другим устройством. Оно напоминает счеты, у которых вместо костяшек электрические импульсы и скорость, конечно, другая.

Как приказать дедушке **сложить, например, числа в ячейках «21» и «22» и результат поместить в ячейку «23»**? Вот как это выглядит на его машинном языке:

«21» + «22» → «23».

При этом число, которое было раньше в ячейке «23», автоматически сотрется — исчезнет.

Контрольные вопросы

1. Что произойдет по команде «32» + «32»→«32»?

2. Как записать приказ сложить числа в «25» и «27» и результат отправить в «25»?

Так же, как и при сложении, записываются команды на умножение и вычитание:

Приказ: **«Из числа в ячейке «25» вычти число в «22» и результат запиши в «23»** — машина получит вот в таком виде:

«25» — «22» → «23».

Контрольные вопросы

3. Переведите команду «23» × «24» → «21».

4. Возведите в квадрат (умножьте само на себя) число «30».

Еще немного, и мы составим настоящую программу. Для этого надо обязательно знать такую команду: **«Запиши число 17 в ячейку «27».** На машинном языке это записывается так:

Ввод 17 → «27».

По команде «Вывод «32» число, записанное в ячейке 32, выдается уже как окончательный результат.

Итак, первая программа!

Нужно на машинном языке записать вот такое задание:

35 × 71 + 44 × 83.

Начинаем с записи данных в условии чисел в ячейки с «21» по «24» (помните, ячейки с «1» по «20» у нас отведены под команды):

1) Ввод 35 → «21».
2) Ввод 71 → «22».
3) Ввод 44 → «23».
4) Ввод 83 → «24».

Числа из условий внесены в память. Теперь выполняем над ними необходимые действия:

5) «21» × «22» → «21».
6) «23» × «24» → «23».
7) «21» + «23» → «21».
8) Вывод «21».

Заметьте: в составлении программы много свободы. Можно вводить числа не в ячейки «21» — «24», а, например, в «27», «29», «30», «32». Произведение первых двух чисел не обязательно записывать в «21», можно, скажем, в «25». Надо только следить за тем, чтобы не отправить два числа в одну ячейку — тогда в ней останется только то, что придет позже.

Контрольные вопросы

5. Найдите (1358 + 34583) × × (54489 — 35143).

Икс. Не понимаю, какая все-таки польза от этих ЭВМ? Как мы сейчас долго составляли программу, а ведь такую задачу решит любой второклассник за две минуты! А если тысячу чисел надо сложить? Тогда, видно, придется составить программу из тысячи команд? Полжизни и просидеть, составляя программу?!

Робик. А вот сейчас все и увидите.

Еще одна премудрость

Самую важную команду вы еще не знаете. Это «передача управления».

Команда «23» > 0→5) означает: **«Если число в ячейке «23» больше нуля, то, нарушив обычный порядок, нужно перейти к выполнению команды 5); если же это число равно нулю (или меньше нуля), как обычно, перейти к следующей команде».**

Для примера выберем наибольшее из чисел в «21» и «22» и запишем его в «23» (в ячейке «30» находится ноль):

1) «21» — «22» → «24».
2) «24» > 0 → 4).
3) «22» + «30» → «23».
4) «21» + «30» → «23».

Вот и вся премудрость.

А теперь попросим уважаемого дедушку подсчитать, чему равна сумма.

1 × 2 + 2 × 3 + 3 × × 4 + ... + 1000 × 1001 + + ... + 1971 × 1972 + + 1972 × 1973.

Запись длинная, даже с пропусками. Чтобы подсчитать сумму без ЭВМ, пришлось бы сделать 1972 умножения и 1971 сложение!

А вот программа для БЭМЦ-1. Пожалуй, она будет покороче, чем если бы мы считали в столбик, верно?

1) Ввод 0 → «30».
2) Ввод 1 → «31».
3) Ввод 1972 → «32».

Переходим к действиям.

4) «32» + «31» → «29».
5) «29» × «32» → «28».
6) «28» + «30» → «30».
7) «32» — «31» → «32».
8) «32» > 0 → 4).
9) Вывод «30».

Как видите, начинаем мы с конца. Вычисляем 1 972× ×1 973 и записываем в «30». От 1 972 отнимем 1. Проверим, надо ли продолжать вычисления, и опять начнем выполнять те же команды: найдем 1 971×1 972, прибавим к «30», отнимем 1...

Но эта программа не единственная для данных условий. Подумай и ты, кто знает, может быть, придумаешь другую.

Контрольные вопросы

6. Составьте программу для вычисления суммы

1×1+2×2+3×3+...+ +1971×1971+1972×1972.

7. Прикажите найти 51× ×53×55×...×67×69.

Все ли ты знаешь об ЭВМ?

ЗЕТ. Если ты ответил на все контрольные вопросы, можно тебя поздравить. Ты уже составил свою первую программу для ЭВМ! Но не очень радуйся: главные секреты семейства ЭВМ тебе еще не открылись. Ты узнал пока, **что может** ЭВМ, но еще не знаешь, **как** она справляется с нашим заданием.

Как она считает?

Как умножает?

Как мы? Конечно, нет. Она делает это по-своему, по-машинному. Об этом — в следующий раз.

Запрограммируйте вычисление $1^1 + 2^2 + 3^3 + 4^4 + ... + 9^9$ (запись 9^9 означает произведение 9 множителей, каждый из которых равен 9).

Фамилия того, кто составит самую короткую программу, будет выгравирована на задней стенке БЭМЦа.

ИКС. А как расшифровывается БЭМЦ?

РОБИК. За давностью позабыто. Одни говорят, что это «Большая электронная машина (цифровая)», другие — «Большой электронный манипулятор с цифрами». А может быть, тут скрыта какая-то тайна?..

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

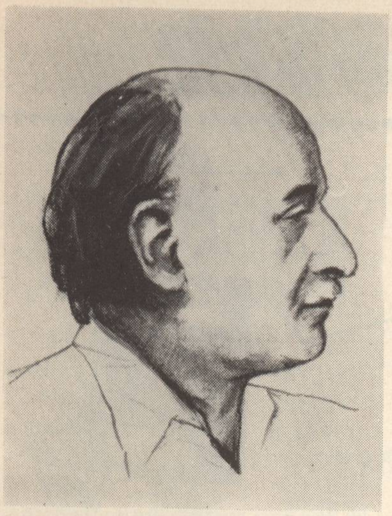
(ответы на контрольные вопросы)

1. Число в «32» удвоится.
2. «25» + «27» → «25».
3. Перемножь числа из «23» и «24» и результат запиши в «21».
4. «30» × «30» → «30».
5. 1) Ввод 1358 → «21».
   2) Ввод 34583 → «22».
   3) Ввод 54489 → «23».
   4) Ввод 35143 → «24».
   5) «21» + «22» → «21».
   6) «23» — «24» → «23».
   7) «21» × «23» → «23».
   8) Вывод «23».
6. 1) Ввод 1 → «21».
   2) Ввод 1972 → «22».
   3) Ввод 0 → «23».
   4) «22» × «22» → «24».
   5) «24» + «23» → «23».
   6) «22» — «21» → «22».
   7) «22» > 0 → 4).
   8) Вывод «23».
7. 1) Ввод 1 → «21».
   2) Ввод 49 → «22».
   3) Ввод 10 → «23».
   4) Ввод 2 → «24».
   5) «21» × «21» → «31»
   6) «22» + «24» → «22».
   7) «22» × «31» → «31».
   8) «23» — «21» → «23».
   9) «23» > 0 → 6).
   10) Вывод «31».

Неизвестные — москвичам

Вечерняя математическая школа для 6—9-х классов при Московском математическом обществе начинает учебный год. Когда? Позвоните по телефону 137-17-69 или 139-35-29 и узнаете.

Рисунки Б. Кыштымова.

А. НЕКРАСОВ

Про Бориса Степановича Житкова

Жил на свете мудрый, справедливый человек, отличный писатель Борис Степанович Житков...

Я знал Бориса Степановича недолго, но близко. В последние годы его короткой жизни мы познакомились, сошлись на совместной работе и подружились. Разница в летах не мешала нашей дружбе. Я часто бывал у Житкова, случалось, и он заходил ко мне, но чаще всего мы встречались в редакции журнала «Пионер», где Житков был частым и всегда желанным гостем, активным сотрудником, а одно время и строгим, мудрым командиром.

В те годы я только начинал писать для детей, а у Житкова был позади уже десятилетний писательский путь и множество книг, которые принесли ему заслуженную славу и уважение читателей.

Он писал рассказы о смелых, мужественных людях, книги о том, где трактор берет свою силу, о том, как телеграмма бежит по проводам, как печатают книги... Много писал он о животных, а еще больше о море, которое знал и любил с детства.

Рассказы Житкова «Про слона», «Про волка», «Про обезьянку», «Мангуста», его «Морские истории», «Черные паруса» и другие его книги до сих пор с интересом читают ребята. А «Рассказы о технике» Бориса Житкова и сегодня помогают ребятам открыть первые двери в сложный мир технического творчества.

Писать он начал поздно, когда более сорока лет жизни было у него за плечами. Но зато первые же его книги сразу обратили на себя внимание читателей. Это случилось потому, наверное, что каждое слово в этих книгах было точным, веским и за каждым словом стояло подлинное знание материала, знание жизни.

Прежде чем стать писателем, Житков был и корабельным инженером, и учителем, и дрессировщиком, и матросом. Он знал, как делаются вещи, но лучше всего он понимал душу и интересы маленького читателя. Что бы ни писал Житков, он сразу умел увлечь читателя, завладевал его вниманием и о самых сложных вещах умел говорить просто, понятно и убедительно.

И вот случилось так, что Бениамин Абрамович Ивантер, который был в то время редактором «Пионера», решил пригласить Житкова поработать в редакции, поучить нас всех — и сотрудников и авторов — делать интересный журнал для ребят. Вот тогда-то мы и познакомились с Борисом Степановичем. Это было в 1934 году...

Редакция «Пионера» помещалась тогда в трехэтажном домике, там, где сейчас высится гостиница «Москва». «Пионер» занимал две комнаты на первом этаже. Огромные окна-витрины смотрели на улицу Горького. В одной из этих витрин прямо с тротуара я впервые и увидел Бориса Степановича Житкова.

Невысокий ростом, быстрый в движениях, с длинными, чуть не по плечи волосами, в свободной серой блузе он шагал из угла в угол и что-то резко говорил редактору, стоявшему у двери. Остальные молча слушали этот разговор. Примостился и я в уголочке.

— Вот вы вспомните, наверное, и у вас так бывало, — говорил Житков. — Спросишь о чем-нибудь у взрослого, а он в ответ: «Не твоего ума дело...» Или: «Много будешь знать, скоро состаришься...» Скажет вот так и не думает, что таким ответом на всю жизнь можно искалечить человека. Убьешь любопытство в человеке, а тогда как ему жить? Без любопытства хуже, чем без рук, хуже, чем без глаз... А я бы так сказал: «Твоему уму до всего дело». И еще: «Мало будешь знать — сразу состаришься».

Он долго еще в тот день говорил о том, как много нужно узнавать растущему человеку о мире, в который он вступает.

Помнится, зашел как-то разговор о том, почему мальчишки так охотно читают выпуски «Нат Пинкертон» — были такие книжонки. В них на каждой странице — перестрелки, погони, убийства...

— Ну что же вас тут удивляет?! — сказал Житков. — Ведь в каждом читателе, а особенно в маленьком, сидит зевака. Я вот стреляю неплохо. Так, представьте: повешу я здесь мишень и начну пулю за пулей вкладывать в десятку. Расстояние небольшое, промахнуться трудно. Вы две минуты посмотрите и разойдетесь. А теперь представьте, что я у стены поса-

жу Ивантера, на голову ему положу яблоко апорт и начну, как Вильгельм Телль, в это яблоко стрелять. Так тут все издательство сбежится, билеты можно будет продавать. И платить не за то будут, что я хорошо стреляю, а за то, что, может быть, все-таки промахнусь и в лоб попаду. И не потому, что кто-то смерти редактора хочет. Боже упаси! Платить будут за право присутствовать на месте происшествия. Вот если я свой роман так начну: «В кресле сидел человек, а рядом на курительном столике лежала его шляпа...» — я не знаю, станете вы дальше читать или не станете? А если я начну так: «В кресле сидел человек, а рядом на курительном столике лежала его отрезанная голова...» — тут уж, как хотите, а читать будете. Нездоровый интерес, а появился. Вот и пользуются некоторые авторы такими приемами, чтобы завлечь, чтобы удержать читателя. Но только это уже не литература, не искусство, а спекуляция.

Или вот еще случай. Как-то пришел к нам, прямо с улицы, толстый нарядный иностранец. Он окинул нас глазами и обратился к Житкову на немецком языке:

— Скажите, здесь кто-нибудь говорит по-немецки?

— Нет, — ответил Житков на немецком, — по-немецки тут, к сожалению, никто не говорит.

— Тогда, может быть, на французском? — не сдавался иностранец.

— Нет, — на французском языке ответил Житков, — и по-французски тут никто не разговаривает.

Тогда иностранец по-английски повторил свой вопрос, и Житков на хорошем английском языке ответил то же самое.

— Что же мне делать? — вздохнул иностранец.

— А что случилось? — спросил Житков.

Тот, оказывается, потерял свою гостиницу. Житков сперва по-немецки, потом по-французски, потом по-английски объяснил, как пройти. Иностранец обрадовался, рассмеялся и с шутливым укором сказал:

— Что же вы меня обманули?

— Я вас не обманул, — серьезно ответил Житков. — Вы спрашивали, кто здесь говорит по-немецки, по-французски и по-английски. Вот когда мы бываем в Берлине, там мы по-немецки говорим, когда приезжаем в Париж — там по-французски, а в Лондоне — по-английски. А здесь Москва, здесь мы говорим по-русски, и я вам советую изучать наш язык.

— Изучу обязательно, — пообещал иностранец, попрощался и вышел.

Мы засмеялись вслед.

— А вы чего смеетесь? — сказал почти сердито Житков. — Ему-то лучше, чем вам. Ему только русский учить, а вам сколько?

Вот таким и запомнился мне Житков — писатель, который много знал, всегда учился и не терпел ленивых людей, лишенных любознательности. Словом «почему» можно было сразу завоевать расположение Житкова.

ПАРОЛЬ—НАДЕЖДА

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Под суд

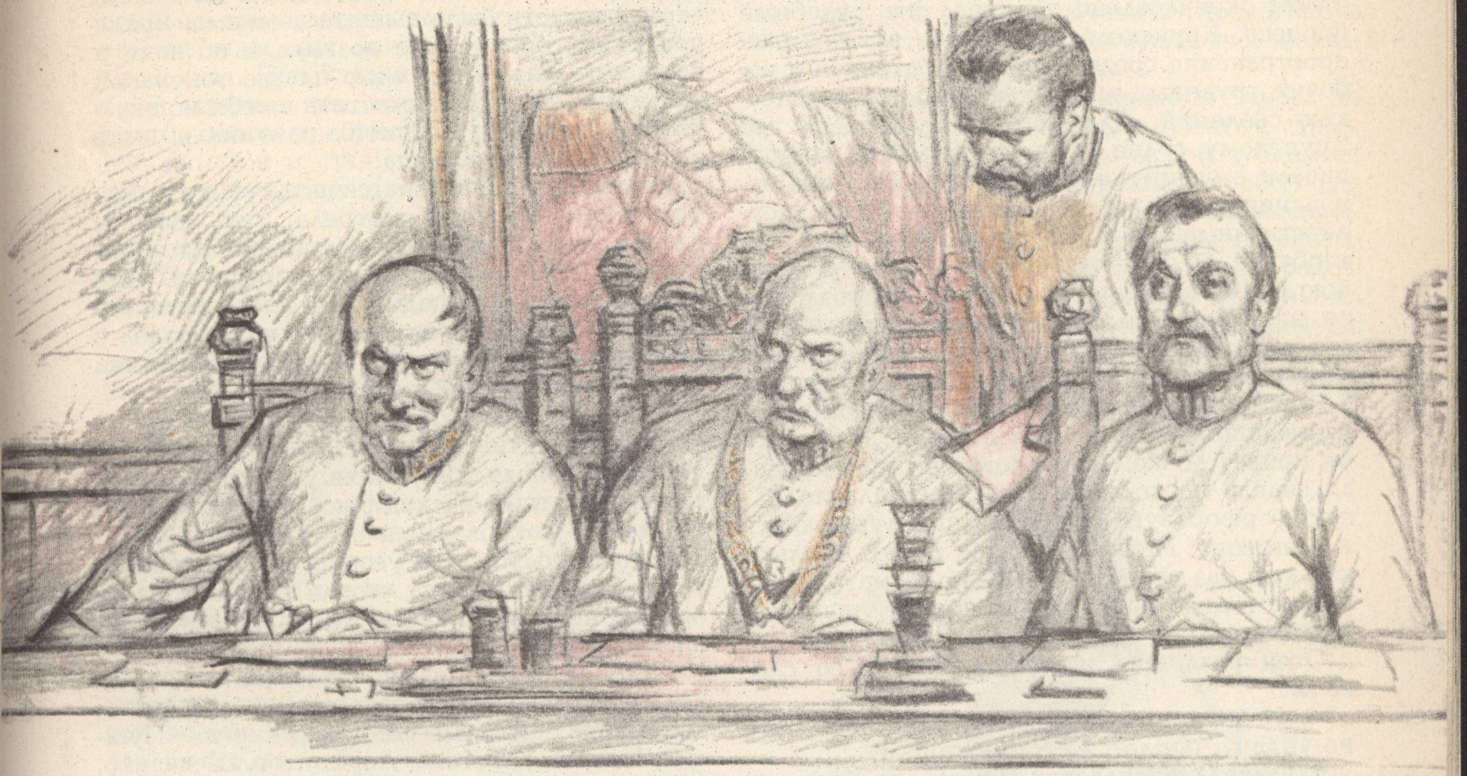
Генерал-фельдмаршал граф фон Берг собирался справлять юбилей своего пребывания в Польше. Десять лет назад он был послан сюда командующим русскими войсками для подавления польского восстания. Тогда в полной силе проявились палаческие методы надменного графа. А потом он стал наместником, вернее, диктатором, Царства Польского. В его руках была военная и гражданская власть. Берг бдительно следил за тем, чтобы в самом зародыше искоренять всякое вольнодумство и симпатии к полякам в русском войске.

Казалось, в день своего юбилея он с достоинством может доложить государю-императору, что «во вверенном мне Царстве Польском и русской армии крамола уничтожена». Но вот перед ним пачка анонимных писем. Пожелавшие остаться неизвестными жители города Гройца верноподданнически

доносили, что уездный начальник капитан Крупский редко посещает православную церковь и вовсе не ходит на исповедь. Капитан Крупский говорит с поляками по-польски, читает книги Мицкевича, устраивает вечерин-

уездного начальника... Провести строжайшее расследование... Под суд! Под суд!!!

Адъютант ловил листки, подбирал их на полу и спешил записать в блокнот распоряжения наместника...

Это был блистательный поединок отважного офицера, отбивавшегося от клеветников, прокурора и судей.

ки, на которые приглашает поляков... Малолетнюю дочку учит польскому языку... Крупский и его жена танцуют с поляками мазурку и полонез... Жена Крупского играет на фортепиано сочинения польского композитора Шопена...

Берг сердито перебирал анонимки. Дальше шло черт знает что! Оказывается, этот капитан, чтобы расположить к себе поляков, построил в Гройце, где нет приличной гауптвахты, больницу... Запретил сносить польское кладбище и чуть не застрелил унтера, который заступился за православную веру...

Фельдмаршал был взбешен.

Последняя анонимка, которую адъютант не случайно положил «на закуску», сообщала, что Крупский во время польского восстания 1863 года помогал мятежникам, выпускал на волю пленных поляков, снабжал их оружием и однажды увел в сторону свою роту, чтобы избежать встречи с косинёрами.

«Вел себя как трус и изменник!» — заключала анонимка.

Это было последней каплей! Берг швырял адъютанту анонимку за анонимкой, приговаривая:

— Отдать капитана под суд... Лишить воинского звания... Отстранить от должности

Крупскому не пришлось докладывать о состоянии дел в уезде. Он был вызван для того, чтобы снять с себя погоны капитана русской армии и предстать перед судом.

Двадцать два пункта обвинения было предъявлено Константину Игнатьевичу в варшавской судебной палате. Крупский понимал, что судят его по доносу, и в ходе следствия он видел, что доносчик не один: купец первой гильдии Будылин, который вел нечистые дела с интендантством русской армии в Польше; поставщик наместника огородник Иннокентий Трофимович; дамский угодник и интриган поп Серафим; помещик Сухоруков; жалкий пьянчуга почтовый чиновник, который так и не наловчился вскрывать чужие письма без того, чтобы их не измазать и не измять.

Крупскому грозило многолетнее тюремное заключение. Но судьи встретили в обвиняемом умного и юридически образованного человека. Константин Игнатьевич защищал себя сам. Недаром он одним из первых в России окончил Военно-юридическую академию, отлично знал все лабиринты судебных уложений и кодексов. Он опровергал одно обвинение за другим, уличал судей в незнании уголовно-процессуальных норм.

Это был блистательный поединок отважного офицера, отбивавшегося от клеветников, прокурора, судей. Из двадцати двух пунктов обвинения Крупский сумел опровергнуть двадцать один. Оставался двадцать второй пункт, за него всеми силами уцепились судьи, чтобы окончательно не провалить судебный процесс. Крупскому вменялось в вину распространение среди кустарей, батраков и рабочих трудовых книжек и сбор статистических сведений. Для чего понадобилось это Крупскому, судьи разгадать не могли, но приписали ему превышение власти. На этом основании ему было запрещено занимать государственные должности и проживать в Петербурге. В отместку за поражение в этом бою судьи все судебные издержки возложили на Крупского. Чиновники понимали, что это непосильное бремя для человека, не имеющего ни поместий, ни угодий, ни капитала.

Константин Игнатьевич вернулся домой почерневший, с запавшими щеками. И все же он привез дочке маленького негритенка. Надя сидела на коленях отца, пеленала холодную фарфоровую куколку и прислушивалась к разговору. Ничего не могла понять. Только каждый раз вскидывала глаза на мать, которая то и дело восклицала: «Какой ужас! Какая низость!»

Отец разложил на столе бумагу со словами:

— Издержки судебные на наш счет, если не уплачу, придется сесть в тюрьму.

Елизавета Васильевна охнула от боли, от страха. Заплакала. Надя посмотрела на бумагу — что это так испугало ее маму? На бумаге был изображен орел с двумя злющими головами, с когтями на лапах. Надя стукнула кулаком по орлу.

— Плохой, нехороший! Зачем пугаешь ты маму? Мамочка, не плачь!—Она перебралась от отца на колени к матери.

— Все, все, я не буду больше... Костенька, не беспокойся, мы найдем деньги. Тебе не придется сидеть в тюрьме...

Елизавета Васильевна решительно вытерла слезы.

Аукцион

И вот в квартире Крупских происходит распродажа имущества. С утра до вечера толпится народ: осматривают мебель, щупают, встряхивают платья, а вечером в квартире по столу стучит деревянный молоток.

— Часы-башенка Павел Буре с боем — восемь рублей,— объявляет чиновник.— Кто больше?

Огородник оценивающе пригляделся к часам.

— Мы даем восемь с полтиной.

Чиновник стучит молотком.

— Раз... Восемь с полтиной... Кто больше? Два... Восемь с полтиной... Кто больше?.. Три... Забирайте.

Огородник протягивает ассигнации.

Будылина приглядела себе шаль. Она видела ее на плечах капитанши. Шаль из тонкой черной шерсти была вышита шелками. Яркие цветы и птицы словно возникали из ночи и были как живые. Ни одно платье тоненькой капитанши не могло вместить в себя мощную фигуру мадам Будылиной... зато шаль, шаль на любые плечи хороша!

Елизавета Васильевна сидела тут же и безучастными глазами смотрела, как одну за другой выносили их домашние вещи. Константин Игнатьевич не мог перенести этой унизительной процедуры, и ему хотелось уберечь от этого зрелища дочку. Он сидел с Надюшей в детской, где оставались Надина кроватка, три стула и стол.

❊

Аукцион подходил к концу. Остались книги. Любопытные расходились. Вместе с ними по городу расползалась весть о распродаже с молотка имущества уездного начальника и о том, что капитанша стояла гордая и даже бровью не повела, когда Будылина накинула на плечи ее шаль.

Книги в коричневых, зеленых и темно-красных переплетах стопками лежали на подоконниках. То были любимые книги — Пушкин, Некрасов, Гоголь, Лермонтов, Шевченко, Мицкевич,— прочитанные не один раз в юности в одиночку и затем вдвоем — по-новому, зрелым взглядом.

— По шесть гривен за штуку, все гуртом, чохом! — прочитал чиновник последнюю строку в описи имущества и поверх очков глянул на покупателей.

В комнате оставались доктор, архитектор Радван и еще несколько поляков.

— Мы, то есть я, забираю все книги,— сказал архитектор.

Чиновник для порядка стукнул молотком и, устало опустившись на стул, отодвинул от себя молоток и сказал:

— Забирайте!

Елизавета Васильевна поспешила к мужу.

— Вот и все! — сказала она, выкладывая пачки денег.— Видишь, какие мы с тобой богатые.— И такая горечь прозвучала в ее голосе, что даже Надюша поняла: нет, не богатые.

Вечером пришли Радван и доктор с женами.

— Вы за книгами? — спросил Крупский.

— О нет, мы не возьмем их! — сказал Радван.— Это друзья ваши. Вы не должны с ними расставаться!

У Константина Игнатьевича встал ком в горле...

Елизавета Васильевна накрыла на маленьком столе чай и достала печенье, которое Ядвига всегда пекла «впрок». Сидели на

оставшихся стульях, на перевернутом набок книжном шкафу, который никому не понадобился. Пани Радван принесла домашний яблочный пирог...

Разговор завязался сразу дружеский, молодой, горячий. Елизавета Васильевна прикрепила на окна газеты, чтобы отгородиться от любопытных глаз, зажгла лампу и пригласила за стол. Пан Радван заиграл на воображаемой скрипке, чем очень развеселил Надю, а доктор вынул гребенку, обернул ее папиросной бумагой и стал подыгрывать. Елизавета Васильевна затянула «Прощание», женщины подпевали.

Поздно вечером пошли прогуляться по улицам Гройца. Город уже погрузился в сон. Где-то слышалась колотушка ночного сторожа.

Вся компания, не сговариваясь, повернула по направлению к больнице. Эта больница была гордостью и Крупского и пана Радвана. Она их словно бы породнила. Несколько окон было освещено. Константин Игнатьевич ревниво следил, чтобы в больнице был налажен образцовый порядок, а клятва Гиппократа соблюдалась всеми, кто здесь служил. И в самом деле, врачи Гройцкой больницы ездили по гминам и на сходках крестьян рассказывали, как уберечься от болезней, главным образом от холеры. Ведь прежде медицинским образованием крестьян занимались ксендзы, которые все болезни лечили «святой водой». Крупский приобрел много врагов, но больше у него было друзей.

Радван чувствовал себя истинным зодчим. «Это мое наиболее совершенное творение,— с чувством говорил он.— Ничего лучшего в своей жизни я уже создать не сумею, особенно когда вас, пан Константин, не будет с нами».

❊

На следующий день семья Крупских отправилась в Варшаву, чтобы там добиваться пересмотра судебного дела, получить право на жизнь в Петербурге и право на работу. Поселились в Старом городе в комнатушке на мансарде, а вернее, на чердаке. В этом районе чердаки и подвалы занимала польская, еврейская и татарская беднота.

После оплаты судебных издержек осталось совсем немного денег, и, как Елизавета Васильевна ни экономила, деньги таяли с ужасающей быстротой. А дело ходило по инстанциям, подолгу лежало «под сукном» то в одной, то в другой канцелярии, возвращалось в судебную палату и снова начинало круговорот.

Днем Елизавета Васильевна ходила гулять с Надей. Часто оставляла ее во дворе с ребятишками.

По воскресеньям, приодевшись и нарядив дочку в платьице, из которого та порядком уже выросла, Крупские шли посидеть в Саксонский сад. Здесь хорошо дышалось после узких, как колодцы, улиц Старого города, где на всем лежала печать нищеты. В Старом городе находился самый старый дом Варшавы, «Дом под святым Марком». Константин Игнатьевич рассказал Наде, что, по преданию, на месте этого дома когда-то стояла землянка, в которой жили основатели города Вар и Сава, в честь которых получила свое название польская столица.

Множество костелов украшают город, но их мрачные силуэты наводят трепет и страх. Однажды, гуляя, Крупские зашли в одну из самых старых церквей Варшавы — собор святого Яна. В сумрачной и холодной тишине надгробные памятники и скульптуры рассказывали об истории польских королевских родов.

Подошли к распятию. Христос на нем был не обычный смиренный и многострадальный, а страшный в своих муках, протестующий против истязаний.

Елизавета Васильевна безучастными глазами смотрела, как выносили ее домашние вещи.

Константин Игнатьевич долго разглядывал скульптуру.

— Ты посмотри, что сотворили руки художника. Ведь это сама Польша. Она восстает против страданий, протестует, борется.

Елизавета Васильевна вздохнула.

— Вот и мы: восстаем, боремся, однако...— Она не договорила.

Константин Игнатьевич взял жену под руку, прижал к себе. В самом деле, какую судьбу он уготовил двум самым дорогим для него существам? Деньги кончаются, а судебное дело все тянется. Продавать нечего. Работы нет, и получить ее здесь немыслимо. Родственникам они пишут, чтобы те не беспокоились, мол, есть сбережения. Крупские знают, что и Александр, брат Константина Игнатьевича, и сестры Елизаветы Васильевны сами еле сводят концы с концами...

❄

Наконец наступил день, когда в коробочке на столе осталось три монетки.

Именно в этот день Елизавета Васильевна похолодела от ужаса, увидев, как муж, закашлявшись, поднес ко рту платок — на белом полотне расплылось кровавое пятно. Константин Игнатьевич быстро сунул платок в карман, оглянулся на жену. Елизавета Васильевна сделала вид, что ничего не заметила.

Вечером Константин Игнатьевич сказал, что пойдет навестить старого приятеля, который обещал ссудить ему деньги. Вернулся обратно сияющий, положил перед Елизаветой Васильевной пятьсот рублей ассигнациями:

— Вот, он одолжил мне. Он очень богат и сказал, что я могу вернуть этот долг, когда смогу...— Константин Игнатьевич вытер холодный пот со лба.— Когда смогу...— повторил он задумчиво.

Он не мог признаться жене, что эти пятьсот рублей дал ему ростовщик и что ежегодно этот долг будет обрастать все новыми и новыми процентами...

Тимофейкин соловей

Зеленые почки берез светляками мерцали в темной чащобе елей. На голых ветках ольхи покачивались пушистые желтые сережки. Заострились зелеными клинками кусты черемухи. А вербу, словно стайки воробьев-лилипутов, облепили серые взъерошенные комочки.

Надя собирала первый весенний букет из цветов мать-и-мачехи. Эти крепыши на коротких толстых ножках приподнимали пласты старых сырых листьев, раздвигали пряди седой травы и раскрывали пучки своих лучиков, все время поворачиваясь к солнцу.

Елизавета Васильевна составляла букет из прутиков и веточек, которые весна успела раскрасить в желтые, зеленые, красные цвета и отлакировать.

— Дыши, Надюша, дыши! — говорила она.

Надя смеялась.

— Мамочка, но я же все время дышу, даже если не хочу.

Матери не терпелось увидеть на щеках дочки прежний румянец, который безжалостно слизала болезнь. Всю зиму Надя болела. Она плохо переносила сырой климат Петербурга: бронхит у нее сменялся ангиной, ангина — инфлюэнцей. За первый год учебы в гимназии девочка пропустила семьдесят семь дней, и, конечно, о переводе в следующий класс нечего было и думать. Поэтому, едва наступила весна, Елизавета Васильевна с дочкой отправились к отцу в Студенцы Псковской губернии. Константин Игнатьевич работал там юрисконсультом у помещицы Косяковской. Каждый день Елизавета Васильевна выводит Надю на длительную прогулку в лес и все ждет, чтобы весна украсила и ее дочку.

❄

По тропинке вышли к оврагу. Вешние воды из года в год размывали овраг, края его оползали, и деревья, обнажив корни, упали и легли как мост, опершись вершинами на другой склон оврага. Снизу вился дымок, слышались голоса.

Надя глянула вниз и увидела деревенских ребятишек у костра.

— Давай спустимся к ним! — попросила она.

Цепляясь за кусты, мать и дочь проворно сбежали вниз. Ребятишки сидели вокруг угасающего костра, каждый с прутиком в руке. Дети что-то осторожно перекатывали в жаркой золе.

— Здравствуйте, дети,— обратилась к ним Елизавета Васильевна.— Вы что, картошку печете?

— Здра-а-ассте! — ответили ребята, и по тому, как они заученно хором ответили на приветствие, Елизавета Васильевна сразу поняла, что это школьники.

Мальчик постарше, с широко расставленными смышлеными глазами, виновато улыбнувшись, объяснил:

— Мы не картошку. Ее давно всю слопали. Птичьи яйца печем. Угощайтесь, барышня,— выкатил он несколько крохотных яичек, взял их в руки и, перекатывая с ладони на ладонь, протянул Наде.

Надя убрала руки за спину, она уже готова была наговорить этому мальчишке, который разоряет гнезда, много нравоучительных слов, но мама взяла ее плечо: молчи, мол.

Мальчик выкатил из костра несколько крохотных яичек.

— Спасибо, ешьте, ешьте. Это какие же яйца, каких птиц? — спросила Елизавета Васильевна.

Мальчишка оглянулся на своих присмиревших товарищей, замолчал на мгновение, но потом стал объяснять, выкатывая крохотные обуглившиеся яички из пепла:

— Это вот сорочьи, это грачиные, это скворчихины...

— А где соловьиные? — робко спросила Надя.

— Что вы, барышня, соловьиных яиц не берем. Соловьев наша Тимофейка сильно любит. Мы и у других птиц не все таскаем, оставляем на развод,— по-хозяйски объяснил мальчик.

— А кто такая Тимофейка? — спросила Елизавета Васильевна.

— Вы не знаете? — удивился мальчик.— Наша учителка.

— Почему же вы ее Тимофейкой зовете?

— Это мы промеж себя. Ее в деревне все Тимофейкой зовут, а в школе мы ее Александрой Тимофеевной называем.

— В школе-то кончили уже учиться?

— Не-е-ет! — снова хором ответили ребята.

— Ну вот и хорошо. Это — Надя, моя дочь, вместе с вами учиться будет.

— Ну что ж, мы чего! Это как Тимофейка.

— А вас-то как зовут?

— Меня зовут Ильей,— сказал старший мальчик.— Вон тот Степан, эта — Параскева.

— А я Иван,— выкрикнул мальчонка с длинными светлыми волосами, из-под которых, как два льняных цветка, светились яркосиние маленькие глазки.

— До свидания, дети.— Елизавета Васильевна взяла за руку Надю, и они стали подниматься на гору.

— До-сви-дань-я! — хором кричали им вслед ребята.

Надя посапывала носом, что означало крайнюю степень подавленности.

*

Когда выбрались наверх и присели отдохнуть на комле упавшей сосны, Надя спросила:

— Мама, почему ты не объяснила ребятам, что стыдно разорять птичьи гнезда?

Елизавета Васильевна вздохнула.

— Не спеши осуждать. Они делают это не ради озорства. Сейчас самое голодное время в деревне. Хлеб и картошку съели, а земля еще ничего, кроме крапивы, не дает. Ребята голодны, вот и едят, что найти могут. Однако, хоть и голодны, не все яички из гнезда берут. Молодцы!.. И учительница у них, видно, хорошая. Как они ласково о ней говорили. Надо бы с ней познакомиться...

Знакомство состоялось раньше, чем мать и дочь ожидали. У околицы деревни они увидели девушку в ситцевом платье, которая шла по направлению к помещичьей усадьбе. Под мышкой у нее была пачка книг. Другой рукой девушка отводила от лица черные кудри, которые ветер то и дело нахлобучивал на глаза.

— Здравствуйте, вы госпожа Крупская? Я здешняя учительница Александра Яворская,— приветливо и с достоинством произнесла девушка.

Им оказалось по пути.

Надя с любопытством разглядывала учительницу. Она совсем не походила на учительниц Лиговской гимназии в Петербурге.

— А мы уже успели познакомиться с вашими учениками,— сказала Елизавета Васильевна. Ей по душе пришлась эта скромно одетая девушка, в которой чувствовалась благородная простота и интеллигентность.

— Небось, ходят по лесу корешки выкапывают? — поинтересовалась Яворская.

— Нет, птичьи яйца в костре пекут,— выпалила Надя и вдруг вся зарделась: не походило ли это на ябедничанье?

— Да, впроголодь живут ребята. Коровы еще висят, молока нет, в закромах пусто.—

начало проголодаться. Последние годы семья Крупских очень нуждалась, но для Нади всегда был и белый хлеб и молоко. Она не знала, что от голода можно вовсе лишиться сил и умереть, лечь и не встать...

Надя с любопытством разглядывала учительницу.

Александра Тимофеевна окинула взглядом Надю, не спускавшую с нее своих больших внимательных глаз.

— Как это коровы висят?—изумилась Надя.

— Очень просто: подвешены к балясинам. От голода они не держатся на ногах, и если свалятся, то уже не встанут.

Надя шла как в тумане: она представила себе подвешенных на веревочных помочах коров. Быть голодной для нее до сих пор оз-

— Тебе нравится учиться? — спросила Александра Тимофеевна девочку.

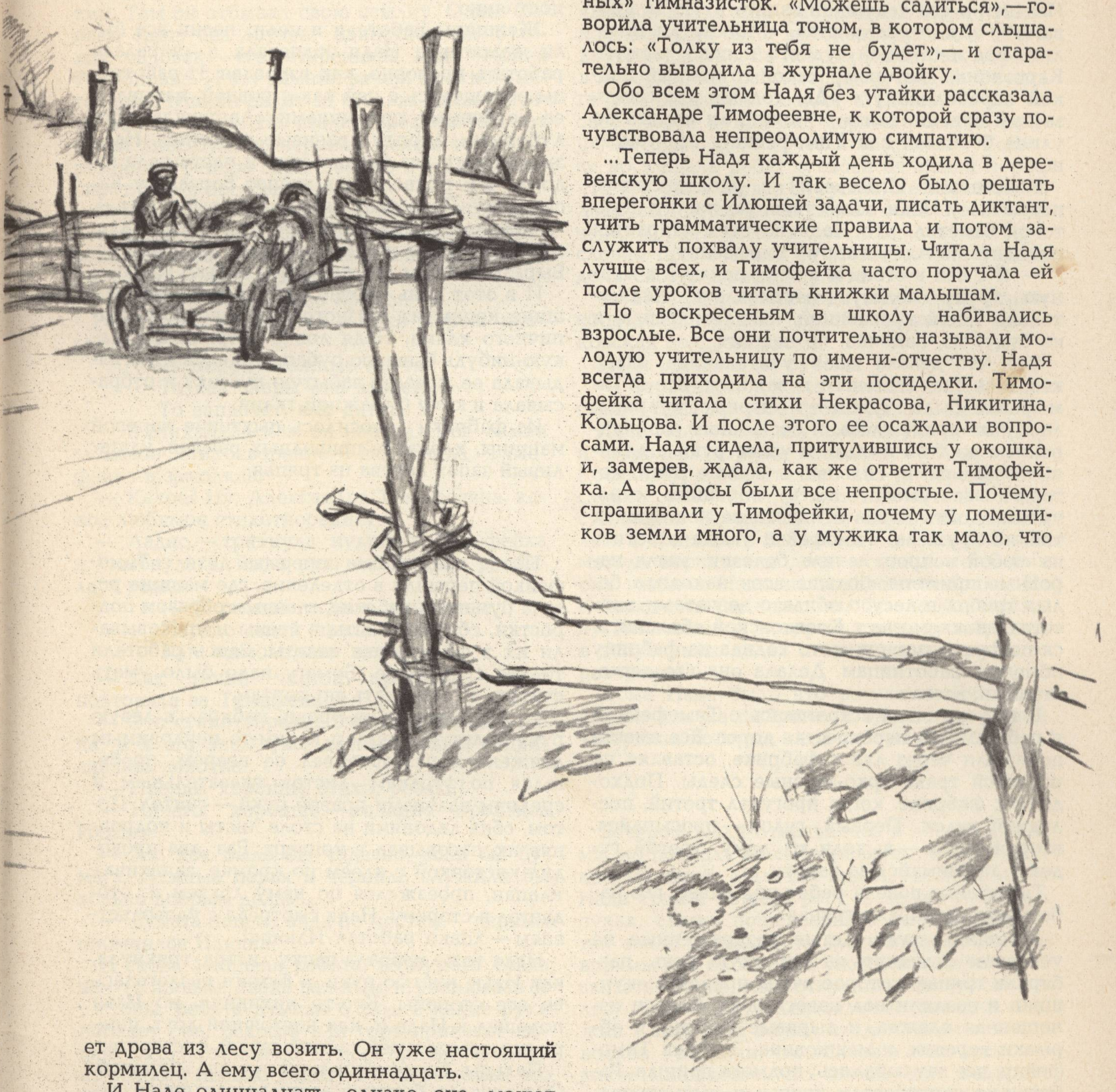
— Нет,— простодушно ответила Надя.— Я не люблю учиться.

— А что ж тебе нравится?

— Читать. Мне нравится всякая работа, мне хочется помогать людям, только не учиться.

— Как-то у тебя все шиворот-навыворот,— сказала Тимофейка как бы про себя.— Не бу-

дешь учиться—и людям не сможешь пользу принести. В нашей деревне все ребятишки охотно учатся. Илюша, знаешь, какой способный мальчик. Работает на фабрике, после работы бежит в школу, а вечером деду помога-

ет дрова из лесу возить. Он уже настоящий кормилец. А ему всего одиннадцать.

И Наде одиннадцать, однако она может остаться на второй год. Учение в гимназии, где все надо зубрить «от сих и до сих», где все девочки в шерстяных платьях сидят на первых партах, а в сатиновых — позади, где учительницы ласковы только с «шерстяными» гимназистками, которые приезжают на уроки в собственном экипаже, просто невыносимо.

Надя выходила из дома веселая, хорошо зная урок. Но едва переступала порог Лиговской гимназии, попадала в переполненный тесный класс, как сразу уставала, делалась вялой, застенчивой. Когда ее вызывали к доске, она вдруг все начисто забывала, сжималась под насмешливыми взглядами «шерстяных» гимназисток. «Можешь садиться»,—говорила учительница тоном, в котором слышалось: «Толку из тебя не будет»,— и старательно выводила в журнале двойку.

Обо всем этом Надя без утайки рассказала Александре Тимофеевне, к которой сразу почувствовала непреодолимую симпатию.

...Теперь Надя каждый день ходила в деревенскую школу. И так весело было решать вперегонки с Илюшей задачи, писать диктант, учить грамматические правила и потом заслужить похвалу учительницы. Читала Надя лучше всех, и Тимофейка часто поручала ей после уроков читать книжки малышам.

По воскресеньям в школу набивались взрослые. Все они почтительно называли молодую учительницу по имени-отчеству. Надя всегда приходила на эти посиделки. Тимофейка читала стихи Некрасова, Никитина, Кольцова. И после этого ее осаждали вопросами. Надя сидела, притулившись у окошка, и, замерев, ждала, как же ответит Тимофейка. А вопросы были все непростые. Почему, спрашивали у Тимофейки, почему у помещиков земли много, а у мужика так мало, что после нового года хлеба уже невдосталь едят? И Тимофейка отвечала, что это несправедливо, так богатые установили, но придет время, когда каждый будет иметь землю.

Константин Игнатьевич по вечерам охотно слушал веселую болтовню дочки. Он знал

всех ее приятелей, вполне разделял симпатии Нади к Тимофейке, так же, как и Надя, он уважал мальчика Илью и на все ее вопросы «можно ли?» неизменно отвечал: «Можно, если тебе это нравится и если тебе это под силу». И мама никогда не возражала, только иногда тихонько вздыхала. «Можно ли с Илюшей и его дедушкой ездить в лес за дровами?» «Да, пожалуйста». «Можно ли поселить под лестницей чудного песика, рыжего Карсончика, которому какой-то пьяный палкой перебил лапу?» «Да, только ухаживать за ним будешь сама». «Можно ли ходить по улице босиком, как Тимофейка?» «Да, можно».

Константин Игнатьевич с удовольствием подмечал у Нади общественную жилку. Както он заметил, что Надя во всем старается походить на Александру Тимофеевну.

— Я с ней в огонь и в воду пойду и в медную трубу полезу,— рассмеялась Надя,— только такой красавицей, как Тимофейка, я не буду, ты, папочка, не надейся.

Все, что делала юная учительница, Наде казалось значительным и важным. Все в Тимофейке было чудом — и черные кудри, и ласковые яркие глаза, и босые ноги, припудренные желтой пылью, и узкие руки с длинными пальцами, сильные и ловкие руки, которые все умели: жать, ворошить сено, прясть, доить коров и плести на коклюшках тонкие кружева. Тимофейка умела ответить на любой вопрос, лечила болезни, знала народные приметы, больше всех находила белых грибов в лесу, любила с девчатами петь «страданья», могла с Косяковской объясниться по-французски и часто ходила на фабрику помогать работницам. Делала она все легко, играючи, весело.

В то утро Надя встретилась с Тимофейкой и ребятами на перекрестке дорог. Все вместе побежали через луг к фабрике, оставляя на росистой траве ярко-зеленые следы. Подходили к фабрике, когда прогудел третий, последний гудок. Первый гудок — просыпайся, второй гудок — выходи из дому, третий гудок — принимайся за работу.

Тимофейка повела ребят под навес, где работницы разбирали тряпье.

Женщины, худо одетые, раздраженные, не успевшие отдохнуть за короткую ночь, разбирали тряпье, которое вчера привезли скупщики и свалили под навес. Здесь была и изношенная одежда, и дырявые рогожи, и обрывки веревок, и мешковина. Завидев Тимофейку, все заулыбались: подмога пришла. Работницы сортировали тряпье и высматривали, нет ли какой одежонки, которая могла бы еще сгодиться. Но редко попадалось что-нибудь стоящее... На фабрике и сейчас еще рассказывали, как несколько лет назад тетка Матрена откопала почти совсем новую миткалевую юбку. Только уж больно грязна была. Но отстиралась! Теперь ее тетка Матрена только по праздникам надевает.

Тимофейка объяснила Наде, как различать хлопчатобумажное, пеньковое и шерстяное тряпье.

Ребятишки с Тимофейкой приходили на фабрику всякий раз, когда привозили новую партию тряпья, и зарабатывали по двадцать—тридцать копеек в день, а Илья работал здесь постоянно.

Женщины работали и пели; песни все были жалостные. Надя подпевала и старалась работать проворно, как взрослая. И работницы обращались с ней как с ровней, называли ее ласковыми прозвищами «Лапушка», «Голубонька», дарили красивые пуговицы. Надя знала почти все бабьи песни и часто пела их дома, чем приводила в трепет Елизавету Васильевну. Пела она, широко раскрывая рот,— «голосила», и при этом, как она утверждала, лицо ее ничего не должно было «выражать». Выразительным должен быть только голос.

И в этот день, уютно устроившись на вершине копны из грязного разноцветного тряпичного хлама, Надя ловко встряхивала какую-нибудь бывшую рубашку, деловито оглядывала ее, срезала забытую пуговку и отбрасывала в кучу бумажной ткани.

Из фабрики доносилось пыхтение паровой машины, хлопанье приводных ремней, удушливый запах варева из тряпья.

*

После обеденного перерыва дети с Тимофейкой перешли в отделение, где машина резала бумагу, а рабочие, главным образом подростки, сбивали листы в стопы и упаковывали их в фирменные пакеты. Здесь работали только грамотные. Бумагу надо было уметь считать и различать по сортам.

Илюша, нахмурив брови, набирал в левую руку толстую пачку и каким-то неуловимым движением разворачивал ее веером, пробегался по уголкам листов указательным и средним пальцами правой руки — считал. Потом, сбив ладонями на столе листы и подровняв их, засовывал в конверт. Раз, два проводил кисточкой с клеем по кромке, запахивал клапан, проезжался по нему локтем и отодвигал в сторону. Надя смотрела с удовольствием — ловко работал Илюша!

Надя тоже набрала пачку листов, тряхнула, как Илья, кистью руки, и бумага разлетелась во все стороны. Кто-то хихикнул, но Илья подошел к Наде и, как настоящий друг, щедро поделился с ней тайной своего мастерства.

Пальцы Тимофейки порхали над бумагой. Она считала быстрее всех, делала пачки аккуратнее всех.

Наступила передышка, машина не успевала за ребятами! Тимофейка расправила плечи, отвела от лица черные волосы и, глядя на колонны, сложенные из стоп бумаги, невольно воскликнула:

— Какое же это чудо, бумага! Подумайте-ка, может быть, эти листки попадут в руки

замечательного стихотворца или ученого. И тогда каждый листок бумаги превратится в драгоценность, станет бессмертным. Ведь на таких листках писал Пушкин. Вы только подумайте, дети, это было совсем недалеко от нас, в нашей губернии, на реке Сороть в селе Михайловском. Туда часто приезжал Пушкин. Там он отбывал свою ссылку. Один. Совсем один, без друзей. Единственный близкий человек — его старенькая няня Арина Родионовна. И вот зимний вечер, за окном метелица. Пушкин сидит за столом. Няня у печки вяжет чулок. На столе перед поэтом вот такой лист бумаги, чернила, белое, остро обрезанное гусиное перо. Все это в отдельности сиротливо и беспомощно.

Пушкин брал в руки перо, макал его в чернильницу, прикасался к бумаге, и бумага обретала жизнь! Вьюга стучала в окно, а на бумаге появлялись строчки:

Буря мглою небо кроет...

Ребятишки оживились и уже хором продолжали:

— Вихри снежные крутя,
То как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

— В Михайловском он написал мое самое любимое стихотворение,— заключила Тимофейка и замолкла.

— Какое? Ну, Александра Тимофеевна, какое любимое стихотворение?

— Ладно,— тряхнула кудрями Тимофейка и улыбнулась. Была она веселая, но улыбалась редко.

— Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты...
Как мимолетное виденье,

— Как гений чистой красоты... — тихо повторяла за Тимофейкой Надя.

— Это стихотворение очень любит мой папа, и я его знаю уже давным-давно! — призналась девочка.

— Правда, хорошие стихи, ребята?

— Ничего, хорошие,— солидно произнес Илюша.

— Ах, как было бы чудесно, если бы бумага, гусиные перья и чернила служили бы только добрым делам...

— Бумага пошла, айда по местам,— первым опомнился Илюша.

И снова закипела работа, но бумага стала чем-то живым, очень важным, и, укладывая ее в стопы, ребята думали о том, в какие руки попадет она, радость или горе принесет людям. Ведь на такой же бумаге пришло на днях из волости письмо родителям Параскевы, что за неуплату недоимок у них заберут корову. Эта бумага лежала на столе, и, взглядывая на нее, мать Параскевы каждый раз заливалась слезами. И еще Надя вспомнила, как папа приехал из Варшавы и привез бумагу, на которой был нарисован большой орел с двумя головами — герб Российской империи. В этой бумаге были написаны какие-то страшные слова, после родители и Надя ездили по всей России, а папа до сих пор не имеет права жить в Петербурге...

*

Вдруг лязг бумагорезки прекратился, дверь в мастерскую распахнулась, и на пороге появилась владелица фабрики помещица Косяковская. Она была высокая, полная, в белом дорогом платье. За поясом у нее был лорнет, в который она рассматривала людей. От этого разглядывания людям становилось не по себе. Левой рукой она держала белого шпица, который дрожал мелкой дрожью. Собачка восхищала ребят и своей белизной и тем, что это была живая игрушка, не похожая на дворовых псов. Косяковская обвела взглядом через лорнет детей и остановилась на Наде, словно припечатала ее к месту. Она узнала дочь своего юрисконсульта.

— Тебе разрешили родители ходить сюда и копаться в эдакой грязи? — спросила Косяковская по-французски.

Надя ответила по-русски.

— Странно,— пожала плечами Косяковская.— Едва ли тебе стоит бывать здесь.

Надя не любила эту чванливую помещицу и старалась пореже попадаться ей на глаза. Косяковская обязательно что-то спрашивала, словно экзаменовала, и потом читала ей наставления. Помещица без симпатии относилась к Елизавете Васильевне, не одобряла ее метода воспитания дочери после того, как она увидела Надю на водовозной бочке. Но Косяковская была весьма обязана Константину Игнатьевичу, который сумел разобраться в запутанных делах помещицы и спас ее от разорения.

Дома Наде было что рассказать об интересном дне на фабрике, и она спела новые частушки, которые пели работницы.

*

Вечером Надя отправилась в лес за дровами, но поехала не с Петровичем, а с его внуком Илюшей. Мальчик сидел, свесив ноги, а Надя стояла во весь рост и, держа вожжи в руках, слегка пошевеливала ими. Блошка — так звали лошадь — мчалась вприскочку — и впрямь, как блоха. Тут уж нельзя было слова сказать — враз язык откусишь, так трясло телегу. Это были увлекательные поездки. Рыжий Карсончик бежал следом, лаял и пугал волков. Говорили, что волков в этих лесах великое множество, что зимой они подходят совсем близко к деревне и в прошлом году овцу задрали.

Вечером цветы и молодые листья деревьев пахнут особенно сильно, лес становится таинственным, за каждым деревом чудится леший.

Выехали на большак, где лежали спиленные деревья и готовые поленницы. Надя подавала дрова, Илья по всем правилам укладывал их

на телеге. Как-то Надя сама попробовала уложить дрова. Она укладывала, а Петрович, Илюшин дед, стоял поодаль, засовывал в нос табак и посмеивался. Когда воз был готов и, как полагала Надя, крепко-накрепко увязан, лошадь тронула с места и полешки посыпались с воза, как горох. Блошка перепугалась, понесла и вытрясла с телеги все до последнего полена. После того случая Надя не бралась за укладку дров...

Темнело. Илья взял в руки вожжи. Надя шла по другую сторону. Телега тяжело скрипела по песчаной дороге. В лесу попискивали какие-то пичужки, сонно так попискивали, видно, устраиваясь на ночлег в своих гнездах. Взошла луна, большая, круглая, и посеребрила лес. И вдруг раздалось частое и чистое чоканье. Илюша натянул вожжи и остановил лошадь.

— Слухай,— прошептал он,— это Тимофейкин соловей поет. Она, наверно, где-нибудь недалече. Он так поет, только ее завидя. Ей-бо, пра... Слухай, слухай.

— Слушаю, слушаю...— тоже шепотом отвечала Надя.

Соловей, казалось, чокал над самой головой. Чокнет раз-другой, прислушается, как эхо перескакивает от дерева к дереву, и вдруг рассыплет веселую дробь. Повременит, почистит горлышко и примется словно серебряную пряжу ткать. Туда-сюда снует челнок и заставляет звенеть туго натянутые нити, а потом лесной певец такую раскатистую и восторженную трель выписал своим серебряным горлышком, что все в лесу затаило дыхание. И Надя стояла не дыша.

— А это он в лешеву дудку задудел,— шептал Илья...— А это он кукушкин перелет дает. Сейчас начнет булькать. Слышь?

— Да.

Весь лес затих, и луна опустилась пониже, и Блошка водила чутким ухом, и чуть-чуть вздрагивали листики березы.

— Сегодня он по-особенному поет. Сегодня ведь Борис-день. Для него и поет. И еще поет для нашей Тимофейки. В Борис-день он пьет вечернюю росу с березового листа, потому и поет так.

Наде тоже захотелось испить росы с березового листа. Было тревожно, радостно. Хотелось смеяться и плакать.

Письмо

Уезжали из Студенца в холодный сентябрьский день. Шли за телегой по лесу, где уже появились желтые и бурые листья. Рдели кусты бузины, калины, рябины. Тимофейка, Илюша, все ученики и деревенские ребятишки провожали Крупских. На опушке леса Надя попрощалась с ребятами и повисла на шее у Тимофейки и обливала ее горючими слезами. И Тимофейка плакала.

Прощались долго. И тут Надя поведала Тимофейке, что дала себе торжественную клятву быть учительницей, как Тимофейка; так же любить людей и быть полезной, как Тимофейка. И еще обещала хорошо учиться...

Крупские уезжали в Петербург. Брат Константина Игнатьевича Александр был переведен из Новгорода в Петербург помощником военного прокурора и обещал протолкнуть дело Крупского в Сенате. Несмотря ни на что, Надя чувствовала себя сильной, счастливой.

— Смотрите, как растолстела ваша Надежда, какая она стала краснощекая,— говорила девочка отцу и матери.

— Действительно, ты, Надежда, полна надежд,— шутил отец.

Жизнь Наде представлялась прекрасной. Ее радовал румянец на щеках отца, яркий блеск его глаз она считала признаком здоровья и красоты, а то, что он покашливал... так ведь не сильно же, не надрывно, как кашляла Надя, когда болела коклюшем. Но Елизавета Васильевна с тревогой посматривала на рдеющий пятнистый румянец мужа.

В Петербурге отец перевел Надю из ненавистной ей Лиговской гимназии в частную гимназию Оболенской, где преподавали передовые учителя, где директором был старый знакомый братьев Крупских обаятельный и образованнейший Александр Герд. В классе было не пятьдесят, а всего двадцать человек, не было зубрежки, ученицы не делились на «шерстяных» и «сатиновых», на уроках было интересно, весело.

Надя написала Тимофейке подробное письмо о новой гимназии, о том, что после проверки знаний ее приняли во второй класс, что учится она на пятерки и что жизнь прекрасна. Просила передать привет ребятам.

В ответ пришло письмо от Илюши. Новости были невеселые. Зимой в деревне случился пожар, сгорели три избы подряд, люди пошли по миру. Пса Карсона, что у Нади под лестницей жил, а потом перешел к Илье, волки загрызли, когда он стадо охранял. Параскева ушла из школы. Грамота ей ни к чему, ей надо учиться прясть, шить, стирать.

Поздней осенью ребята собрались в воскресенье Наде письмо отписывать, но все перевернулось...

Ночью были заморозки, и утреннее солнце покрыло бисерными каплями траву. Огороды опустели, и только голубоватые кочаны капусты да пожелтевшая ботва картошки покрывали небольшие участки поля. Капусту начали срезать, и у каждой избы стояли деревянные корыта на козлах, в которых рубили капусту, посыпали ее крупной серой солью и сваливали в бочки. Мальчишки хрупали кочерыжки и вымытыми в ключевой воде ногами уминали капусту в бочках. А потом, набив карманы и пазухи кочерыжками, побежали в школу.

Еще издали они увидели, что в школе что-то неладно. Несмотря на холодный ветреный день, окна были распахнуты настежь, и ветер сметал с крыльца обрывки бумаг. Двери школы тоже были раскрыты. Ребята пробежали через класс в комнату Тимофейки и остолбенели. Какие-то злые руки порвали книги, тетради, разбили глобус, с которым школьники обращались, как с драгоценностью, по комнате была разбросана одежда Тимофейки. Кто осквернил комнату любимой учительницы? Где она сама? Неужто разбойники увезли ее с собой? Может, убили?

Заскрипело крыльцо под чьей-то тяжелой поступью. Пришел Петрович.

— Марш отседова. Подальше от греха. Арестовали нашу учителку... Вчера дрова вез в котельную, сам видел, как ее урядник в тарантас пихал. Сам пристав приезжал. Против царя она, говорит, против бар, против самого бога.

Петрович захлопнул окна, выгнал ребят из школы, запер дверь и ключ положил к себе в карман.

— Отучились,— махнул он рукой и, постариковски шаркая ногами, пошел на фабрику.

Ребята присели на завалинку.

Только теперь почувствовали они, как дорога им была школа и как любима Тимофейка.

— Вырасту, в тюрьму пойду служить,— сказал сумрачно Иван. На его синие глаза набежали слезы.

— С чего это? — презрительно посмотрел на него Илья.

— А я Тимофейку на волю выпущу. Ключи-то, чай, у меня будут в кармане.

Ребята сочувственно смотрели на Ивана. Дело говорит. Но ведь вырасти еще надо. А сейчас чем помочь Тимофейке?

Самый маленький, Павел, который только-только начал крючки по трем косым писать, неутешно плакал и, вытирая рукавом слезы, жаловался:

— Не успел буковки разучить.

С Тимофейкой ушло что-то светлое, праздничное.

Вечером Илья отписывал письмо в Санкт-Петербург, Басков переулок, дом 2, квартира 42, коллежскому асессору Константину Игнатьевичу Крупскому. Для барышни Нади.

Илья в скупых словах поведал Наде о том, что Александра Тимофеевна Яворская арестована и сидит в тюрьме в Пскове. Приезжали оттуда люди, говорят, что долго сидеть будет, а потом в ссылку ее сошлют. За что сидит? Что к людям справедливость имела. Школу заперли на ключ. Отучились мы, заканчивал письмо Илья.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Крылья на марках

Я энтомолог, всю жизнь изучаю насекомых. Вот почему я выбрал для вас из своей коллекции только те марки, к которым не придерется ни один мой коллега. Пусть рисунок на марке крохотный, но, если он точный, если передает строение и окраску бабочки без ошибок, он научит и вас узнавать бабочку — «определять», как мы говорим.

Бабочек на земле много — тысячи видов. Среди них есть очень редкие. Вот они на трех поставленных углом польских марках почти в центре нашей странички.

На верхней — **павлиний глаз** (охраняется в ГДР). Ниже — **аполлон** (охраняется в Польше, ГДР, Чехословакии). Живет эта дневная бабочка в горных лесах от Грузии до Алтая. Аполлон умеет прикидываться мертвым и легко обманывает птиц, которые питаются насекомыми. Ниже еще две редкие и похожие друг на друга бабочки (охраняются в Польше). Великий ученый Карл Линней еще в XVIII веке назвал их в честь двух братьев, героев Троянской войны — Махаона и Подалирия.

На большой синей венгерской марке — **бражник глазчатый.** У него такой длинный хоботок, что, собирая по вечерам нектар, он даже не садится на цветок, а делает это на лету. Опылитель из этой бабочки первоклассный, но зато гусеница бражника нещадно поедает листья деревьев.

Рядом на розовой румынской марке **бражник прозерпина,** на коричневой югославской — **бражник олеандровый,** самый крупный.

Какой бы красивой и изящной ни казалась вам бабочка, не забывайте, что в младенчестве она была толстой и невероятно прожорливой гусеницей. Любимая пища гусениц — растения. Перед вами — парад вредителей (первый и второй верхние ряды, кроме двух треугольных марок). На синей румынской марке бабочка неяркой расцветки. Это знаменитый **непарный шелкопряд.** Ее гусеница — опаснейший вредитель сада и леса. Гусеница **траурницы** (бабочка на ярко-зеленой марке ФРГ) — гроза для тополя, березы, ивы, осины. Рядом на румынской марке **боярышница.**

Боком лежит зеленая венгерская марка. По названию бабочки — **ленточница дубовая** — ясно, что особенно любят ее гусеницы. Рядом — белая монгольская марка. Эту бабочку называют **лимонница обыкновенная** или **крушинница.** Ее гусеницы облюбовали лекарственный кустарник крушину. На ярко-красной марке ФРГ всем известная **крапивница.**

На трех румынских марках, расположенных как бы по диагонали, **тутовый шелкопряд** — одомашненная бабочка. Уже много веков дает она человеку натуральный шелк.

Обратите внимание на светло-зеленую марку ГДР (она почти в центре) с изображением бабочки **адмирал.** Удивительно красивая, она получила это имя за свою торжественную красно-черную окраску. Живет во многих странах мира, у нас встречается в средней полосе, на Кавказе, в Сибири. Рядом, на голубом фоне венгерской марки, — **медведица Геба.** Тело бабочки и гусеницы мохнатое.

А теперь взгляни на остальные марки — крайний левый (сверху вниз) и нижний ряды. На этих марках названия далеких стран: Куба, Мали, Япония, Новая Зеландия, Мальгашская республика... Этих бабочек не увидишь в наших краях, просто полюбуйся на их необычный экзотический наряд...

Е. БАЦЫЛЕВ

Юрий СБИТНЕВ

Ленушкин соловей

Смеркалось. Ленушка засыпала у меня на руках. Из сада в приоткрытую створку окна проникали запахи земли, трав и свежести. Гроза ушла, но отсветы молнии все еще вспыхивали синим в окнах домов.

На западе небо отсвечивало розовым, а ветви вишен в саду потемнели.

Ленушкины волосы пахли дождем и садовой ромашкой. Я слушал далекий отзвук грома, одинокий лай собаки и громкое дыхание дочери.

Ленушка засыпала так же, как приходят на землю сумерки, как зажигаются звезды. Так могут засыпать только дети.

В доме напротив со скрипом распахнулось окно, и дачник Оськин томно произнес:

— Зина, дыши озоном...

Он долго и сладко зевал, навалившись грудью на подоконник, а сумерки словно уничтожали его, пока не превратили в белое расплывшееся пятно. Потом в комнате запахло дымом: хозяйка Мария Васильевна разожгла на дворе самовар, и я затаился, силясь услышать, как сыплет она в огонь сухие еловые шишки.

Ленушка плотнее прижалась к моей груди и задышала громче. Я встал со скамейки, чтобы отнести ее в кровать, и замер. От реки, там, где синий сумрак никак не мог покорить белый туман, возникла песня соловья.

Соловей, взяв сразу же самую высокую ноту, оглушил тишину.

В этом году весна была ранняя, и соловьи замолчали еще в середине мая. Песня задела что-то глубоко сокровенное в сердце, тронула в нем забытое, заставила затаить дыхание и слушать только ее...

Притих гром, погасли отсветы молний, замолкла собака, застыл в окне Оськин, весь мир приник к маленькому сердцу птицы, родившему такую песню.

Я не заметил, когда проснулась Ленушка. Она подняла голову, прислушалась и прошептала:

— Плачет...

— Поет, дочка, — поправил я.

— Нет, плачет, — сказала она и добавила: — Мальчишки утром у него гнездо разорили. Плачет!

Сыпкий дождик

За Окою кричали коростели. Они умолкали всего на два-полтора часа, когда наступала короткая темень. В эти часы затишья слышнее шорохи трав, явственнее запахи полевых цветов. Неправда, что полевые цветы не пахнут! Июньскими ночами их запах крепок.

В июне цветы буйствуют...

Днем старушка Аграфена Ильинична, мастерица-рукодельница, показала мне свою работу. Невесомые кружева выпархивали из сундука, окованного железом, ложились на коричневые руки старушки.

Руки у Аграфены Ильиничны грубые, с синими корневищами вен, с частой сеткой морщин, все в трещинах и складках.

...Причудливые птицы в сказочном оперении, скворцы, едва различимые в густом переплетении ивняка, соловьи, иволги, зяблики, травы и цветы... Узор сменялся узором. Порхали и падали на желтую столешницу белокрылые кружева. А когда легла сверху на птиц, на травы и цветы большая скатерть с узором из маленьких и больших зыбких кружочков, я не смог сдержать восторга:

— Здо-о-орово!

Аграфена Ильинична улыбнулась, и я впервые заметил, что глаза у нее цвета позднего покосного василька.

— Хорошо! Очень хорошо! А что это за рисунок?

Старушка улыбнулась:

— А кто его знает. Теперь уж и запамятовала...

Весь день я находился под впечатлением увиденного узора. Было в нем что-то близкое, родное.

Кричали коростели за Окою, брело по лугам разноцветье, медленно покачивалась в берегах река, и в облаках, что лениво двигались от камышей и ивняков к плесу, мелькали красные плавники голавлей, а я все думал и думал о рисунке.

К вечеру неожиданно, как это часто бывает в июне, из-за леса свалилась к плесам темная, набрякшая влагою туча. Промчался сильный вихрь, устилая траву, в три погибели сгибая молодые деревья. И дождь, теплый и торопкий, припустился вдогон за ветром.

Я вышел к Оке в надежде спрятаться от дождя под лодкой, что чернела просмоленным днищем на песчаной косе. Вышел и остановился, пораженный увиденным. Реки не было. Передо мною лежала кружевная скатерть с незатейливым узором зыбких кружочков. Так вот она, самобранка! Так вот он, этот узор, он зовется у нас в народе очень просто — сыпкий дождик.

Рисунки М. ЯШКОВОЙ.

Лев Яшин парирует опасный удар.

В ВОРОТАХ ЯШИНА— ПИЛЬГУЙ

А. ЛИБКИНД

ДВА КИРПИЧА И ГОЛКИПЕР

Днепропетровские мальчишки любят футбол. В каждом дворе, школе есть своя команда. Была такая команда и во дворе дома № 5 на улице Титова. Ворота ее защищал Володя Пильгуй. И хотя на настоящие ворота они были мало похожи, юный голкипер старался изо всех сил.

В настоящие футбольные ворота Володя встал в двенадцать лет: его взяли в команду мальчиков «Стройтреста». Это был уже большой футбол. Команда — в настоящей форме, постоянные тренировки, календарные встречи на футбольном поле... Мечтал он о том, что здесь познает все «секреты» игры и через несколько лет встанет в ворота команды взрослых и возьмет «мертвый» мяч.

Но кончились летние каникулы, и тренер попрощался с юными футболистами до будущего лета.

В конце сентября Володя Пильгуй узнал о приеме в футбольную школу «Металлург». Желающих собралось множество. Сначала все прошли медицинский осмотр, потом проверяли физическую подготовку: гибкость, ловкость, координацию движений. В заключение тренер внимательно просмотрел школьные дневники и только после этого объявил, кто выдержал испытания. В числе новичков оказался и Володя.

Занятия сначала разочаровали Володю: урок начинался с бега, прыжков, гимнастики, с упражнений на внимание. Футбольный мяч появлялся только в конце занятий, да и то не всегда.

Шло время. Занятия становились все разнообразнее: изучали технику и тактику футбола, разбирали правила игры. Михаил Федорович Коломиец ставил все более и более трудные задачи, требовал точного и добросовестного выполнения их. Лени и недисциплинированности он не терпел.

— Без труда и дисциплины,— говорил тренер,— в спорте ни на шаг не двинешься.

В конце каждой недели все отчитывались о своих успехах, не только спортивных, но и учебных. Двойка считалась «чрезвычайным происшествием» и грозила отчислением. «Троечников» тоже по головке не гладили.

— Тройка — значит учился без усилий. В спорте да и в любом другом деле нужна сила воли и настойчивость. Без этого нет спортсмена...

...Давно позади четыре года футбольной школы, но Володя Пильгуй до сих пор вспоминает эти слова, вспоминает с благодарностью, потому что уже не раз убедился в их справедливости.

В ВЫСШУЮ ЛИГУ

Поздней осенью 1969 года в Симферополе четыре команды решали между собой спор, кому же в будущем сезоне выступать в высшей лиге? Среди них был и днепропетровский «Днепр», ворота которого защищал двадцатилетний Владимир Пильгуй...

Нелегким был его путь в команду, защищавшую честь родного города и области в первенстве СССР. Поначалу все шло прекрасно. Володе предстояло еще год заниматься в футбольной школе, а его уже пригласили в команду мастеров.

После первых тренировок едва хватало сил, чтобы добраться до кровати,— так велики были нагрузки. Но Володя терпел и вскоре почувствовал, что с каждой игрой усталость проходит быстрее. Все шло хорошо. Юный вратарь уже успешно выступал за второй со-

став, и тренеры поговаривали, что если так пойдет, то в следующем сезоне ему можно будет доверить ворота основного состава. Но случилось непредвиденное: во время одной из игр Володя повредил руку.

— О футболе придется забыть,— сказали врачи.

Пильгуй даже представить себе не мог, что не встанет больше в ворота. После двух месяцев лечения он снова начал тренироваться; делал утреннюю гимнастику, бегал по дорожкам соседнего парка, прыгал со скакалкой. Шли дни, недели, месяцы... Иногда ему начинало казаться, что все это зря, что правы врачи. В такие минуты Володя шел в парк и прыгал со скакалкой, бегал дольше, чем обычно.

Настойчивость и упорство победили: через год Володю снова включили в команду мастеров «Днепр».

И вот снова Симферополь... Однажды после игры московского «Динамо» Адомас Голодец спросил Володю: «Хочешь играть в «Динамо»?» Володя растерялся. Его и раньше приглашали в другие коллективы, но как уйти из команды, где ты научился играть? И в то же время так хотелось играть с самим Яшиным!

...Через два месяца уехал в Москву. Уехал учиться у Яшина.

Многие вратари могут позавидовать цепкости и молниеносной реакции Владимира Пильгуя.

ЗА ПАРТОЙ ДУБЛЯ

Динамовцы хорошо встретили молодого вратаря из Днепропетровска, и Володя быстро освоился в новой команде. Опытный страж ворот Лев Яшин внимательно следил за игрой Володи на тренировках и во время игр, помогал разобраться в ошибках.

Володе снова пришлось сесть за парту, учиться и переучиваться. Играть в высшем классе труднее: здесь иная скорость, техника, тактическое мышление.

У вратаря мало времени для размышлений. В любую секунду нужно быть готовым отразить неожиданный удар, выбежать на перехват, броситься в ноги. Да еще успевать руководить своими игроками так же тонко и быстро, как это делает Яшин.

Взаимодействие вратаря и защитников — залог успешной обороны. В этом Володя убеди[illegible] ему однажды пришлось замен[illegible] с минскими одноклубниками. Поначалу все складывалось удачно, хотя и было заметно, что молодой голкипер волнуется. Постепенно он «разыгрался». Стал действовать увереннее. И тут случилось непредвиденное. Во время одной из атак минчан Володя опрометчиво бросился наперехват и столкнулся со своим защитником Виктором Аничкиным. Мяч отскочил к капитану минчан Эдуарду Малофееву, и тот спокойно направил его в сетку. Москвичи проиграли!

После игры никто не упрекнул Пильгуя, но Володя сам ощутил всю справедливость слов Яшина, которые Лев Иванович однажды сказал ему на тренировке: «Обдумывай каждый свой шаг. На поле может ошибиться любой, его поправят, только ошибку вратаря не поправишь».

У НЕГО ЕСТЬ ХАРАКТЕР

Пословица гласит: «За одного битого двух небитых дают». Пильгуй уже в следующих играх подтвердил эту народную мудрость. Он стал осмотрительнее, увереннее и расчетливее. Не терялся в сложных ситуациях, мгновенно находил верное решение и помогал найти его товарищам: вратарю общая картина игры виднее.

Однажды после встречи с киевлянами, которую он провел отлично, Яшин сказал: «Ну, теперь мне уходить можно спокойно». Стоявший рядом журналист спросил:

— А почему вы, Лев Иванович, так уверены в Пильгуе?

— У него есть характер,— ответил Яшин.

...А потом был майский вечер в Лужниках и необычный матч, после которого известный всему миру вратарь Лев Яшин покинул футбольные ворота и передал ключи от них Владимиру Пильгую.

Фотографии В. Ульянова.

С Павлом **ИВАНОВЫМ** (он живет в Якутии, в поселке Поледуй) читатели «Кораблика» уже знакомы: в первом номере журнала за этот год было напечатано его стихотворение. А вот новые стихи Павла.

На Лене

Плывут по Лене самоходки,
Плывут большие танкера.
Ребята с моего двора
Построили большие лодки.
Давно намечен их маршрут,
И в дальний путь друзья готовы.
Быть может, завтра уплывут
Туда, где встал закат багровый.
Увидят солнечный восход,
Увидят зарево на небе,
И несчастливым будет тот,
Кто вместе с ними в лодке
не был.

Марина **БЕДОВА** живет в Костроме, учится в школе № 18.

Будьте добры!

Мы не раз каждый день
говорим:
Будьте добры, принесите!
Будьте добры, подождите!
Вернитесь, скажите,
Будьте добры,
Как мне найти общежитие?
Ищут больницы,
Ищут аптеки,
Ищут дома или просто
дворы...

Люди двадцатого сложного
века,
Просто друг к другу
Будьте добры!

Саше **БОЯРСКОМУ** 11 лет. Живет он в Москве, но очень любит море.

* * *

Очень приятно сидеть
На еще не остывшем
песке,
На пароходы глядеть,
Плывущие вдалеке,
Слышны голоса капитанов:
«Трави! Давай быстрей!» —
И ветер приятно ласкает
Кончики ушей.

Лена **АНДРЕЕВА.** Ей 12 лет, живет она в селе Бердожье, в Тамбовской области.

Покос

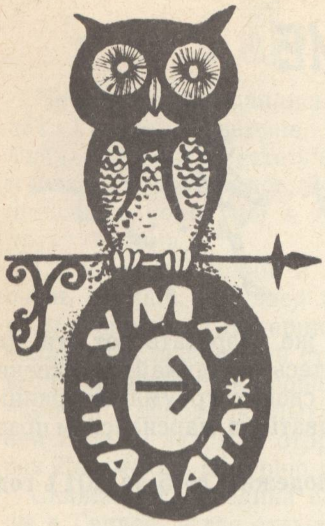
На покосе все вставали рано.
Так как некому заняться было мною,
В лес я убежала, вдаль от стана —
Поиграть с березами, с травою...
Было хорошо вдали от стана:
Ветерок дышал прохладной
лаской,
Как-то вдруг, негаданно-нежданно,
Встретилась я тут с лесною сказкой.
В тишине по-утреннему тонкой —
Внятен даже шум листа упавшего —
Слышен лай мне рыжего лисенка,
На поляне с матерью игравшего...
Пробираясь по лесу с опаской,
Я желала бы совсем немногого —
Чтобы продолжалась эта сказка!
Но она вдруг отступила в чащу
И растаяла за утреннею дымкой,
Лишь березы шелестели: это сказка
Уходила неприметною тропинкой.

Прощание

Я из лесу уходила,
Грустно все кругом молчало,
И лисичка, чуть не плача,
Мягкой лапкой мне махала.

Заяц крикнул мне: «Останься!»
И печально брел по кочкам
Толстый барсучок-кондитер.
И подумала я вдруг:
«А зачем идти домой?»
Села я под старый дуб,
Щеку подперев рукой...

Снова заяц веселился
И лисичка танцевала.
Я в лесу бы жить сумела,
Если б мама не ругала.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Четыре загадки

Кто

становится сразу выше, когда садится?

Что

становится легче, когда его наполняют?

Кто

живет в белом домике без дверей и окон?

Что это?

Когда вы его видите, то не видите ничего.

1. Мне сообщили, что синий карандаш нарушил перемирие и спрятался в недостроенном здании универмага, окруженном высоким забором.

Вместе с моим другом Циркулем мы отправлялись на поиски Карандаша.

2. Было очень жарко, Циркуль не удержался и купил мороженое. Когда мы подошли к универмáгу, я строго сказал:

— Стой здесь и никуда не уходи! Не спускай глаз с выхода.

3. Я обошел этаж за этажом — и никаких следов синего карандаша.

4. Только в одной комнате я увидел остатки завтрака. На перевернутом ящике еще не высохли капли воды, значит, кто-то был здесь совсем недавно!

Я снова обшарил все здание и снова никого не нашел.

5. Видно, синий карандаш улизнул от меня, хотя Циркуль, стоявший на том же месте у выхода, где я оставил его, настойчиво твердил:

— Я никого не видел!

Как вы думаете, правду говорил Циркуль?

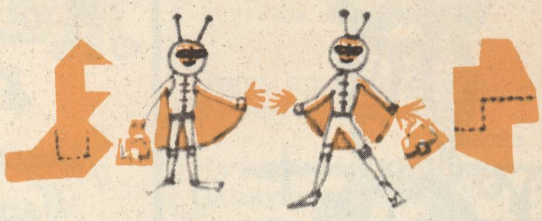
ИЗ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ БУДУЩЕГО

МАРСИАНСКИЕ ПРЯНИКИ

Первый день учебного года — самый веселый праздник на Марсе. Называется он Утро Пряника.

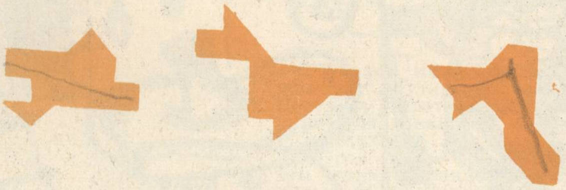
В этот день юные марсиане пекут пряники самой различной формы. Они дарят их своим товарищам. Каждый должен разрезать подаренный ему пряник на две совершенно одинаковые части. При наложении одной части на другую они должны полностью совпасть.

Перед вами два праздничных пряника, разрезанные пополам.

Смогли бы вы так же разрезать вот эти три пряника? Потренируйтесь, придумайте и испеките на всякий случай свой хитроумный пряник. А вдруг удастся побывать на марсианском празднике.

«Техника молодежи» № 5 за 2011 год.

Игры Лупы и Пинцета

Маркобусы

Маркобусы — это игры с марками. Они похожи на ребусы, но решать их, пожалуй, труднее.

Сначала определите названия стран на марках, которые расположены слева от знака равенства. Потом из каждого названия, написанного по-русски, конечно, возьмите столько рядом стоящих букв, сколько указано на маленьких марочках сверху. Сложите все эти буквы, и у вас получится название страны, выпустившей марку справа.

Приводим в помощь тебе названия стран на марках, помещенных слева: Ирак, Уганда, Румыния, Бурунди, Гвинея, Таиланд, Монако, Гренада, Болгария.

ПРИМЕЧАНИЕ: КОГДА РЕШАЕТСЯ МАРКОБУС, ПОЛЕЗНЫ КАРТА или ГЛОБУС.

По следам слонов

		Место рождения			
		Гвинея	Камерун	Нигерия	Верхняя Вольта
Место отдыха	Гвинея				
	Камерун				
	Нигерия				
	Верхняя Вольта				

Четыре слона родились в разных африканских странах: Гвинее, Камеруне, Верхней Вольте и Нигерии. Сейчас они все вместе учатся в школе Птиц и Зверей и очень подружились. И, конечно, друзья провели школьные каникулы в Африке. Они написали друг другу письма.

Слон, отдыхавший в Камеруне, жаловался, что очень скучает по своей родной реке Нигер. Другой слон сообщил из Нигерии, что он видел, как восходит солнце над лесами той страны, где прошло его детство. Слон из Гвинеи сообщал, что уже купил билет на пароход и вскоре поплывет на родину. Слон из Верхней Вольты задумал отправиться путешествовать через Дагомею и Нигерию к озеру Чад.

Скажите, где родина слона, проводившего каникулы в Гвинее, и где отдыхал слон — уроженец Верхней Вольты?

Из записной книжки Живживки

Наш Живживка много путешествует. И всегда при нем записная книжка. В нее он записывает короткие смешные истории. Вот несколько таких историй.

— Папа, возьми меня на рыбалку!

— Не возьму! Учебный год только начался, а ты уже нахватал двоек! Лучше подумай о своих отметках!

— Я буду думать о них на рыбалке!

— Летом я поймал вот такого огромного окуня.

— Сколько же он весил?

— У меня не было с собой весов, я его сфотографировал, и фотография весит ровно килограмм!

Мама в ужасе:
— На кого ты похож! Где ты так измазался?
— Упал в лужу!
— В новых брюках?
— Я не успел их снять.

Два друга допоздна гоняли футбольный мяч. Наконец один из них сказал:
— Хватит! Пошли домой.
— Не могу, — сказал другой.
— Почему?
— Моя мама очень на меня рассердилась.
— Чем же ты ее так рассердил?
— Тем, что меня нет дома.

Ответы на задачи из № 8

ПОХИЩЕНИЕ БУРАТИНО

Разбойник стоит первым слева.

КТО БОЛТАЕТ? КТО МОЛЧИТ?

1. Грач, шест, **нос**, рыба, тесто, парта, **топор**, астра.
2. Нора, **лень**, **Лена**, слон, пенал, лось, **роса**, нога.

НАЧНЕМ С ХВОСТА

По тропинке шли три петуха и восемь поросят.

БУКВАЗАБ

Стихотворение кончается словами: «Здесь ничья». В клетках должны быть такие слова: поезд, лесник, школьник, мелочь, ястреб.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Кроссворд

Страны:	На марках изображены:
Дания	Свеча
Сингапур	Барабан
Замбия	Танец
Испания	Замок
Греция	Пегас
Италия	Ласточка
Финляндия	Белка
Япония	Перо.

ЧТО ТАКОЕ ДРУЖБА

К нам в класс пришли новенькие — мальчик и девочка. Вроде ничего особенного не произошло: пришли и пришли.

Лена и Витя оказались отличниками. А чуть попозже выяснилось, что они дружат. И сразу по классу понеслось «жених и невеста, жених и невеста!» Очень много обидных слов сказали тогда Лене и Вите. А через несколько дней нам стало совсем невтерпеж. Выяснилось, что они дружат не вдвоем, а впятером. Еще Андрей, Эва и Вова из соседнего класса. Каких только насмешек эти ребята от нас тогда не выслушали.

Однажды Лена заболела и перестала ходить в школу. Ни одной девочке из нашего класса не пришло в голову зайти к ней и передать домашнее задание. Кто-то сказал: «Подумаешь, не будет пятерки таскать».

Но когда Лена опять появилась в школе, оказалось, что в учебе она нисколько не отстала. Мы забыли про ее друзей, про Витю... Это они помогли Лене не отстать.

Теперь, когда мы пишем это письмо, все не так, как было. Может быть, мы повзрослели, может быть, эти ребята нас чему-то научили, но кажется, теперь мы понимаем, что такое настоящая дружба. Такая, как у Лены, Вити и трех их товарищей. Неприятно, конечно, в этом сознаваться, но мы просто им завидовали и от этого поступали глупо.

Нам очень стыдно, что все так получилось, мы понимаем, что такие обиды не скоро забываются, но если бы ребята могли нас простить.

г. Волжск, Волгоградская обл.,
школа № 21, 9 «А» класс.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: 101459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Макет **А. А. БОРИСОВА.**

Технический редактор **В. В. ВАНТРУСОВ.**

Сдано в набор 29/VI 1972 г. А 00951.
Подписано к печати 4/VIII 1972 г.
Формат бумаги 84×60 1/8.
Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л.
Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1844.
Заказ № 3210.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

В шахматном клубе Дворца пионеров имени Георгия Димитрова.

На всех парусах мчится «Белая ладья»

Пешкин много путешествовал этим летом. На всех парусах мчала его «Белая ладья». Он побывал на Балтике, в приморском городе Лиепая, где встречались участники финала Всесоюзного турнира пионерских дружин.

Пешкина порадовали успехи кишиневских школьников, одержавших победу в турнире. Хорошие результаты и у эстонских ребят из Кинглинемыхсской школы № 1. Почти все ученики этой школы — любители шахмат. Не мудрено, что и команда у них сильная, дружная.

Немало хороших шахматистов и в 507-й московской школе, во 2-й школе г. Октемберяна (Армения), в 13-й школе Свердловска, в 10-й школе Бреста и в других командах, игравших в финале.

Смело вели шахматные сражения ребята, изобретательно атаковали и находчиво защищались. Всех участников финала Пешкин наградил «Грамотами ферзя и ладьи».

Начался новый учебный год. Снова отправилась в путь «Белая ладья». Недавно пришвартовалась она на берегу Черного моря, в болгарском городе Варна.

Прежде всего Пешкин побывал в шахматном клубе. Там занимаются более двухсот ребят. Их тренер Георгий Даскалов рассказал Пешкину:

— Наша шахматная школа работает уже девять лет. Многие воспитанники школы добились хороших результатов: Димитрий Проданов и Иван Янакиев были чемпионами Болгарии среди юнкоров, Борислава Борисова занимала первое место среди девочек-шахматисток.

Из Варны Пешкин поехал в столицу Болгарии Софию и отправился прямо во Дворец пионеров имени Георгия Димитрова. Познакомился с ребятами и с их руководителем Тодором Тодоровым. Софийские ребята тоже упорно овладевают шахматным мастерством, организуют они и шахматные кружки в своих школах.

За все это Пешкин наградил «Грамотами ферзя и ладьи» шахматистов 128-й школы **Снежину Василеву** и **Димитрия Иванова.**

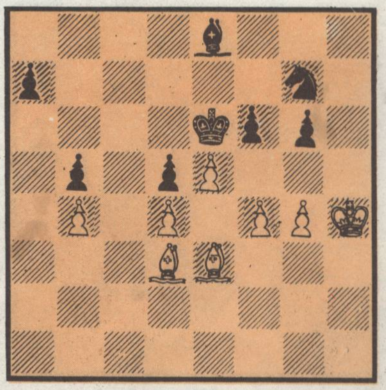
Почетные грамоты получили также четырехклассница из 73-й школы **Невяна Крстева,** шестиклассник **Андрей Нончев** из 135-й школы, шестиклассники **Анастас Наумов** из 3-й школы и **Семко Семков** из 56-й школы.

Пешкин вместе с ребятами решал красивую и трудную задачу известного болгарского архитектора Владимира Рангелова.

Видите, на доске мало фигур, но дать черному королю мат в три хода нелегко. Попробуйте, и вы сами убедитесь в этом.

Пешкину понравилась и партия, которую играли **Петр Крстев** и **Славко Костадинов.**

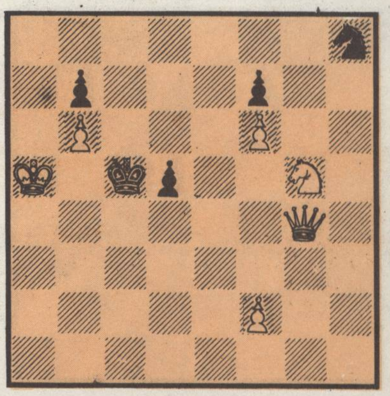
Белые очень сильно провели финал этого поединка.

Игра продолжалась так: 42. f5+ gf 43. Ch6 Kpf7 44. gf Cc6 45. C : g7. Kp:g7 46. Ce2 Kpf7 47. Kph5 Kpg7 48. Cf3 a6 49. Kph4 Cb7 50. Ch5 Cc6 51. Cg6 Cd7 52. Kpg3 Cc6 53. Kpf4 Cd7 54. Kpe3 Cc6 55. Ch5 Cb7 56. Ce8 Cc8 57. Kpf4 Kpf8 58. Cc6 Kpe7 59. C:d5 Cd7 60. Cb7 a5 61. ba b4 62. Cd5 Ca4 63. a6 b3 64. a7 b2 65. Ca2 Cc6. Черные сдались.

Пешкин советует вам разобрать это окончание на занятиях шахматной секции.

Как вы думаете, ребята, могли ли черные избежать поражения при более точной защите? Напишите об этом Пешкину.

Задача Владимира Рангелова.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

